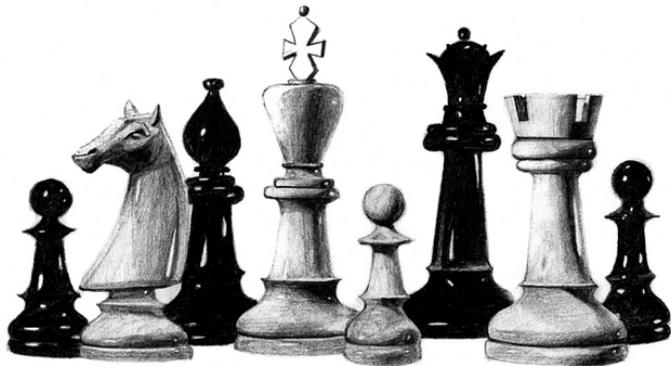

МАРИНА СЫЧЁВА

Когда КОРОЛЬ ХОДИТ ПЕШКОЙ

Ростов-на-Дону
Издательство «БАРА»
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
С95

Сычёва М.

С95 Когда король ходит пешкой: роман / М. Сычёва. — Ростов н/Д: «Издательство БАРА», 2015. — 384 с.

ISBN 978-5-9906528-5-9

Ростов-на-Дону, Мурманск, военный городок Капустин Яр в Астраханской области, давно уже не существующее государство – Королевство сербов, хорватов и словенов, нынешняя Сербия, довоенная и сегодняшняя Болгария и даже современный Донбасс, охваченный пламенем гражданской войны на Украине – таковы географические рамки книги, которая сейчас в ваших руках. Еще более впечатляюще выглядят временные рамки книги: от начала XIX века до 2024 года, который пока еще находится хотя и в не очень отдаленном, но все-таки в будущем.

Жизнь героев связана вековыми историческими связями, в которые иногда трудно поверить. Но они есть, эти связи. Повествование в значительной своей части имеет документальную основу, включает реальные события, факты, а в ряде случаев и имена.

Однако измерять роман только документальностью не стоит, поскольку его сюжет приведет читателя к гораздо более сложным размышлениям – сможет ли человек современной ментальности понять жизнь своих предков, если ему представится возможность совершить путешествие в прошлое? Или «шахматная партия» у каждого поколения своя?.. Ну и, разумеется, как и положено в литературном произведении, которому дается жанровое определение «роман», – есть тут и любовь. Непростая, пожалуй, даже трудная... Однако давно известно: более всего ценится то, что дается нелегким трудом. В том числе и трудом души.

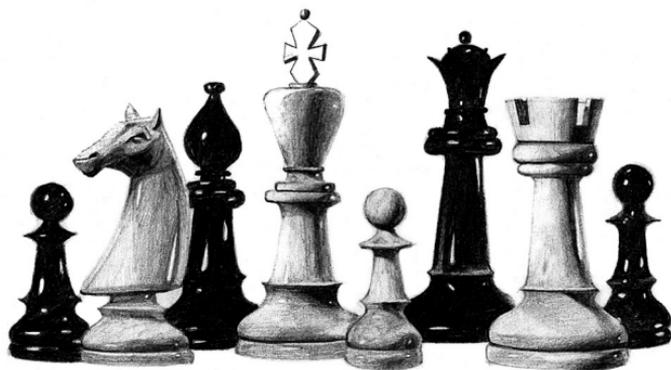
УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

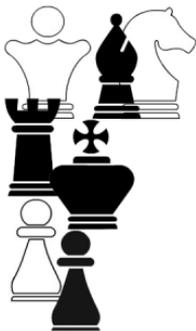
ISBN 978-5-9906528-5-9

© Сычева М., 2015
© Оформление:
«Издательство БАРА», 2015

Пролог.

*Инновационный
урок*

*Здравствуй
и прощай, седая бабушка!
Уходи с пути!
скорее!
ну-ка!
Умирай, старуха,
спекулянтка,
набожка.
Мы идем –
ватага юных внуков.
В. Маяковский, «Киев», 1924¹*

В линзах специальных очков у студентов как будто наяву появился профессор Корольков. Хотя он находился на расстоянии не менее пяти тысяч километров, его трехмерному изображению удавалось контролировать даже мысли его молодых слушателей:

— Елисей, я говорю, а вы совсем не о том думаете. Ваши эротические мысли отвлекают и вас и меня от важной темы. Опять скажете, одолели черти из тихого омута? Включитесь, наконец, в работу! — профессор секунду помолчал, настроился на изложение материала и его голос опять зазвучал торжественно. — Так вот, друзья мои, давайте прочтем один документ, ставший сегодня страницей летописи экспериментальной телепортации в нашей стране. Когда-то этот документ был обычным приложением к Делу о расследовании служебной ошибки вашего покорного слуги. Но надо ли считать ошибкой трудновоспроизводимый феномен, вот вопрос. Возводя метафорическую цитадель

¹ Русский советский поэт, драматург (1893–1930).

из духовных запретов, мы действительно ограничиваем диапазон научного опыта. Разве не является истина Гиппократата «не навреди» для науки деградацией?

На большом настенном экране учебной аудитории, именуемой лабораторией факультета Новой физики, высветился сканированный текст:

Расшифровка фонограммы звуков и голосов, обнаруженных на диктофоне журналиста газеты город «М» Жанкиной Юлии Васильевны:

Ровный гул двигателя и голос мембраны установки ТПУ R-900:

«Внимание! Телепортация по типу С2С — из кабины в кабину!»

Пауза 3 секунды.

Голос младшего научного сотрудника Королькова В.В.:

— Почему погасли датчики?

Повторный ответ электроники:

«Сбой в электроснабжении! Сбой в электроснабжении! Сбой в электроснабжении!»

Пауза 3 секунды.

Гул двигателя идет на убыль и голос мембраны:

«Стадия дезинтеграции закончилась штатно».

Пауза 6 секунд.

Голос Королькова В.В. (кому-то по телефону):

— Появились, говоришь?.. Как мертвые?.. Как или все-таки?.. Но датчики зафиксировали процесс телепортации ... Только вот аппарат сигналил...

Шум и шаги. Голос профессора Розенберга Б.М.:

— Кто позволил эксперимент?

Голос Королькова В.В.:

— Но я прежде проанализировал все данные... Эксперименты, проведенные раньше, заканчивались хорошо!

Голос Розенберга Б.М.:

— А кто тебе сказал, что все научные эксперименты оканчиваются благополучно?

Голос Королькова В.В.:

— Я не знал, что может быть сбой, все шло, как надо, я же инженер...

Голос Розенберга Б.М.:

— При чем тут профессия? Ты... Грубые люди сказали бы, пальцы веером, а сопли пузырями. Ты взял и перечеркнул весь опыт КБ.

Голос Королькова В.В.:

— Но, может, с людьми будет все в порядке?..

Голос Розенберга Б.М.:

— С людьми?! Что это значит?

Голос Королькова В.В.:

— Их было двое.

Голос Розенберга Б.М.:

— Ну, ты даешь! Вот и одна из причин энергосбоя.

Голос Королькова В.В.:

— Я не причем! Мужчина вошел в кабину в момент ее автоматического закрытия, я не успел...

Голос Розенберга Б.М.:

— С тобой вообще все понятно: ты здесь работать не успеваешь! А с людьми... Раз реинтеграция произошла на широте полигона, основной вектор телепортации был направлен на запад. Исходя из мощности установки, наибольшая вероятность их появления в Западной Европе?.. Хотя нельзя исключать и возможность телепортации по

обратному вектору. Значит, возможна реинтеграция и в любой другой точке.

Голос Королькова В.В.:

— Я звонил на станцию — они там ... но в неконтактном состоянии.

Голос Розенберга Б.М.:

— Еще лучше! Значит, для их души телепортация прошла по типу С2F — из кабины в пространство, а тела их на станции...

Голос Королькова В.В.:

— Борис Маркович, но, может быть, не все так страшно? Может, они просто в обмороке?

Голос Розенберга Б.М.:

— Ты хоть понимаешь, какой вздор ты несешь и что совершил? Ты же их разъял! Разделил: души отдельно, тела отдельно!

Голос Королькова В.В.:

— Борис Маркович, есть ли надежда на благополучное восстановление этих людей?

Голос Розенберга Б.М.:

— А это Господь Бог знает! А мне апостольский диплом никто не выдавал.

Голос Королькова В.В.:

— А что можно прогнозировать?

Голос Розенберга Б.М.:

— Ну, свой прогноз ты уже знаешь, а с ними все может быть! Понимаешь, может быть абсолютно все!

Голос Королькова В.В.:

— Но, может, они смогут все-таки выжить, раз тела их живы?..

Голос Розенберга Б.М.:

— Мне это соединение не давалось. И его вероятность процентов пятьдесят. К тому же аварийно завершенная телепортация может привести к полной амнезии... Или к частичной, и они не вспомнят несколько последних лет своей жизни.

Голос Королькова В.В.:

— Поверьте, Борис Маркович, мне очень жаль! Давайте срочно попросим помощи у врачей!

Голос Розенберга Б.М.:

— Разумеется, мы обратимся к врачам, чтобы хоть чем-то помочь этим несчастным! Что нам еще остается?! Представляю, какой будет скандал, когда об этом узнают все, кто приехал на конференцию!

— А зачем несведущим людям показывать изделие в незаконченном виде?..

Профессор напряг лоб, и текст тут же исчез.

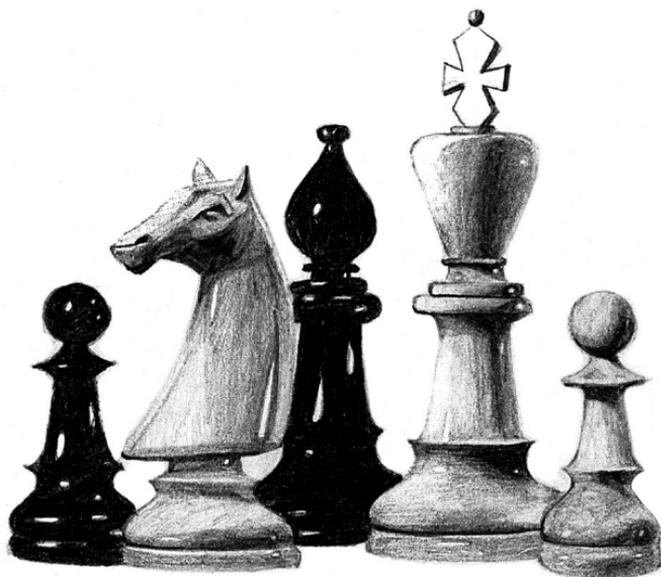
— Ну, вот, — Корольков принял демоническую позу, — люди, конечно, выжили. Причем оказались целы и невредимы. А теперь скажите мне, может ли ученый работать сегодня, в наступившем 2024 году, по принципу «не вмешивайся — и все»?

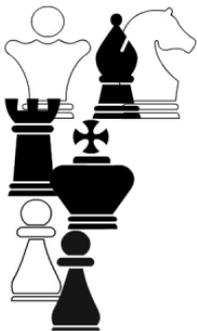
Ему не ответили.

Может, только потому, что он использовал технологию дистанционного присутствия?

Глава I.

*Нечаянные
впечатления*

*Маленький мальчик
В маленькой лодке
В маленьком море плывет.
Маленький ветер
По маленьким волнам
Лодочку гонит вперед.
К маленькой пристани
В маленький город
Мальчик приплыл наконец.
Маленький парус
Спущен на мачте,
И маленькой сказке конец.
Иван Иванович-Змай¹*

Случилось это, когда я работала журналистом в Мурманске. В конце рабочего дня позвонил главный редактор нашей газеты.

— Читай, Южанкина! — он отхлебнул горячего чая и протянул мне листок информационного письма.

Меня не смущало, что он, как и все остальные, перешел на «Южанкину» вместо Юлии Жанкиной. Значит, не отрицает авторитет моего псевдонима, и я сосредоточилась на мелком шрифте: «... 2007 года в городе Капустин Яр проводится научно-практическая конференция по проблемам квантовой передачи информации и результатам исследований российских ученых в области телепортации Б.Г. Лютицкого и Б.М. Розенберга с последующим обсуждением заявленной темы...».

¹ Сербский поэт (1833–1904).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Дружище «Ботаник» прислал из МВД, — радостно ерзал в кресле шеф. — Надо ехать туда. Посмотреть, пообщаться, показаться на глаза. Обязательно передать несколько выпусков нашей газеты Проханову — наверняка «Завтра» кто-то будет представлять, как бы не сам. Да, еще передать от меня гостинец «Ботанику». Тема-то какая — обалдеть! А вообще, Южанкина, ты должна понимать, как важно иногда сменить обстановку, пофлиртовать. Готова?

Спрашиваю:

— Так, может, вы сами поедете?

— Южанкина, ты ведь знаешь, у меня жена рожает вот-вот, ну, куда я сейчас?

«Знаю, косноязычный наш Моисей, что деваться мне некуда, поотправляя ты в отпуск толковых спецов, а сейчас руками разводишь. Это в который раз я в этом году уезжаю за тридевять земель?

А тут еще изжога и желудок болит постоянно. Записалась на этот жуткий эндоскоп, посмотреть, что там у меня внутри образовалось. Идти, конечно, страшно. Как представишь, что шлангом будут шурутить внутренности... Может, и стоит сбежать от лютого реализма куда подальше? К тому же, сопротивляться идее шефа — только себе во вред: служба есть служба».

— Готова... оформляйте командировку.

— А что так уныло? Туда не только командировку, а еще целый запрос надо оформлять. Двери открыты только избранным и то по пропускам.

— Да планы у меня были кое-какие...

— Какие у тебя могут быть другие планы, когда такая сенсация?! Международная, понимаешь?

— Домашние планы...

Шеф недовольно уткнулся в стол, а потом буркнул.

— На три дня, не больше.

На самом деле, одна дорога из Мурманска в закрытое административно-территориальное образование Знаменск, известный в Астраханской области как военный полигон Капустин Яр, — не ближний свет. Три тысячи километров с гаком. Сначала из Мурманска надо добраться в аэропорт, он удален на юго-запад на двадцать километров от города, то есть час езды на сто шестом автобусе. Потом до Москвы еще два с половиной часа лета. От Москвы до Волгограда... Да потом в этот самый Знаменск, а он еще в ста двадцати километрах от Волгограда, по трассе, соединяющей Волгоград и Астрахань. В общем целый день в пути.

Все же один бонус для меня есть — если удастся вырваться раньше, я смогу свернуть с обратного пути и заехать в Ростов-на-Дону, к отцу.

...Темно-серое небо все придавило к земле — здание аэровокзала, вереницу машин, обслуживающих Волгоградский аэропорт. Только бесконечное здание из стекла и металла по-солдатски противостоит этой мгле. Блестящий от летнего грозового дождя асфальт, почти черный, скользкий и холодный, тревожит душу и заставляет бежать скорее в помещение терминала. Господи, как холодно! В Волгограде похлеще, чем в

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Мурманске. Холод студит голые коленки, и хочется надеть брюки и теплые носки.

Посадка самолета в аэропорту еще не сулила мне быстрого приезда к месту назначения. Поискав глазами выход в город, я заметила только знакомую фигуру молодой женщины с хорошенькой девочкой лет пяти, сидевших в самолете по другую сторону прохода, и инстинктивно направилась в их сторону.

— Мама, за нами машинка приедет? — скворчала дочка.

— Приехала уже, родная, — ворковала женщина. — Смотри, папа уже там.

— Где?

— Там, где дядя стоит, сейчас поедem домой.

«У меня с матерью так не получалось. К маме всегда прижималась старшая сестра Люба. Люба — пример для Юли. У Любы стул, у Юли табуретик, у Любы школьное платье, у Юли бумазейный костюмчик, Люба певунья, а Юля «и в кого такая талантливая!». Вовсе не желая огорчать свою семью, я завидовала старшей сестре: «Почему с Любкой так носятся?» Отец как-то не так, но мать проявляла сдержанность даже тогда, когда я стала носить «пятёрки» в портфеле.

Дождливая трасса Волгоград — Знаменск не вдохновляла, да и в сенсацию, которой проникся редактор, верилось с трудом. Рассасывая таблетку Маалокс, я начала набрасывать схему репортажа о Музее космонавтики, ведь из этого самого Знаменска — Капустина Яра отправились в полет первые космические собаки, которых звали вовсе не Белка и Стрелка, а Дезик и Цыган.

— Глаза испортите, — заботливо уведомил сосед сбоку, показав на окно, в котором выгоревшая степь уже мигала сумеречными огоньками. — А вы такая симпатичная, извините!

— Зачем же извиняться, вы в этом не виноваты!

Хотя я мама взрослой дочери, и мне уже за сорок, я все-таки отношу себя к категории «так-ничего» и замечаю, что мужчины оценивают яркое доминирование моих женских начал куда благосклоннее: «Интересная блондинка!» Или более игривым комплиментом: «Хорошая девушка!». Несмотря на мысленную ассоциацию с понятно какой девой, все же комплименты — вещь приятная. А по поводу развода с мужем стараюсь грусти и уныния не проявлять. Кстати, и по тому поводу, что именно он увез меня когда-то из теплого южного города Ростова-на-Дону в Мурманск.

Я отложила свои записи и развспоминалась.

Лучше бы я сейчас ехала не в Знаменск, а в Ростов, к отцу. Как ему сейчас приходится без нас с сестрой?

Любочка первая преподнесла сюрприз папе, дескать, «люблю его и уезжаю».

Отец замахал крыльями:

— Какой Белград?! Там стреляют! Американцы!

— Что ты, папа, уже год, как все хорошо!

— Меня настораживает его имя! Что это за Эмануэль!

— Хм... Эмануил Кантович — что тут странного?

— Ну, м-м-м... что-то не так... Или он все-таки еврей? А язык? как вы будете разговаривать, если ты ни «бэ», ни «мэ», ни «кукареку» по-сербски?

Она была нетерпелива, и раздраженно кинула ему:

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Вот твоя любимая Юлька с мужем точно не ошибется!

...Не ошибешься, не попробовав.

А Люба с тех пор живет в Белграде. Она не расшибается, чтобы зарабатывать на семью. Например, как я. Получив профессию инженера и правильно рассудив, что это дело мужское, она всецело отдается бытовым радостям. Ее устраивает факт наличия супруга и его зарплаты, и совсем не расстраивают факты несовпадения их жизненных интересов и частото отсутствия. Главное, что супруг — очень серьезный человек. Так она говорит отцу и мне. Живут они в достатке с двумя детьми — мальчиком Иосифом и девочкой Александрой. Шурочку Люба родила восемь лет назад себе на радость — «парень-таки — отрезанный ломоть».

Люба удивляется, как я, работая среди такого количества мужчин, до сих пор не выбрала себе подходящего спутника жизни. Люба не знает, что редакция, где трудится «спецкор Южанкина», последнее время пополняется представительницами женской половой принадлежности. А если уж начистоту, то из одиннадцати коллег только трое совершенно определенно мужского пола. Это наш шеф-редактор Душечкин Петр Алексеевич, жена которого должна вскоре подарить ему третьего ребенка, как рассказало им УЗИ, мальчика Ванечку. Конечно, красавчик Балесик, который постоянно выбирает галстуки и девушек, и солидный Петрушевский, давно остановившийся на одном галстуке и своей Софе. Еще один член коллектива, хотя и обозначен мужским членством, являет собою,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

говоря помягче, существо бесполое. Чего стоят его приспущенные на бедра джинсы от Pierre Cardin и постоянные посещения косметолога на антицеллюлитные массажи!

Перевес женского начала над мужским творческую нашу контору огорчает и озадачивает, но при этом укрепляет женскую логику построения отношений. Так что пока количественные показатели продолжают накапливать качественный потенциал, молодые девчонки-журналистки заводят среди знакомцев представителей совсем несмежной профессии — мореходов — там всегда был brutальный перевес.

Матери у нас с сестрой не стало, когда мне исполнилось пятнадцать. Красивая женщина, прекрасный химик, сначала пыталась брать высокую планку, но как раз планка и раздражала ее окружение. Потом бросила работу в университете. А заработки в негосударственном предприятии по пошиву женских сорочек оказались нерегулярными... Рутинная бытовуха и разочарование в жизни заели бедную женщину до смерти. Вот как недооценивать установку «Сила сломит и солому»! Отчасти для сопротивления с этой самой «соломой» я и решила связать свою учебу с изучением журналистики.

Примеров таких семей, как наша, в России много. Сначала родители рожали детей, затем строили и обустраивали квартиру. Детский садик, школа, музыкальная школа... Потом новоявленные «господа» Жанкины неудачно вложили большую сумму денег в известный финансовый пузырь «Русский дом Селенга», и, став жертвами доверия к «РДС», пытались най-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ти на ответ на следующий вопрос «что делать?». Закончилась эта эпопея прибавкой нагрузки на основном месте работы родителей и заменой онтологической парадигмы «Жить» на «Быть». Правда, брошенная в почтовый ящик листовка с любимыми словами господина Грузина — «РДС умер — да здравствует Союз-С» и звала к оптимизму, но наша семья все же решила не унижаться перед изобретателями «русского селенга» и не судиться вместе с другими такими же тремьястами тысячами обманутыми вкладчиками: «Что теперь! Так живет пятая часть населения СССР». И отец с мамой завели на балконе пятого этажа кроликов: одного производителя породы «серый великан» и четырех самок «бабочек», сумевших в неволе в очень короткие сроки так заполнить отведенное пространство, что пришлось приобретать недорогой участок в десяти километрах от Ростова для переселения диетических душ. Отец не унывал, называя этот рывок в сторону природы — благом. «Люди, — подводил он социологическую базу под свой эксперимент, — у которых нет животных, в полтора раза чаще прочих признаются, что у них никогда не было и нет веры в людей. Видимо, за верой в людей кроется более универсальная вера в живое, в жизнь».

Мой отец — жизнелюб и страстный садовод. И в летний период Его Зрелость на городской квартире не застать. Откликается только на мобильник. Кроме того, Василий Михайлович Жанкин — личность многовалентная. Он до шестидесяти пяти преподавал в архитектурном вузе, имеет степень кандидата технических наук с зарплатой пятнадцать тысяч и занято-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

стью пятнадцать часов в сутки. Года два был заведующим кафедрой, но плавание в мутных водах ректората длилось недолго и небезопасно. Dasein — этот высокий хайдеггеровский путь единства человека и мира, открылся для доцента Жанкина в отказе от понятий «нельзя» и «классическая мера». К счастью, минуя инстанцию «попадания в люди», он снова оказался на прежней орбите старшего преподавателя. Действительно, зачем рваться не в свои сани?

Через год после смерти мамы глава нашей семьи озаботился неполнотой женских персонажей в своем доме. И для стыдливого фрейдовского знатока понятно, о какой озабоченности идет речь. Другие отношения начать пробовал, но через некоторое время возвращался к нам, своим дочкам. «Девчонки, хочу познакомить вас с Ольгой Романовной! Не хотите знакомиться? Тогда терпите сегодня без горячего ужина. Ольга Романовна говорит, что умеет хорошо готовить. Кому-то же из нас надо попробовать ее кухню?!» Или отец был гурманом, а его пассии не удовлетворяли его взыскательному вкусу, но сила притяжения к родному дому оказывалась сильнее страстного пересмотра вопроса о бытии. Однако тираном он никогда не был, и мы с пониманием относились к его долгим вечерним телефонным разговорам и кратковременным отлучкам.

Теперь отец часто повторяет: «Жизнь, в общем, состоялась! Бытовые напасти того времени отступили, доходы не прибавились, но и не уменьшились. Здоровье? Да как у всех, потихоньку».

Добравшись до гостиницы «Знаменск» и еще раз ругнув шефа за копеечные командировочные, я поселилась в самом дешевом номере. Благо, хоть с Интернетом.

Раскладывая вещи в шкафу на полках, торопливо набираю отца:

— Папа, как ты?.. Как здоровышко? Да, ничего... Ты сейчас не на даче обитаешь, да?.. Почему спрашиваю? Да я сейчас совсем близко от тебя... Не в Мурманске, раз говорю, что близко, а в Астраханской области. Нет, я одна, без Ани, я в командировке... Конференция здесь проводится... Город такой, Капустин Яр, приходилось слышать?.. Нет, в «Звезду» я не перешла, и ведомство не поменяла. Ненадолго, думаю, выбраться на денек к тебе... Приеду и все расскажу, ладно?.. Послезавтра, наверное... Не надо готовиться, ты же знаешь, как я к этому отношусь... Ладно, до встречи. Пока, мой дорогой!

И все-таки горячего поесть не помешает, а то и не уснешь. Хоть и ноет опять брюхо мое...

Спустившись в ресторан «Два капитана», я сразу определила, насколько солидно готовится завтрашнее мероприятие.

Практически все столики, а их там не меньше двадцати, были заняты величавыми джентльменами с интересом во взглядах, лысыми или с седыми шевелюрами, изредка в военных кителях. Эти не ездили на работу в автобусах каждое утро.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Поясните термин «квантовая запутанность».

— О, лучше всех его пояснил Эйнштейн: «жуткое действие на расстоянии». Это и есть фундаментальное явление квантовой механики, которая позволяет передавать информацию на огромные расстояния, ограниченные только тем, насколько далеко частицы из запутанной пары могут оказаться друг от друга...

Я села на высокий стул у барной стойки рядом с человеком лет сорока пяти и, принявшись к запаху, исходящему от кокетницы, стоящей перед ним, тоже заказала себе жульен и зеленый чай. Мужчина не обращал внимания ни на кого, медленно переворачивая страницы блокнота и что-то разыскивая в своих записях. Наконец, он опустил руку в карман и извлек черный лакированный мобильник. Разговор велся на каком-то славянском языке. Я подумала, что он болгарин, и покосилась на его бейджик. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Впечатление, что знает на десять лет вперед, что будет дальше и как. Приметен щетиной усов и окладистой бородкой, роднящей его с художником, не поддающимся всеобщему мнению. Чуть другой поворот головы, и можно угадать сходство с Хемингуэем. Как похож! Читаем на бейджике, кто он такой... Мирослав Дьяконович. Дьяконом или дьяком был его предок, не иначе. Здесь точно «прощай, оружие!».

— Здраво! Я Мирослав, из Сербии, а ви? — заметил он мое любопытство.

— Очень приятно, я Юлия, русская.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Драго ми је!¹ Ви пришли на конференцију?

— Да, конечно.

— Я так же. Биће јако интересантно!²

— Надеюсь, что так.

— Ви говорите српски?

— Нет, я знаю только русский язык. А вы, я вижу, говорите по-русски?

— Немного. Больше понимаю, чем говорю.

— Кстати, в Сербии у меня живет сестра с мужем.

— Добро! — по-детски искренне удивился он. —

У ком граду?

— В Белграде.

— Красивый град, да?

— Конечно, красивый. Вы там живете?

— Нет. Сремски Карловцы, знаете?

— Это известный город. Последнее пристанище генерала Врангеля...

— У нас много интересного! — он энергично взмахнул руками. — Хорошо, если бы вы приехали, посмотрели.

— К вам в Сремские Карловцы? — тут я рассмеялась от души.

— У нас говорят: «Кућа не кућа, ако ней нико ни отвара врата», — он обнаружил обаятельную улыбку. — Значит, «дом не дом, если никто не открывает дверь».

— Хорошо, я подумаю.

— Приятно! Видимо се!³

¹ Очень приятно! (сербск.)

² Интересно (сербск.).

³ Увидимся! (сербск.)

Он широко улыбнулся и поспешил навстречу вошедшему в зал грузному мужчине в строгом сером костюме и в очках.

Новое знакомство подействовало на мою память, из анналов которой всплыла история десятилетней давности, связанная с поездкой в Сербию.

Мне было тридцать пять, и начались проблемы с мужем — то платье на мне, как на корове седло, то парикмахера бы сменить, то чай отхлебываю громче обычного... Короче, нам надо было друг от друга отдохнуть. Куда деваться, как ни к отцу. Оставив Анечку со свекровью, кстати, по ее же настоянию, я отправилась в Ростов-на-Дону. День-другой жаловалась отцу на житье-бытье: «Муж меня не любит, скоро бросит!» Да так плакала, что сердце болело на глубоком вдохе. Дыхание задержу и снова: «Как я без него!» Отец меня уверил, что если чему и быть, то время покажет, а как быть — я должна придумать сама. Вот только из всех моих догадок и придумок только и шло в голову, что дело все в моей внешности. Перебирая свои фотографии в многочисленных семейных фотоальбомах, я вспомнила, что кто-то сказал (хотя, конечно, Делакура я в тот момент не вспомнила), что «картина должна быть праздником для глаза». Моя мама была обладательницей поистине греческого профиля. Правильный рисунок лица всегда дополнял античный носик, пропорциональный широкой улыбке ровных белых зубов. Лица отцовской породы тоже можно считать классически миловидными, и даже похвалить пропорциональность скелета на ростовых снимках. Я же чувствовала себя обобранной и обойденной — все мои

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
фотографии, весь праздник жизни испортил нос. Не-европейский, по-детски пухлый, непропорциональ-ный. Фи!

— Люб, ну, ты спрашивала у своего, во сколько мне обойдется коррекция носа? — говорю и втайне наде-юсь на помощь родной сестры, проживавшей в Сер-бии с мужем, пластическим хирургом.

Голос на другом конце провода звучно, как если бы разговор состоялся с соседним домом, успокоил:

— Ты не об этом переживаешь. Эмануил сказал, что это будет его подарок тебе.

— Вот здорово! Золотой мужик! — затрепетала я.

— А тебе действительно это нужно, Юль? По-мое-му это такие глупости. Нормальный у тебя нос, доб-рый носик, чего над ним издеваться!

— Да уж! Ни у кого такого нет — ни у папы, ни у мамы, ни у тебя. Индивидуальность! Как будто меня в капусте нашли.

— Не забывай, у нас с тобой еще бабушки с дедуш-ками имелись. Родители говорили, с очень интерес-ными судьбами. Я уверена, никто из них не думал о своих недостатках, как ты. Знаешь, уверенные в себе люди принимают себя такими, как есть.

— Ты и теперь меня учить будешь! Я знаю, что делаю!

— А если не понравится потом?

— Понравится-понравится. Красота должна быть продуманной, тем более что у медицины есть все воз-можности! Так, когда можно приехать к вам?

— Да хоть сейчас.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Тогда я прямо сейчас и приеду. Недели на две, да? И еще. Ты знаешь, Люба, не говори отцу ничего, а то он такую панику поднимет, ничего не захочется.

— Хорошо. Но ты сама его подготовь к тому, что едешь к нам. Избавь меня от назидательных разговоров, ладно?

— Не в первый раз. Тем более что у него сейчас какая-то зазноба на даче. Он похож на сытого кота и вряд ли захочет портить себе настроение воспитательными беседами. Тем более по дорожке международной цене, — правдиво рассудила я.

Денег, что насобирала на операцию, теперь вполне хватит на дорогу. Я разложила свои ресурсы по кучкам: двадцать пять тысяч на билеты туда и обратно, плюс в клинике персоналу. Еще на житье-бытье, туда-сюда. Сто тысяч должно хватить. По сравнению с ценами в наших клиниках — это копейки. Придется потерпеть немножко, зато потом...

Отец удивился, когда я позвонила ему: «Пап, я сегодня к Любе в Белград полечу. Ну, так получилось, билет купила по акции, тебя напрягать не хотела. Понимаешь, со своими проблемами замучилась совсем, надо сменить обстановку. Побуду пока там. Ты не волнуйся, ладно? Я же уже большая девочка... С Любой я договорилась, она меня там встретит».

Сама до сих пор удивляюсь такому внезапному перемещению в Европу. Я тогда решительная была, смелая.

ИП «Клиника пластической хирургии», где трудился Эмануил Кантович, называлась «Смайлик». Идеограмма радостной эмоции денно и ночью све-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

который только что беспощадно оттирала мокрой тряпкой.

Их разговор я не поняла, но догадалась, что бедная женщина каждый божий день смывает с него некий кармин. Далее уборщица продемонстрировала, как и куда целуют гипсовый бюст.

— Ево! — закончила она свою тираду. — Узмите главу за свој кабинет. Добро, онда само једна глава, без груди и торза¹.

Гипсовая скульптура головы философа Канта в натуральном размере в крепких руках девушки в белом халате выглядела демонически. Как если бы здесь всех мыли только после того, как разберут по частям.

— Они се воле, а не туку, — умиротворенно замурлыкал доктор, бережно принимая часть мокрого философа. — Видиш, цела глава Канта².

В кабинете Эмануил улыбаться перестал, приняв на себя деловитость, и, включив лампу надо мной, стал поворачивать мою голову вправо-влево, вверх-вниз.

— И шта ти се не свиђа у твој изгледу?³

— Во взгляде? — напряглась я.

Доктор обвел в воздухе овал ее лица:

— Ту!

— Форма носа могла бы быть более утонченной, графической, а не как деревенская картофелина, — заговорила я, но увидела, что он ничего не понял и на-

¹ Вот! Возьмите главу в свой кабинет. Хорошо, хоть одна только голова, без груди и туловища. (сербск.)

² Они любят, а не бьют! Видишь, целая голова у Канта! (сербск.)

³ И что тебе не нравится в твоём облике? (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
чала показывать пальцем. — Нос хотелось бы... вот видите, форма какая круглая. Следом за ее движением ресниц, взгляд доктора опустился на грудь.

— Да ли си већ била раније код хирурга, знаш ли шта је то?¹

— У хирургов? — заерзала я, неосознанно приводя в движение свою выпуклую статью. — Никогда не была, это будет не очень больно?

Обомлев от хтонической силы, исходящей от своей пациентки, выступающей вперед сантиметров на пятнадцать, Кантович потеплел лицом и нехотя отодвинулся подальше.

— Зашто унаказити своју природу?² — искренне изумился моей наивности доктор.

— Я не понимаю...

— Како да ти објасним... не треба... кварити своју лепоту!³

— Да какая там лепота! — вскрикнула я и закапризничала. — Ну, вы же обещали ринопластику.

— А сада мислим да не треба. Руска лепотница! Ве-ома си лепа!⁴

— А нос? — я безбодно придавила его пальцем. — Мы не будем его изменять?

¹ Ты была раньше у хирургов, понимаешь, что это? (сербск.)

² Зачем же уродовать свою природу? (сербск.)

³ Как тебе объяснить... не надо... уродовать свою красоту! (сербск.)

⁴ А сейчас думаю, не надо. Русская красавица! Очень красива! (сербск.)

Эмануил меня хорошо понимал. Ну, откуда мне знать, что не получались у Кантовича носы! А я, конечно, хотела графический. Как раз графика у него была резковата. Он знал, что мне бы потом точно не понравился такой нос.

— Ништа нећу радити¹, — доктор стал стремительно лапидарен.

— Ну, пожалуйста!

— Не треба².

— Ну, я очень прошу...

— Не!

Как я ни пыталась взять врача деликатным измором, Кантович только качал головой, избыточно реализуя зрительные представления от моей по-летнему роскошной груди.

— Выходит, я зря ехала в такую даль! — скандално воскликнула я. — Деньги собирала полгода.

Нет, конечно. Главным моральным принципом доктора Кантовича было удовлетворение желаний клиента. Он старался не отпускать без оказания услуги никого, кто бы к нему ни зашел. «Даже, — считал он, — если хирург делает все по минимуму, пациент должен быть уверен, что все идет по максимуму».

Раздумывая над моим последним аргументом по поводу денег, Кантович еще раз повернул мое лицо большим и указательным пальцами сначала вправо, потом влево и предложил альтернативное решение.

¹ Ничего не будем делать (сербск.)

² Не надо (сербск.)

— Само ту и ту¹, — показал он глазами на носогубные складочки и «гусиные лапки».

— Ага, — удовлетворенно кивнула я. — Давайте, поправим. Может, ботоксом, но не знаю... Я спрашиваю, ботоксом будем?

Эмануил отрицательно помотал головой:

— Мезотерапия!

Я затрепетала от нетерпения:

— Когда начнете?

— Сада², — отчеканил профессионал.

Съездила я не зря. Две недели проведенные вдали от моих семейных проблем сделали свое дело. Я заметила результат работы «Смайлика» по взглядам прохожих мужиков на улице. Все-таки сексуальная энергия дана нам не от Бога.

Изменился и Кантович — бес в ребро ему тыкал то и дело. Ревность к мужу не давала покоя моей сестре, ей приходилось думать о поедаемом враждебной страстью супруге, наблюдавшем во время семейных ужинов движения свояченицы. «Юлька, — говорила сестра, — а ты стала чертовски хороша! Вон как довела Кантовича до бойцовской кондиции! В этом гипюровом белом платье ты такая притягательная, как конфетка».

Дольше необходимого оставаться в Белграде было невозможно, и сестра не скрывала облегчения по поводу моего скорого отъезда.

— Эмануил, вы меня проводите в аэропорт?

¹ Только здесь и здесь (сербск.).

² Сейчас (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Ну, вот еще! — тут же убивает мои помыслы Люба. — Ты уже не маленькая девочка. Зачем всем нам тащиться бог знает куда!

— Люба, — вставил лыко в строку супруг, — я могу само...

— Нет, нет, никаких «само»! Возвращаться потом, ты что?! Мы вызовем Юлечке такси. — Люба умиротворенно улыбнулась и четко уведомила: — У нас здесь нет такой преступности, как в России, я уверена, что все будет хорошо. К тому же, ты сразу попадешь в зону контроля, и мы не сможем толком попроситься.

— Ладно, доберусь сама как-нибудь, — тут я надулась от такой беспардонности, и, не дожидаясь докучливой услуги, скромно попросившись, сама отправилась в аэропорт.

На людной улице автомобилей видимо-невидимо. Я махнула рукой. Машина визгливо затормозила. Наклонилась к окну:

— В аэропорт довезете?

— Садись, — частник прохрипел цену вопроса. Дорого, но что делать.

Мы ехали по темной трассе, когда водитель неожиданно по-русски спросил:

— Ты русская, что ли?

— Русская, — охотно откликнулась я.

— А здесь чё делала?

«Чё» сразу насторожило, и я зачем-то соврала:

— К жениху приезжала.

Он как-то ухмыльнулся и предложил:

— Может, заедем куда-нибудь?

Удивление не назовешь приятным, и я дала отпор взглядом.

— Ну, поехали, а? Я ужасно хочу есть, — входил в раж шофер, терзаемый ночными вожделениями. — Поехали!

У меня по спине забегали мурашки, и странная тоска, приеду ли я на этой машине в аэропорт, заняла в душе. Я порылась в сумочке и нашла мобильник. Телефон не включался.

— Я говорю без шуток! — он резко свернул с дороги и помчал машину на горящие в непроглядной дали огни.

Откуда-то долетел лай собак, но домов видно не было. Я представила, как стою одна под дождем на незнакомом тротуаре с багажной сумкой в руках и содрогнулась. Ничего не оставалось, как сосредоточенно смотреть перед собой, хотя водитель не ждал от меня никакого решения — решение он принял сам.

Едва слыша свой собственный голос, я произнесла:

— Хорошо, вы идите в кафе, а я вас подожду. «Хорошо, что я с собой не нахватала много вещей, и багажная сумка на заднем сиденье. На самолет я, наверное, опоздаю. Только если рейс задержат...».

— А ты не сбежишь? Ты ведь не заплатила, — будто бы догадывался благодетель.

Стараясь казаться непринужденной, хотя мысли крутились совсем о других действиях, я прикинулась дурочкой:

— Я ведь не местная, не знаю, куда бежать.

Он припарковался к полутемной придорожной забегаловке и развинченной походкой зашел внутрь.

Успокоив дыхание, я осторожно выбралась через его сиденье наружу, тихонько открыла заднюю дверь, вытащила свою сумку и бросилась в лесополосу. Спрятавшись в высокой влажной траве, дрожа от страха, я наблюдала за входом в трактор, где скрылся водитель «Мазды», понимая, что уйти я смогу тогда, когда он уедет отсюда.

Наконец, он вышел с белым свертком в руках и, заподозрив побег, выругался, с грохотом захлопнул заднюю дверь так, что машина дернулась, потом повернулся в сторону лесополосы и, свирепо выкатив глаза, заорал:

— Дура! Стниешь здесь одна! Последний раз предлагаю — поехали!

«Сам дурак, раз не понимаешь, что предложение твое не ахти!»

Когда звук автомобиля исчез, наступила тишина и свет в тракторе погас. Незнакомая деревушка погрузилась во мрак.

Я выбралась из своего укрытия и, напрягая зрение, побрела по незнакомой дороге, вглядываясь в очертания деревьев, стоящих вдоль дороги. Как же я злилась на себя, на этот мелкий дождь, на того болвана, что пообещал помочь добраться в аэропорт, на сестру с мужем: «Могли бы и проводить!...»

Спящий поселок не казался мне романтической балладой. Больше всего на свете не нравились темные окна домов, жиденькие заборы и кустарниковые изгороди, даже сонные собаки, которые могли бы и разбудить своих хозяев, дескать, человек нуждается в помощи. Село спало. Спала и луна, спрятавшись за

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

тучами и не думая о несчастной путешественнице, потерявшей в незнакомом месте среди незнакомых людей.

Наконец узкая улочка, стиснутая плотными рядами домов, перекатилась через подъем и закончилась чьим-то сараем. Я решила круто повернуть направо и вновь вышла на асфальтовую дорогу. Сил не было смотреть на часы, хотелось встретить, наконец, людей и машины.

Желание исполнилось. Подъехал и остановился автомобиль.

Худоцавый парень кивнул, что подвезет в Белград, вышел из машины, уложил мою сумку в багажник и открыл переднюю дверцу. Время вечернее, окна затемненные, я успокоилась и расслабилась.

Внезапная остановка машины заставила очнуться. Куда-то приехали. Почти у дороги дом. Из двери вышел еще один парень, постарше и покрупнее:

— Ко је ово?¹

— Курва, стоји на пугу, сва у белом као млада².

Меня накрыла истерика. Я плакала и не могла остановиться, пока водитель нетрезво и бесцеремонно не сдавил мое колено:

— Смири се и излази!³

Меня бесцеремонно вытащили из машины и подтолкнули к входной двери.

¹ Кто это? (сербск.)

² Проститутка, стояла на дороге, вся в белом как невеста. (сербск. жарг.).

³ Успокойся и выходи! (сербск. жарг.)

В просторной комнате, открывшейся ее взгляду с порога, во главе обеденного стола сидел эдакий «дембель» в тельнике. От яркого света он щурился и, деловито покуривая, чего-то ждал. Он вперился в меня посоловелыми глазами, словно именно я была виновата в его душевной депрессии, и молчал, пошмыгивая носом. Рядом с ним сидел то ли брат, то ли друг. Первый подтолкнул соседа вперед, чтобы он посмотрел на гостью и оценил ее:

— Лепа?¹

Не получив реакции квелого собутыльника, «дембель», рассуждая указательным пальцем, обратился ко мне с непонятной тирадой. За месяц пребывания в Сербии я, конечно, запомнила какие-то слова, но такой большой текст был мне неподвластен. Может от этого, а может с устатка от дорожного эпизода, а может, меня озарила интуиция, но я выпрямилась, обвела всех присутствующих в комнате нагло-равнодушным взглядом и вызывающе произнесла:

— Я — русская. Ехала в аэропорт, а этот меня задержал.

— Где си је покупио?² — спросил у подельника «дембель» и еще больше сощурился.

— На путу³.

Тем временем, я достала из сумки свой паспорт:

— Вот, читай! — поднесла его к носу «дембеля» и тут же подумала: «Хоть бы не испортил, пьяный ведь в стельку...».

¹ Красивая. (сербск.)

² Где ты ее нашел? (сербск. жарг.)

³ На трассе (сербск.).

«Дембель» выхватил документ и молниеносно оглоушил худощавого по затылку:

— Хоћеш ли да знаш како је у затвору, будало?¹

Парень шарахнулся к стене и подобострастно заговорил:

— Ја ћу све средити!²

— Стварно?! А како ћеш то средити? Хоћеш ли је убити да би ћутала? Доста твојих проблема! Однеси је тамо где си је покупио. Одмах!³

«Дембель» подошел ко мне, протянул рюмку и вежливо произнес:

— Жао ми је...извини, девојко! Ево ти крушка, попиј. Рускиња — друг!⁴

Я пожалала плечами и в знак солидарности братских народов выпила крепкую ракию, отдающую грушевым запахом.

Худощавый тем временем уже завел мотор и распахнул дверцу машины. Он дал газу, машина рванулась, и меня втянуло в сиденье. Потом ракия сделала свое дело, и я расслабилась.

Сколько мы ехали, не знаю. Когда машина, наконец, остановилась, я увидела поселок.

— Почему остановились? Мне же в аэропорт надо!

¹ Хочешь узнать, как дела в тюрьме, дурак? (сербск. жарг.)

² Я исправлю все! (сербск. жарг.)

³ Неужели?! И как же ты все исправишь? Убить ее, чтобы молчала? Хватит твоих проблем! Отвези ее туда, откуда взял. Сейчас же! (сербск. жарг.)

⁴ Извини, девочка! Вот «Груша» (разновидность ракии), выпей. Русская — друг! (сербск. жарг.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Излази!¹ — водителя колотила лихорадка.

— Где мы? Что это за место?

— Излази!

— Скажи хоть, в какой стороне Белград?

Парень нетерпеливо показал рукой направо:

— Десно!

— Это направо, что ли? Так там же пустырь!

Едва я успела вытащить свой багаж, как машина рванула с места и развернулась в обратный путь. Я судорожно нашарила в сумочке мобильник, но он оказался отключенным. Казалось, таинственные голоса, как из преисподней то перешептываются, то хохочут, то замолкают. «Птицы кричат какие-то? Страх господний...» — мысли снова и снова возвращались к той жути, в которой я оказалась. «Здесь никто никогда меня не найдет, — кричала я, что есть мочи. — Никогда! Люди добрые!... Еще немного и не выдержу! Я за-за-запуталась, заблу-блудилась... Как же ме-ме-меня так угораздило-то?! Сколько еще терпеть-то, Господи?»

Терпение лопнуло у жильца соседнего дома. Мирно почивавший старичок с ворсистой бородкой выскочил на улицу в доисторическом колпаке. Он шел на меня, как матадор со скрученным в розовый жгут кухонным полотенцем, дабы домостроевским методом усмирить расходившуюся женскую плоть. Я едва увернулась, заверещав на октаву выше примарных тонов:

— Телефон дайте! Я в полицию позвоню.

Он почему-то прислушался ко мне.

¹ Выходи! (сербск.)

После этого Кантовичи проводили меня в аэропорт. Но неприятные воспоминания надорвали наши отношения с сестрой.

Зал заседания оказался занят до отказа. За возвышенным длинным столом, слева традиционно заканчивающимся массивной трибуной, сидели патриархи науки — физики, математики, нейрофизиологи, не нуждающиеся в представлении. Их имена фигурировали рядом с Сахаровым, Зельдовичем, Шкловским... Казалось, духи Ферми, Эйнштейна тоже витают где-то около.

Я включила диктофон.

«...Попытаюсь говорить о важнейшей проблеме современного естествознания, проблеме черных дыр. Эффект под не совсем корректным названием «нуль-транспортировка» описан давно. Суть его в том, что в начальной точке объект дезинтегрируется до субатомарного уровня, затем следует фаза трансляции на околосветовых скоростях, характерных для распространения фотонов, и, наконец, наступает конечная стадия — реинтеграция, во время которой объект восстанавливается в заданной точке пространства в точном соответствии с начальной структурой...».

Оказывается, наука уже имеет экспериментальный опыт телепортации...

«...Те, кто с помощью перемещения мысли уже побывали не здесь, говорят о необходимости определенного настроя, изменения психического состояния.

Чаще всего эмоции мешают разуму проникнуть, например, в оставленный мир. Но изредка человек может оказаться как бы в другом измерении...».

И все-таки Зазеркалье как феномен есть!

Пространственно-временные отношения — удел физиков и последователей теории относительности, а здесь и нейрофизиология.

«...Человек в экстремальной ситуации может буквально в мгновение увидеть свою прошлую жизнь. И даже если не всю, а только ее репрезентативные моменты — все же это не часто встречающееся явление. Объяснение этого явления достаточно просто на одном из внутренних механизмов мозга — превращать информацию, поступающую ежеминутно, последовательно во времени, в пространственный узор мозгового хранилища памяти»¹.

После завершения всех докладов на брифинге посыпались вопросы журналистов.

— Скажите, если при мгновенном воспоминании сохраняется последовательность прошлого опыта, то насколько подробно она воспроизводится? Ведь для ее воспроизведения опять же нужно определенное время?

— Представьте, что время сжимается...

— И это мгновение можно зафиксировать, чтобы потом развернуть?

— Таковы свойства мозга.

— Значит ли это, что вы выдвигаете материалистическую версию этого явления?

¹ Н.П. Бехтерева. «Магия мозга и лабиринты жизни».

— Сознание, безусловно, производится мозгом, как желчь печенью!

— А я такой версии не нахожу, хотя мои коллеги и представили перемещение человека разумного именно таким образом.

— Вы признаете, что душа есть реальность?

— Во всяком случае, я понимаю, что искать название для этой реальности не нужно.

— Вопрос, касающийся телепортации тела. Получается, что тело разбирается на атомные составляющие, информация передается на расстояние, а потом тело собирается исходя из этих составляющих. А что если собрать не в одном месте, а в двух — ведь какая разница, сколько раз собирать из оригинала? Это как копирование или клонирование? Значит, можно наклепать своих же клонов немеренное количество?

— Вы затрагиваете важную тему, но с точки зрения научной этики она не является для нас интересной.

— Скажите, если телепорт при разложении на элементарные частицы фактически умирает, а на «другом конце провода» воссоздается его точная копия с полным осознанием себя, то можно ли считать, что эта копия и есть оригинал? В смысле его интеллекта.

— Это и есть тот же самый оригинал.

— Тогда вопрос о существовании духа у человека, — спросила я. — Когда по всем «показаниям приборов» копия ведет себя как оригинал, можно быть на сто процентов уверенным, что дух остался жив при перемещении? Или успеет ли он за телом во временном перемещении?

«Интересно, скажет ли он, тело при перемещении хвори свои сохраняет или избавляется от них?»

Терпеливо и уверенно корифеи науки отвечали, что атом — это не кирпич или набор частиц, он обладает массой различных характеристик, которые задаются как раз его внутренними составляющими. Чуть-чуть другая энергия духа — и все, это уже другой объект с другими характеристиками.

— Где-то здесь находится конструкторское бюро Бориса Розенберга, — прошептал рядом знакомый голос сербского журналиста. — Там его площадка по теме «Нуль». Он же гений! Хочу побывать там!

— А здорово было бы попробовать, — предположила я.

Ученые разговоры развели присутствующих по небольшим группам, сосредоточенным вокруг разнопрофильных ученых. Я оказалась рядом с Розенбергом. И тут случилось неожиданное — он сам предложил осмотреть площадку тем, кто заинтересовался его разработками, чтобы потом поделиться впечатлениями с коллегами.

Наша подгруппа двинулась в КБ. Круглый металлический зал оживился гулкими разговорами присутствующих. Вслед за ученым мы энергично поднялись по лесенке и вскоре оказались перед странным прибором, похожим на большой вытянутый футляр для карандашей, с клавишами и тумблерами на передней панели. Возле машины времени находился помощник ученого, который монотонно принялся объяснять, что к чему.

— Это установка «Ока», — погладил он рукой матовую табличку, хотя на ней отсвечивало другое обозначение — ТПУ R-900. — Достаточно задать долготу точки реинтеграции и войти в эту камеру, и через некоторое время вы окажетесь в другой камере, уже на расстоянии восемь с половиной километров.

— А время? Время останется сегодняшним?

Помощник открыл рот, собравшись ответить на вопрос, но ученый перебил его.

— Мы сейчас работаем над временными параметрами, — уклончиво ответил Розенберг. — Время не изменится, если не считать расхода времени на телепортацию.

— Можете показать? — почему-то осмелилась я.

— Нет, апробация сейчас не предусмотрена. Кроме того, у нас непозволительно участие дилетантов. — Он стал категоричен. — Даже примитивный опыт, в конце концов, требует тщательной подготовки.

— Но вы же говорили, что я никак не изменюсь от этого перемещения! — настаивала я.

— Видите ли, милая женщина...

— Юлия! — подсказала я.

— Юлия! — расплылся в улыбке его рот. — Любая уникальная машина, как женщина, всегда способна на иррациональность.

— Даже ваша?

— И наша. Элементы хаоса у нее, как и в шахматной игре, неуничтожимы. Хотя мы, конечно, упорядочили эту «шахматную систему», но исключать Его Величество Случай не стоит. Он не есть результат нашей с вами некомпетентности или недобросове-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
стности. Его Величество — есть символ принципиальной невозможности абсолютно точно оценить некую шахматную позицию. Или внутренний мозг нашей «Оки».

— Или какой-то еще мозг, не так ли? Но тот мозг, который я имею ввиду, всегда был на моей стороне!

— Я придерживаюсь атеизма. Но думаю, что хаос каким-то странным образом способен к самоупорядочению и за счет внутренних параметров системы. В общем, каждый момент жизни начинает сложную шахматную партию.

— Но я бы очень-очень хотела сыграть такую интересную шахматную партию!

Он оказался не подвластен «красивым глазам», и, ответив на вопросы других присутствующих, пригласил всех к выходу. Толпа покорно двинулась за ним.

Мне показалось, что я осталась возле машины одна, и спросила помощника.

— В то, что вы говорите, поверить невозможно.

— Почему? — бесцветно удивился он.

— Потому что ваш шеф так и не привел ни одного конкретного случая телепортации. Подтверждалась ли когда-нибудь его научная версия опытным путем?

— Естественно!

— А вы участвовали в эксперименте?

— Я — нет, а волонтеры — да.

— Волонтеры?

— Да почему вы все время удивляетесь? В любой экспериментальной науке есть волонтеры.

— У вас это что-то вроде космонавтов?

Он вдруг рассмеялся, содрогаясь всем телом.

- ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
- Видели бы вы этих космонавтов... да они...
 - Такие, как я, надо полагать?
 - Вот именно.
 - Знаете что? Мне надо описать хотя бы один случай, чтобы материал получился достоверным.
 - И что вы предлагаете?
 - Предлагаю себя в качестве волонтера.
 - Но вы окажетесь на расстоянии восьми с половиной километров. Там, далеко, — он махнул рукой, — в другой камере.
 - А там никого нет? Там темный лес?
 - Почему это, лес? Там точно такая же камера.
 - А рядом с ней кто-нибудь есть? Я же как-нибудь смогу выйти наружу?
 - И там есть люди.
 - Тогда, пожалуйста, переместите меня! Вы же умеете пользоваться этим прибором?
 - Только вчера днем я работал с волонтером. Правда, под руководством Бориса Марковича.
- Глаза молодого помощника засветились азартом и он сказал:
- Это действительно классная штука!
 - Ну, пожалуйста!
 - Если не боитесь, — тут же засомневался он, и все-таки согласился.
- Потом он заговорил по мобильнику, видимо с тем, кто должен был меня встречать «на другом конце провода».
- А я, мысленно перекрестясь, ступаю в кабину, как в консервную банку и слышу, как задаются параметры телепортации на запад. Дверь кабины медленно

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

сезжает вниз. И тут, рискуя расколотить лоб о надвигающийся железный ставень, в камеру влетает мой сербский коллега Мирослав. Он порывисто обхватывает меня и кричит оператору:

— И я идем!

Ойкнув, я прижалась к Мирославу, думая, что вдвоем с ним мне, пожалуй, будет спокойнее.

Глаза научного работника от неожиданности, казалось, вылезут из орбит. Он побелел, прыгнул к панели управления, но дверь уже закрылась и операция началась.

Я слышу, как с треском падает мой диктофон. Наклониться и поднять его не могу, тесно.

Не могу даже шевельнуться, хотя появилось ощущение странного кожного зуда, все тело пульсирует. В кабине достаточно светло, а перед глазами появляются цветные разводы. Золотые лучи появляются от моих ресниц...

Одно мгновение — и перед Мирославом развернулись фрагменты его жизни.

Вот дом — его родина, прежняя обитель родителей и даже своеобразный музей истории рода. Разместившийся на просторе ухоженной земли на окраине Сремских Карловцев, летом дом утопал в клумбах причудливых душистых цветов, обведенных каменистыми дорожками, снежной зимой покрывался мохнатыми шапками, обнажая только классические колонны входной двери и столбики изящной балюстрады на втором этаже. Гараж и все домовые

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

на следующий год». Как же было досадно! Ну, почему же я опоздал родиться на целый год! «Следовать за братом» — таков был закон его детства, который он каждый раз старался нарушать.

На первом этаже просторного холла неслышно тикали старинные часы, и тиканье это к ночи становилось все громче и громче. Мирославу тогда было лет четырнадцать, когда он случайно увидел их брошенными на свалку. Обшарпанный ящик с арабскими цифрами и светящимся циферблатом он принес домой, очистил от старой грязи и начал ковыряться в немецком механизме. «Кого ты решил перехитрить! — усмехался Борислав. — Раз люди выбросили, значит, эта штука уже не работает». Немцев не перехитришь — если уж мастер взялся сделать хорошую вещь, он сделает ее так, что она победит время. Потому совсем скоро часы опять пошли, не давая своему хозяину опоздать в школу. Лучшие моменты, тяжелые и совсем незначительные — все проходили под бой уникальной находки Мирослава.

Вот опять очередная осень. «Дети, сегодня мы с вами будем изучать тему «Испарение», — учитель не очень строгий, но какой-то сухой. Серые глаза смотрят словно поверх голов. Он снова поворачивается к доске, мел крошится и ломается, и вместо ровной линии каракули. Кто-то хихикнул, учитель повернулся и посмотрел на Мирослава: «Каждый урок мы будем фиксировать полученные знания предыдущего», — предупредил он всех в его лице.

«Испарение» у него всегда возникало на уроках математики. Их вел профессор Драгович. Моложаво

поседевший мужчина чрезмерного роста с указкой, которая становилась для одних волшебной палочкой, а для других жезлом, всегда держал строгую дисциплину в классе. «Дьяконович, к доске! — командовал он, пока Мирослав изучал масляные узоры потолка и считал плафоны электрического освеще... — Записывай пример: десять минус две целых и пятьдесят пять сотых умножить. Скобка открывается: семь и одна десятая...»

Скучные, противные действия с десятичными дробями. У кого-то из ребят они получались с ходу, а у него... Вот учитель начинает выходить из себя: «Какое действие надо выполнить в первую очередь? А только потом?» Голова опускается, чтобы не видеть, как в этот момент смотрит самая красивая девочка со сказочным именем Зорица, со второй парты у стены.

«Правильно, одна целая, тридцать три сотых! — гремит учитель в сторону Ковача. — Видишь, Дьяконович, Душан уже решил этот пример. А ты все никак понять не можешь, с чего начать решение!» Учитель закладывает руки за спину и идет, как на тюремной прогулке, вдоль рядов, мрачно говоря что-то назидательное, относительно дальнейшей судьбы плохо занимающегося шестиклассника. «Все, кто плохо учат математику, не поступят в институт», — пристрастно заканчивает он, и сам себе кивает головой.

Насмерть перепуганная мать каждую неделю ходила к учителю и брала дополнительные задания по математике, которые Мирослав выполнял в отдельной тетради. Проверив ее, учитель сокрушенно покачал головой, постучал пальцем в последний лист,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
потом красной диагональю перечеркнул несколько страниц. И уж тогда Мария уговорила сходить в школу Александра: «У тебя больше заслуг перед Югославией! И ты быстрее поймешь, что требуется от нашего сына».

— Ну, что?! — терзалась жена дурными предчувствиями, когда Александр вошел в дом.

— А, ну его..., — отец споткнулся на слове. — Вот ему, — он выразительно ткнул пальцем в Мирослава, — нужно не ворон считать, а учиться. Слышишь меня? Учиться надо! Не дай бог, ты еще раз так опозоришь меня...

Отец, разувшись, пошел в кухню и, не оглядываясь, оштрафовал:

— Колач¹ испекла, хорошо. Ему не давать! — когда он говорил таким тоном, спорить было нельзя.

Вожделенный яблочный пирог Мирославу не достался, зато Бориславу тарелку с щедрым куском разгневанный родитель совал прямо в лицо: «Ешь!» Сразу после обеда отец принялся укреплять ограду дома и поволок в мастерскую Мирослава: «Ако ти је слаба памет, мораш имати јака леђа»². Борислава он редко брал на ремонтные работы, зная, что ему это не интересно. Да и учился Борислав всегда хорошо, поэтому и костить его было не за что — удачный ребенок. Про Мирослава отец думал: «Ну, будет, как я работагой. Ну, что делать!» А сам, не вынимая изо рта сигарету, стругал, пилил, красил, бегал по лестнице вверх-вниз,

¹ Торт (сербск.).

² Если у тебя слабый ум, то должна быть сильная спина. (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ж, у каждого свое представление о жизни. Не написал сочинение... Это в общем-то редкость. Ему нельзя было не писать. Было как-то стыдно не иметь совсем никаких мыслей и не иметь подходящих слов.

Спустя годы Мирослав узнал, как контрастировала его увлеченность литературой с домашней обстановкой. Болезнь и инвалидность матери, прогрессирующая близорукость, лишившая работоспособности в литературной сфере, стесненные жилищные условия. А он жил! И давал жить детям.

За небольшим садом, служившим живой изгородью между участком Дьяконовичей и соседским, протекал узкий ручей. На его бережках не перевелись ужи и лягушки, сберегающие свои холодные тела в прохладе воды. Мирослав не боялся брать их руки и частенько шалил с ними в школе. Он не знал, как боится этих земноводных тварей его отец, который всегда держался смело и даже рискованно. День, когда ему стало об этом известно, он не забыл.

Отец заснул на террасе в знойный воскресный день. Разомлевший от положительных эмоций, он мерно похрапывал. Поднималась его широкая волосатая грудь, и, казалось, он видел не первый сон, когда Мирослав, тихонько цокая на цыпочках, положил на его голое тело скользкого полуметрового гада. Очнувшись от сна, отец заорал, как самые отъявленные грешники ада.

— Что за шутки! Тебе уже тринадцать лет! Зачем ты это сделал? — отчитывал его дядя Георгий, к которому сразу побежал шутник.

— Так... я не знал, что он боится ужей. Я думал, я не боюсь, и никто не боится, — отвечал мальчик.

От дяди блудный сын ушел через три дня, когда в доме все улеглось, вернее, когда мать смогла все уладить.

Щемящее чувство возникло у Мирослава, когда сын, закатав штанины брюк, пытался поймать в том самом месте извивающегося ужа. Схватив его, наконец, он обеими руками поднес к лицу, заглянул в маленькие глазки безобидной, но вызывающей омерзение у большинства, твари:

— Пойдем, напугаем маму!

Спустя двадцать четыре года сын его копировал подобные проделки так же бесшабашно, как удавалось ему. И что ему тогда вздумалось, гуляя в зоопарке, сначала дать слону конфетку, а потом пытаться сунуть в хобот сухую палочку?! Объяснения ребенка, за что слон, обхватив его хоботом на глазах вскрикнувшей от изумления публики, высоко поднял над землей, были такими же, как когда-то у Мирослава.

О героизме пишут больше, чем его существует в мире, считал Мирослав. «Главный герой моего романа — это лицо мое собственное. А зачем мудрить? Сейчас можно отнести к разряду героических честное признание: да, мы живем трудно. И умереть сегодня — это не дешевое удовольствие».

В свое время Тито обеспечил своим согражданам-югославам поклонение, как императору Титу. Мы и не обращали внимания на работающие предприятия, ломящиеся прилавки магазинов. Нас не смущал культ личности и соседи-капиталисты. У меня есть деньги,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

и меня принимают везде с распростертыми объятиями. У тебя есть деньги, и мы чувствуем себя свободно. Главное, сохранить мир, чтобы жить, обнимая друг друга.

Теперь мы, получившие по мозгам строители социализма, окруженные базами, блоками, пактами, терактами и недоверчивые к народам-соседям, как и они к нам, говорим, что устали. Утомились от полного упадка экономики, от бесхозяйственности и от бесконечной толкотни за любой работой не по специальности, за машиной угля на зиму, за дешевым топливом, которое можно засадить в бензобак. Надорвались от постоянного ожидания зарплаты и жития в долг, от займов денег у своих пенсионеров, от еще не оплаченных товаров в магазинах.

Тем, кто привык к большим деньгам, а потом потерял их, нужно много сил, чтобы свыкнуться с мыслью о бедности. Деньги, менявшиеся каждый сезон, сначала наполняли кошельки, а потом в одночасье обесценивались и вышвыривались в урны с мусором. И так несколько лет, пока не осели там, где им надо быть.

— Сколько ты получаешь в своем журнале? — спрашивает новоявленный бизнесмен; его завод делает и продает колбасу.

— Пятьдесят тысяч динар... минус налоги.

Бизнесмен разочарован и с прямотой богача заявляет:

— Это не деньги! Я могу купить твой журнал хоть завтра.

Я пытаюсь закрыть ему рот сногшибательным вопросом:

— Твое желанное печатное издание — деньги. Зачем тебе другое, которое не приносит дохода?

— Ты так спокойно говоришь о своей бедности!

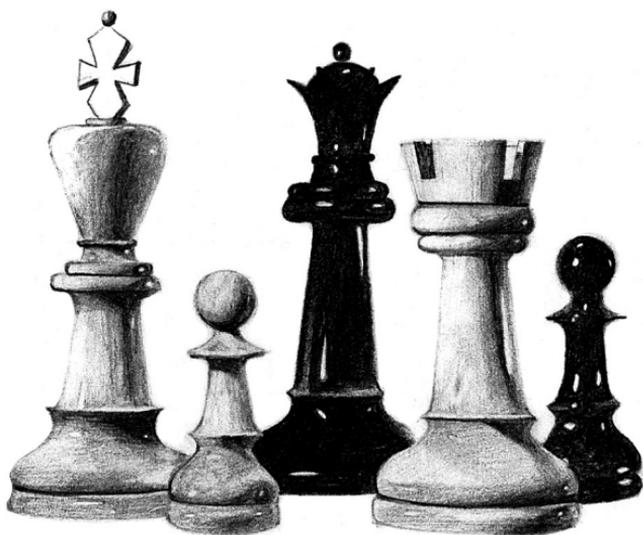
— Никто не любит бедности! Даже товар, за который ты меня принимаешь.

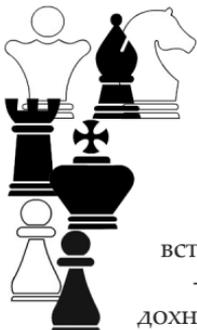
— Но этого мало! — поучает он. — Надо научить людей стыдиться ее. Каждое утро, просыпаясь, я говорю себе: «Я знаю, кто я и чего я стою!»

Возможно, завтра он «пустит меня на колбасу», а я повторяю, как талмудист: «Я буду жить, как я хочу, а не как декларируется».

Глава II.

***Приговоренная
к минувшей эпохе***

*«Все души милых на высоких звездах.
Как хорошо, что некого терять».*

Анна Ахматова¹

— Дышит вроде! — до Юлии донесся встревоженный мужской голос.

— Слава богу, очнулась, — облегченно выдохнул другой, — жить будет!

Пелена спала, и Юлия увидела склонившихся над ней незнакомцев. Она попыталась подняться, но один из них остановил ее:

— Не волнуйся, дочка. Все уже позади, — у него было озадаченное лицо и растерянный взгляд.

— Угораздило же вас, голубушка, забрести в такую даль! Дон-батюшка суров и опасен, — театрально проговорил молодой человек. — Альсан-Данилыч, свечку надо бы поставить — свершил Господь чудо истинное! И как это мы с вами оказались рядом!

«Какой красивый язык! Но как же так может быть? — лихорадочно соображала Юлия, чувствуя какую-то неправду. — Один путает меня с кем-то. Но интересно, что в заблуждение впал не только он».

— Я сейчас возьму тебя на руки, доченька моя, — уверенно произнес называвшийся отцом.

«Он возьмет меня на руки, — удивилась Юлия и увидела свои руки — они оказались маленькими, тонкими, почти прозрачными. — Детские руки?!»

¹ Литературный псевдоним русской поэтессы, писательницы Анны Андреевны Горенко (1889—1966).

Юлия беспомощно оглядывалась по сторонам, замечая, что лежит на берегу реки в перепачканном платье, облепившем ее худое тельце. Река просматривалась сквозь зеленую редкую череду камышей, пропустивших деревянный помост, поднятый на бревнах, шатко шагающих на глубину. От испуга глаза ее заслезились, в голове появился туман, и голоса мужчин стали восприниматься с большим трудом.

Потом она очутилась в крепких объятиях незнакомого человека, безотрывно смотревшего на нее. Смутившись, она отвела от него взгляд и опять почувствовала необычайную легкость своего тела.

— Доченька моя, — опять заговорил тот, кто терпеливо нес ее на руках. — Ты для нас с мамой такое сокровище, мы не можем тебя потерять. Зачем же ты не бережешь себя?

«Опять он называет меня дочерью. Почему они притворяются, что знают меня?!» — ей стало тошно, и скользнула мысль, будто кукушка подбросила ее в чужое гнездо. Не пытаясь вырваться из рук мужчины, она честно произнесла:

— Я не знаю, где я, — голос показался ей писклявым и неестественным.

Мужчина вяло улыбнулся и поцеловал ее.

Она попробовала еще:

— Мне незнакомо это место.

Плоть ее, не чувствуя неудобства, лежала в крепких мужских руках, душа витала где-то поблизости. Логика мыслительных упражнений говорила ей, что она не сумасшедшая, во всяком случае, не настолько сумасшедшая, чтобы не воспринимать данную дейст-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
 вительность. Но вот цель свою и свой путь она уже не знала.

— Все-таки надо к доктору, — заговорил молодой голос. — По-видимому, у нее потрясение мозга. Она вполне могла удариться головой и еще не пришла в сознание полностью.

— Сначала домой, — категорично ответил «отец». — А там увидим. Я думаю, все будет хорошо.

Юлии казалось, надо лишь сделать усилие, и она вновь возвратится в свое прошлое состояние. Может, фамилия все прояснит? Но вместо своей фамилии она безотчетно произнесла:

— Я не помню, как меня зовут.

— Ты Светлана Райкова!

Она вошла в мир, полный новых лиц, звуков и запахов. Но еще не представляла, в какой омут потащила ее случайность.

Мужчина красиво улыбнулся и опять поцеловал ее:

— Слава Всевышнему, что ты жива. Постепенно ты вспомнишь все, и меня обязательно вспомнишь. Мы поможем тебе все вспомнить!

Время как будто взяли и растворили в воздухе.

Пришел сон.

Потом пришла другая жизнь. Она внезапно закрыла собой обрывки взрослой памяти и увела в мир мертво забытых сказок и в неизвестные чужие края.

«Я Светлана Райкова. А это — улица Константинополя. «Улица, вытянутая нарядной гирляндой», как говорит моя мама. Я иду по этой улице. Стены,

занимающие почти половину домов с окошками где-то под крышами, сменяются витиеватыми террасами с сияющими окнами, дверями, лестницами, колоннами. Улица узкая свернула на улицу широкую. Везде выведенный рукой художника и фантазией природы узорчатый орнамент.

Рядом идет моя мама. Гладкое лицо ее выглядит очень молодо. Засмотревшись на себя в витринное окно, она быстро стягивает с головы серо-коричневый платок, прячет его в сумочку и оглядывает свою фигуру в длинном черном пальто. Я восхищенно смотрю на мать и спрашиваю:

— Я тоже буду такая же, как ты?

— Конечно, будешь, воробышек, — мелодично отвечает она.

Взгляд ее рассеянно обращен к клумбе, окружившей причудливый бетонный фонтанчик. Желтые и красные тюльпаны в восточном узоре и с маслянисто-пряным запахом манят во дворец Шахерезады. В красочной книжке какой-то художник его изобразил именно так — в ярких цветах и расцветающих деревьях.

— Наша домашняя сирень все равно ароматнее! — негромко произносит она.

Я поднимаю глаза на мать и думаю, как люблю искать в сиреневой пене пятилепестковое соцветие и быстро жевать его, загадывая желание. Потом непременно попадался еще один такой же цветочек, и еще...

— Мама, — наконец решаюсь признаться, — я взяла плюшку на базаре.

Мы сразу остановились.

— Никто не видел, не бойся! — заверила я.

Мать смотрит на меня с ужасом, как на чудовище:

— Ой, Света, как же это?..

— Ну, если так, то я могу и исправиться...

— Ты уже съела ее?

Я созналась, и теперь мне стало отвратительно стыдно.

— Никогда так не делай, слышишь меня! — мать дергает меня за руку и тащит к гостинице. — Стыд-позор какой!»

Прикрыв глаза, Светлана соображала, не придумывает ли она все это, как когда-то с бабушкой, маминой мамой, сочиняла сказки. Бабушка предлагала сюжет, перевоплощаясь из барыни-дворянки в просторечную крестьянку, а Светлана с удовольствием дорисовывала развитие и конец истории. Придумки ее просто бесконечны — и как жадного короля наказала его свита, и как нечестную девочку проучили в диком лесу добрые звери. И про милого друга, попавшего в беду... Удивительно, но сказка сама себя продолжала. Ах, как грезилось Светлане по-настоящему попасть в тот мир, сделать шаг — и «королевишна!» «Будешь, будешь!» — обещала бабушка, надеясь на стечение обстоятельств и влияние счастливых звезд.

Сказка, в которую она попала сейчас, движется сама по себе или с помощью некоей невидимой силы, не обещающей ей королевства. В этой сказке не будет выгоды и безоблачного счастья, но она вызовет ее усилия и пробудит волю.

«Серый перрон, суета, свист, бегущие по платформе люди, непонятная речь. Мама стоит у окна, смотрит вдаль и почему-то все говорит:

— Кончилось хорошее время. Настрадаемся мы...

Мне жалко ее, я трюсь головой о ее бок.

Отец железный человек, он тут же закрывает песимистическое обсуждение:

— Настрадались бы мы там, когда ты, Лена, принялась бы расчищать заплыванный пролетариями Ростовский вокзал. Ох, и извелась бы!

В переполненном вагоне едут все русские, другой речи не слышно. Ребята, сколько нас в вагоне, подружились и гоняются из конца в конец, забегая «в гости» в соседние купе. Там на маленьких печках, едва умещавших кастрюльку или чайник, варится еда.

Одна крупная дама протягивает мне пирожок, ласково назвав его пончиком, но памятуя о турецкой плюшке, я упорно мотаю головой и не беру его. Но как же он изумительно приятно пахнет! Я стою рядом с тарелкой таких пончиков, чувствую их ароматный дух и делаю вид, что мне интересно продолжать разговор, а сама неотрывно нюхаю и нюхаю его.

Поезд едет «напроход», останавливаясь на больших станциях на очень короткий срок. Выскакивая на платформу, люди едва успевают купить картошку и вяленую рыбу.

Поезд уходит дальше и дальше, увозя нас в панораму необъятного мира с чужими шумными городами, поселками, полями, лесами. За окном виднеется не наша земля, зато мерцает наша надежда.

Наступает ночь. В стеклах проезжающих встречных вагонов видны бледные лица людей. Наше купе тоже не спит. Подпоручика Андрея Голикова, сына наших знакомых, отец пригласил из соседнего купе на партию шахмат. Мама и отец Евлалий, иерей из Ростовского кафедрального собора, сидят за столиком, а я лежу на верхней полке и наблюдаю за шахматной игрой. Я не люблю шахматы, хоть папа и считает, что эта игра развивает логику и хотел, чтобы я научилась играть. Разве это игра! Она такая медленная, и никогда не знаешь, чем может закончиться. Очень трудно убе- речься от поражения, а не выигрывать неинтересно.

Отец совсем не выдает своей усталости. Ему-то уже целых сорок два года, а он как будто с курорта едет — загорелый, стройный. Андрей Голиков все время заставляет папу то и дело куда-то спешить: «Ваш ход, ваш ход, Альсан-Данилыч ...»

Папа сидит в задумчивой позе с пальцем у виска и переставляет фигуру белого коня, спрашивая отца Евлалия:

— И все же, батюшка, чем же этот бесноватый Ленин смог пленить столько смышленного русского народа?

— И нерусского тоже, заметьте, — вставляет подпоручик, склонившись над доской.

Отец Евлалий, худосочный старик с длиннющей седой бородой, делает рукой круг и нараспев произносит:

— Чем пленил, спрашиваете, господин Райков?

Голос его звучит, как расстроенный рояль.

— Я спрашиваю ваше мнение, — уточняет отец.

— Ну, конечно мое, — отозвался батюшка, заглаживая большим пальцем правой руки деревянные бусины четок. — А тем, что он выпустил наружу заложенную в душах людей мужицкую силу.

Разговор утомителен и бесконечен, разговор ни о чем. И Андрей туда же:

— Э-э-э, батюшка, а бабы в красных косынках? В одном хуторе девки собрались на майдане, разделись догола и в одних только красных косынках кричали, что у них теперь свобода.

— А так и есть, свобода у них! Им же прав надавали на равных с мужиками! — иерей обмахнул себя широкорукавным крестным знаменем. — Пресвятая Богородице, прости мя...

Голиков смотрит на папу и кривится в улыбке:

— А вам ведь шах, Альсан-Данилыч. Не хотели тогда жертвовать пешкой, потеряли ферзя.

Отец Евлалий не вдается в ход их игры, продолжая рассуждать:

— Ленин не так прост, как все думают.

— Вы хотите сказать, он гроссмейстер? — ухмыльнулся отец.

— Если позволите, да, — согласился отец Евлалий. — Он понял, что души людей хотят сильных и быстрых страстей — быстро и гневно освобождать кого-то от зла, бесстрашно устанавливать справедливость. Он знал, что это мужицкое начало обязательно отзовется в трагически мягкой православной культуре.

— Болтун он! — вставил свое слово Голиков.

— Оно, конечно, болтун. Но опять же к месту оказалась его болтовня!

— Откуда взялась эта человеческая стихия в большой культурной стране? — недоумевал Райков. — Подарок из Германии?

— Из Германии или нет, а знал супостат, что человеку сложнее бороться не с внешним и страстями, а со своим наличным естеством. Вот и породили ослепленные злодеяки в своих глубинах удивительно мощную стихию — человеческую. И во главе этой стихии стал не Иисус Христос — не вымолила себе тогда Россия Христа, — а самозванец.

— Но молилась ли наша Россия об этом истово и искренне или она молилась о чем-то другом?

— Ох, Александр Данилыч, в корень смотрите: вещам мира сего посягнула наша Россия, вещам телесным и бранным. Такое повторение при каждом самозванце у нас бывало. Труден путь в христианстве, не каждый его удержит, и начинает смущать души мужиков рай досягаемый.

— Да... Россия-матушка размахнулась на полсвета и такую стихию проявила, что надобно и всем соседям задуматься — ураган идет, — сказал Андрей Голиков.

Батюшка пророчествовал, что Ленин играл черными фигурами и нечестно. Мой отец тоже так понял:

— Все российское здание обвалилось, все стекла вылетели! А ведь второе в мире здание по высоте! А теперь наша земля российская у нас под ногами проваливается.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Точно так, любезный Александр Данилыч, — возгласил иерей. — Необратимые волевые и физические решения Россией уже приняты, потому и нам пришлось принять их или отвергнуть.

— Уж едем! — вставил слово Голиков.

Отец нервничает, барабанит пальцами по шахматной доске, похоже, не только по поводу проигранной партии:

— А церковь же не поддержала? Патриарх Тихон отказался благословить русскую армию!..

— Церковь — это не только патриарх, — обеспечил себе нравственное алиби отец Евлалий. — А священники что же, должны были бомбы метать?

Мама не выдерживает политики:

— Тише, прошу вас! Светочка отдыхает. Устала она, маленькая еще. Лучше давайте что-нибудь покушаем.

Выигравший партию молоденький подпоручик никогда не отказывается от еды. Вечером пришел на шахматы, а захватил с собой вещмешок и подсаживается к столу:

— И это верно, Елена Михайловна!

Теперь за столом сидят трое. Отец Евлалий полез на верхнюю полку, Андрей — язык без костей — тут же прокомментировал его бегство:

— Отец Евлалий, как вам удастся судом собственной совести являть себя воздержником и отказываться от всякой любезно предлагаемой пищи?

— Пост, Великий пост.

Маме неловко, что иерей отказывается от еды, и она будто оправдывается:

— Но ведь такое количество пищи не даст пресыщения, батюшка.

Я делаю вид, что сплю, а сама вижу, что батюшка кротко улыбается, и чтобы меня не разбудить, шепчет:

— Спаси Господи. Не только количество, но и качество еды расслабляет душу, возжигая в ней вредоносный, греховный огонь.

Стойко отвергнув искушение, отец Евлалий, отвернувшись к стене, еле слышно и молитвенно перебирает губами: «...да не падше и обленившися, но бодрствующи и воздвижении в делание обрящемся готови, в радость и божественный чертог славы Его совнидем...».

— А я, пожалуй, нарушу заповедь о чревоугодии, — блещет глазами Андрей Голиков, доставая серебряную фляжку. — Всего-то одну. Останутся еще девять! Альсан-Данилыч, поддержите?..

Не помню, сколько мы уже едем, два дня?..

Наконец, проскрипев и напоследок дернувшись, паровоз остановился в тупике приземистой вокзальной станции. Я читаю: Белград.

Направо и налево — не за что зацепиться глазу, везде все одинаково: рельсы, вагоны, платформы, желтые здания барачного вида. Это тупик.

Над этим однообразием висит алебастровое небо. Солнце еще таятся за горизонтом, а нам, утомленным странствием, станция кажется какой-то вековой, будто бы здесь только что промчались бородатые турки на неутомимых племенных конях.

Мы выходим из вагона, обвешанные вещами, как ишаки. Та самая дама с пончиками настороженно выглядывает из своего купе:

— Вы нас покидаете, господин Райков?

О, улыбка моего отца может быть непроницаемой! Кивок и сдержанное «Честь имею!». Мы с мамой смягчаем расставанье с попутчиками. Обмениваясь тихими репликами и перешагивая через рельсы, мужчины отрываются от других пассажиров поезда «Константинополь — Белград».

Вот и вывеска главного вокзала. Лишь одежды людей, снующих вперед-назад по платформе, общаются о каком-то новом измерении жизни. Гражданские платья профессоров в шляпах-котелках, офицерские шинели с аксельбантами, казачьи чекмени и шаровары с красными лампасами, дамские шляпы с бантами, монашеские апостольники. Разнообразие стилей похоже на крытые торговые ряды славянского базара.

— Выход там! — показывает рукой подпоручик.

— Нет, Андриюшенька, теперь привыкайте к тому, что сербы не говорят «выход» или «дверь», — уточнил отец Евлалий. — Они произносят «врата»!

— Пафосное слово, — оглянулся подпоручик.

— Ничуть нет! — улыбался иерей. — И оно материализуется для нас с особым смыслом: Златые врата.

Я думала, что увижу ворота в огромной непроницаемой стене, а это всего лишь простая каменная арка. Как странно, пропускает туда-сюда всех подряд, а называется Врата! Но вскоре они оказались, дейст-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

чтобы дышать полной грудью... вдыхать воздух раскрывающихся липких листьев жерделы...

Отец чувствует мое настроение лучше, чем мать. Он бросает пронизывающий короткий взгляд и резко наклоняется к двум большим черным чемоданам. Я растерянно смотрю то на суровый облик отца, то на неподвижную, как статуя мать, непривычно перетянутую платком и прижавшую к груди кожаную сумку. Я поняла его, спохватилась: должна помочь. Я возьму корзину, прикрытую холщовым мешком.

— Не тронь, испачкаешь одежду, — останавливает мать, и сама тут же ее подхватывает: — Вот, повесь мою сумочку себе на грудь — там все наши документы.

— Лена, — голос отца кажется спокойным, — Светлане уже десять лет, она взрослая барышня.

Я не сразу поняла, куда повезли тех людей, что ехали вместе с нами в вагоне. Они проехали на подводе мимо и, прощаясь, помахали нам.

— Куда они едут?

— Сербы дали им приют в своих семьях, — сурово отвечает отец.

Мы с папочкой не боимся дороги. Дорога для нас самая привычная вещь — мы сильные! И все-таки осторожно спрашиваю его:

— Мы не будем жить в чужой семье?

Он отрицательно повел головой.

Наконец и маме удалась улыбка. Ее губы и щеки дрогнули, она смотрит на меня так, словно на всем белом свете существую только я. Она тревожится за меня, и я, краснея глазами, сразу слабее. Мама поры-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
висто ставит свой багаж, сжимает меня, что есть сил,
и не может оторваться, пока отец не останавливает ее
порыв:

— Полно, Лена.

Возле нас уже неумный подпоручик Голиков:

— Господин Райков! Извольте пройти вон на ту
подводу... фиакр, кажется? Чудо, что он оказался еще
не занят. А может, отец Евлалий вымолил, он уже и
место там себе занял,— последние слова Андрея зву-
чат уже на бегу.

Я уже знала, что мы поедем в город Сремские Кар-
ловцы, а отец Евлалий в монастырь».

Сероватая дымка неба медленно пропускает сквозь
свою завесу солнечный свет, и все сидящие в фиакре
умело делают вид, что ничего страшного не проис-
ходит, просто, все едут на новое место. Сумятица и
растерянность, владеющая их душами, не выливается
наружу. Жестко обозначенный аскетический идеал
православия теперь не пугает попутчиков духом под-
вига и не призывает к «войне всех против всех». Один
Бог теперь знает, как высоко им надо лететь, и как до-
лог будет полет каждого из них.

— А местность похожа на нашу, донскую, да?

— Степь, она везде степь... были б кони!..

И голоса их не прерываются от волнения, не иска-
жаются писклявой истерикой. Даже лица их не меня-
ются от громоздящихся жизненных сложностей и не
щурятся едкой слезой их колючие глаза.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Ко је навикао да ради, биће му добро и код нас,¹ — ободряюще обернулся назад возница.

— Что ты говоришь? — прислушались к чужой речи странники.

— Говорим, да је Србска земља добра и да воли раднике².

— Сегодня воскресенье? — отстраненным голосом обратился он к спутникам.

— Воскресенье, Альсан-Данилыч.

— В соборе служба, — мечтательно добавил иерей, — ладаном пахнет.

— А ладаном ли там теперь пахнет? — реалистичная реплика подпоручика призывала старших попутчиков к политическому диспуту.

— Каждому пахнёт по своей вере, — заключил отец Евлалий, — и по вере же всякому и воздастся.

— Точно, батюшка, — отозвался подпоручик Голиков. — А их Ленин религию отменил, а слово «рай» не стал. Все теперь гужом идут в райком, райсовет, райисполком. И ваш Синод, отец Евлалий, тоже переименуют, скажем, в Митрополит-бюро.

Протоиерей улыбнулся, потом хохотнул громче, а после закатился звонким залиvistым смехом.

Возница оглянулся на них и тоже засмеялся, повторяя сквозь смех:

— Добро! Весели руси.³

¹ Кто привык работать, тому будет хорошо и у нас. (сербск.)

² Говорю, что Сербская земля хорошая и любит работников. (сербск.)

³ Хорошо! Веселые русские. (сербск.)

Светлана, молча смотревшая по сторонам дороги, переспросила у матери:

— Мы — руси?

— Мы для сербов русы.

— А потом будем сербами?

— Наверное, не сразу, — пожала плечами Елена.

— А Бог пришел к евреям и сразу стал евреем, — вспомнила Света урок православия.

— Да, доченька, — улыбнулась Елена, поглощенная какими-то своими мыслями, и неловко добавила: — Тогда все так делали.

Короткая пауза, все пассажиры фиакра снова покатались со смеху. Отец Евлалий усмехнулся и осторожно произнес:

— Смех берет, потом кровавыми слезами плакать будем.

— Отчего нам с вами плакать, батюшка? — весело спросил Андрей Голиков.

— Да ведь каков поп, таков и приход.

— Разочарованы, что не смогли направить пролетариев на путь истинный?

— Я не агитатор. А приход мой жалко, гложет меня мысль: надо ли было мне бросать его, свою душу спасая... Спасение личное теперь, думаю, есть ад для души.

— Вас послушать, так всем нам надо было смерти дожидаться? — удивился подпоручик.

— У вас другая стезя. А мне надо было! Поддался я дьявольскому голосу, да ринулся в бега. Теперь дошло, что спасение в миру тяжелее, чем монастырское.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— В юродивого Евлашку превратиться? — хмыкнул Голиков.

— А хоть бы и так, надо было крест свой нести, а не стяжать монашеские добродетели.

— Тогда все мы здесь предатели, так выходит? — подал голос задумчивый Райков. — Нет, батюшка, судьба толкнула нас на борьбу с безумцами, и самое ужасное то, что именно мы выставлены ими как безумцы. Так плотна атмосфера безумия вокруг нас. Вакханалия безумия там сейчас. Потом проспят, очнутся, увидят, что рухнул их недостижимый прожект, а ничего, кроме праха, не осталось.

— Не скоро понимание к соотечественникам нашим придет, — опустил глаза долу священник.

— Конечно, не скоро, — согласился подпоручик Голиков, — если читать одну газету, понимания вообще ожидать не надо.

«Не выбраться нам отсюда никогда! — думал Райков. — А ведь точно подметил Андрей про одну газету — и другого понимания мира Россия теперь не допустит. Газета эта забором станет, обнесет все умы, и не пробьем мы ее глухую стену».

Пассажиры примолкли, думая каждый о своем, и совсем скоро, как им показалось, фиакр остановился и возница, молодой серб по имени Деян, произнес:

— Је ли то је пут за Фрушку гору! Идите по њему, и тамо ће те видети мушки манастир¹.

¹ Вот дорога на Фряжскую гряду, идите по ней и там увидите мужской монастырь. (сербск.)

— *Via dolorosa!*¹ — задумчиво произнес отец Евлалий, вышел из фиакра и побрел в Крушедол.

В Сремские Карловцы русские пилигримы приехали вечером, когда еще прохладное апрельское солнце не желало уступать место ночи и уходить со двора, оно золотило классические парадные фасады улиц, давая познакомиться гостям города с его достопримечательностями, словно задерживая их в своем восхищении.

Утром, когда Александр Данилович со Светланой свернули с площади Бранко Радичевича на улицу Митрополита Стратимировича, они еще раз убедились в незыблемости и непостижимости старинного городского пространства. Главный архитектор, который утверждал проект этого города, возможно, не знал, что угол есть прорыв в другие миры, или только смутно чувствовал угол как самый двусмысленный участок земли, не до конца принадлежащий человеку, который могли с равным успехом занять и небесные и преисподние силы. И скорее всего, этот неизвестный архитектор просто предвидел, что фиакры станут стремительными и своим числом увеличатся, поэтому и сгладил в плане все углы на перекрестках. Так или иначе, улицы старинного городка плавно поворачивали, а на их пересечении образовались небольшие площади, и старинный город жил особым замкнутым миром.

¹ Скорбный путь! (лат.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Трг, — Светлана, с интересом осматриваясь в новом жизненном пространстве, удивленно прочла табличку на угловом доме, — какое некрасивое название. У сербов такой странный язык!

— У сербов язык похож на наш, — улыбнулся Райков.

— А трг, что это?

— Наверное, от слова «торг», может, торговое место? — гадал отец.

Светлана клячила все утро, а теперь крепко держала отца за руку, радуясь, что он согласился ее взять на важную встречу.

— Вот улица, что нам нужна. Теперь ищем номер 22. Как мне сказали, Петр Николаевич живет там.

Они остановились перед массивной зеленой дверью, украшенной посередине деревянными миниатюрными цветами. Металлическая ручка двери, отполированная руками жильцов и их посетителей, быстро поддалась, и они вошли во двор. Точнее, это оказался проход во двор. Справа дверь, и она тоже не заперта. Райковы вбежали на второй этаж и позвонили в квартиру.

Невнятный голос за дверью что-то пробубнил.

— Здесь ли живет барон Врангель, Петр Николаевич? — звонко спросил Райков.

— Који Врангел? Бежи одавде! Шта тражиш ту?¹

— Пойдем, — Райков дернул дочь за руку, не комментируя беспричинное раздражение невидимого горожанина.

¹ Какой Врангель? Иди отсюда! Что ищешь здесь? (сербск.)

Подъезд дома, казавшийся сначала исторически значительным, тут же запах прокисшим супом, и его отталкивающая вонь погнала Райковых вниз по щербатым ступенькам.

Они только что уехали от ненастоящей и жестокой жизни, надеясь обрести уют здесь, и вдруг судьба опять становится соперником? Полковник Райков знал, что низость и грубость не связаны с национальной принадлежностью, они связаны с изначальным злом в душе конкретного человека. Теперь он понял, что зло это чрезвычайно заразно, как грипп или холера. Стоит только заболеть одним, появляются другие и очень быстро объявляют эпидемию. «Карантин, — думал Райков, — нужен карантин! И России тоже нужен карантин».

Держа за руку дочь, ему виделось первостепенным сохранение души его девочки. Она не должна быть уязвимой, и она не потерпит, не переждет. Душа должна вырасти стойкой, не сломаться, увидев в большой жизни еще немало грязи, лжи, печали, надругательства. Он сделал над собой усилие и улыбнулся:

— Мы ошиблись адресом.

— Если не этот дом, то где же тогда? — размышлял Райков. — Не может жить Врангель в соседней квартире! Значит, мы ошиблись номером дома. Но сказали же, что рядом с Петропавловским собором.

Апостольский храм сражал своим величием. Он как небесный корабль, который на время приземлился, но вот-вот взлетит в небо, он не погружается в мелкую суету будничного, а имеет две жизненные станции — Прошлое и Будущее.

С храмом соперничал только гигантский платан с бледно-зеленым стволом и такими же ветками. Слово исполин, снявший кору-кольчугу, вскинул он могучие руки и обнажил душу молитвой к Господу. Своим могуществом он обращается и к человеку: если вы действительно хотите быть сильными и найти то, что истинно — свое бессмертие, вы не должны раболепно подчиняться обществу и душить свою энергию, вы должны раскрыть целостность жизни, а не ее частицу, жить в окружении огромной красоты и обладать ощущением этой красоты.

— Какое дерево, смотри! — восхищенно остановилась дочка. — Как будто у него нет коры.

— Это платан, здесь растут такие деревья. Но этот особенно красив!

Светлана не любила в книжках описаний природы, но тут она почувствовала обостренное чувство природного мира, объединяющего все государства и всех людей единой оболочкой жизни. Казалось, это дерево может понимать любой язык и любить каждого человека. «Почему только надо одни растения поливать, а другие выдергивать?» — сейчас ей было непонятно.

Разглядывая платан через ограду храма, Светлана заметила, как из дома, расположенного почти на углу, выходит человек в военной форме:

— Папочка, пойдем туда!

Райков повернулся в ту сторону, откуда вышел офицер. Номер дома оказался 21. И тоже массивная дверь, узкий проход, ведущий во внутренний двор, а направо подъем на второй этаж. Декоративной леп-

ниной и уложенной ковром лестницей этот дом был больше похож на генеральское пристанище.

— Здравья-желаю-Ваш-Превосходительство! — Райков возгласом раскачал люстру, удивленно звякнувшую обильными хрусталиками в просторном коридоре Врангеля.

— Ваша барышня? — поинтересовался барон усатой улыбкой.

— Наша, господин генерал армии, — четко ответил отец.

— Тише-тише, земляк! Проходите!

Светлана, ожидавшая увидеть роскошь квартиры главнокомандующего Русской армией, вошла в просторную залу, обставленную необходимой мебелью. Над большим черным комодом красовался венценосный портрет, на простых дощатых полах лежали неприметные дорожки «для тепла», а посередине комнаты расположился круглый стол, за который и присели уставшие от странствий пилигримы.

Девочка, поглощенная открытками с видами Парижа и Люксембурга, не вдавалась в предмет разговора отца с Петром Николаевичем, но оценила выдержанный тон Врангеля и простоту аристократизма. Соблюдая имперскую вежливость, Врангель не ругался по поводу чьих-то «паршивых харь» или «каких-то мордovorотов», как это делали седовласые могикане, лупцевавшие картами куцые железнодорожные столики. Она помнила две «хари», оставшиеся в станице Раздорской, — ее бабушки по папиной линии и бабушкиной сестры. И забыть их не могла, потому что хорошие они были.

Лишь раз лицо собеседника отца побагровело, он скошенным взглядом посмотрел на подлокотник украшенного грифонами кресла, в котором сидел, и страшное слово «трибунал» вплелось в поток его слов.

После того визита Светлана, увидев барона Врангеля, шагающего или почти летящего по площади Радичевича в черкеске и папахе — одежде, присущей насельникам Кавказа, вспоминала, как они тогда разыскивали с отцом его жилье.

«Почему я тогда, на берегу реки, сразу не узнала папу? Вот странно-то! Мама говорила, такое бывает, когда сильно ударишься головой. Точно, я ударилась о помост, потому и никак не могла выбраться из реки...

— Но как ты туда забрела, скажи на милость, — допытывался дома отец.

Я не хотела отвечать, и не знала, что сказать. Я боялась признаться в страшной беде. Даже ему, такому сильному и справедливому, и рассказала, как все было, только ночью.

На берег Дона мы пришли с соседским мальчиком Спиридоном. Кто такой Спиридон? Спиридон мой ровесник. В то утро он был одет, как все мальчики — в брюках до колен и в матроске с отстегивающимся крахмальным воротничком. Почему мы пошли на Дон? Мы вышли погулять, и я заметила, какой Спиридон грустный. Спросила его, почему. «Отец дом продает, чтобы ехать во Францию». — «Насовсем?» —

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

«Так с вещами же продает». Так вот, видя, что Спиридон скучает, я хотела его развеселить, поэтому и предложила сбежать к реке. Да, я знала, что это не так уж и близко, но думала, что мы управимся быстро. Там есть деревянный помост, который ведет на глубину. Мы разулись и начали бегать по этому помосту. Очень приятно босиком, чувствуя пятками воздух и воду, свою невесомость, летать по этому мостику и летая, перепрыгивать через прогнившие щели! А потом одна доска провалилась совсем. Всего-то в пяти шагах от берега! Мы упали в воду, и сразу потянуло на глубину. Бултыхаясь в воде, я успела ухватиться за бревенчатую ногу помоста, а Спиридон нырнул... и все. Не помню, как появился тот мужчина, что вытащил меня. Он пошел опять в воду за Спиридоном, а что потом было, не знаю».

...Картина прояснилась после рассказа очевидцев о затонувшем в этом месте катере. Будто на катере цыгане веселились, что загорелся он синим пламенем, а потом пошел ко дну. Катер вытащили, а яма осталась, образовав воронку. Никто, конечно, не думал засыпать эту яму, и никто не знал, что может произойти такая беда.

По сербскому обычаю, неизвестно кем заведенному, праздничные фотографии и фотографии успехов выставляются на всеобщее обозрение в витринах самых посещаемых магазинов. Сербы не боятся сглаза и порчи, делясь своими счастливыми моментами с ши-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

рокой аудиторией. Дескать, вот мы какие! А вы когда станете?

Светлана с матерью останавливаются возле магазинчика и рассматривают аккуратно прикрепленную на стекло фотографию молодых людей. С фотографии к ним обращены улыбающиеся лица нарядных десятых девушек, сидящих в первом ряду и вызывающе элегантных семерых юношей, стоящих во втором. Фотограф умело схватил остановившийся момент времени для этих молодых людей. На девушках европейские платья и шляпки, стоящие за ними мужчины в костюмах по моде тех лет... Перед тем, как отправиться учиться в университеты или вступить в брак, они запечатлели сплоченное ожидание своего будущего счастья. На фотографии нет и тени грусти по ушедшему прошлому, нет страха, что все они когда-то канут в бездну. Фотография подписана и гласит: «Српска младеж на Слави — Ђаконовићи, Мијатовићи, Топалски и Радошевићи»¹.

Кто знает, где жизнь столкнет или сблизит тех, кто сегодня не знаком!

Елена Михайловна, облаченная в белое удлиненное платье с накинутым легким пальто, открывающим лишь ладони и щиколотки, сегодня очаровательна, ей к лицу новый стиль. Чуть заниженная талия стройнит фигуру и скрадывает сокровенную женскую суть, соломенная шляпка-клош, дополняющая наряд, уподобляет ее героине популярного кино. Изящные тупф-

¹ Сербская молодежь на празднике Славы (традиционный семейный праздник у сербов) – Дьяконовичи, Миятовичи, Топальские и Радошевичи.

ли на устойчивом каблуке с перепонкой не позволяют думать о ней, как о женщине, прошедшей череду неприятностей. К тому же она старается забыть о них, и в этом ей помогает Светланка. Она сегодня тоже в выходном наряде. Жаль, нет с ним полковника Райкова — возгордился бы.

— Madame и mademoiselle! — послышался приятный мужской голос. — Разрешите поприветствовать вас!

Елена Михайловна и Светлана отвлеклись от фотографии и обернулись. Им улыбался респектабельный мужчина средних лет, державшийся рядом с маленьким мальчиком. Глаза мальчика с интересом уставились на Светлану.

— Решили прогуляться? И мы с племянником устроили себе променад.

— Ваш племянник? — переспросила с узнаванием Елена Михайловна.

— Да, мой племянник Александр, — уверенным жестом представил он мальчика и добавил. — Его семья занимается переездом в город Врбас, и двоюродный брат привез его погостить у меня, пока они обустраиваются.

— Очень приятно! — улыбнулась Елена Михайловна и, обращаясь к мужчине, добавила. — Врбас, это ведь недалеко отсюда?

— В хороший день на лошади часа четыре ехать придется. Я был там всего один раз.

— Разве там тоже живут русские? — поинтересовалась Райкова, зная, что Королевство сербов, хорватов и словенов предоставило русским эмигрантам вид на

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

жительство не во всех городах. Их расселили в Белграде, Нови Саде, Сремских Карловцах, а про Врбас она не слышала.

— О, если вы о русских, то мы живем повсюду! — воодушевленно заговорил мужчина. — Мои родственники по материнской линии за пределами России с 1690 года, а сюда, в Воеводину, пришли из Косово с Патриархом Арсением Чарноевичем. Так вот, где только их нет. Вот и Александр уже стал сербом и почти не знает русского языка.

— Здраво! — Светлана протянула руку Александру, и он ее тут же, улыбнувшись, пожал.

— Надо еще добавлять «драго мије», значит «очень приятно!» — уточнила форму приветствия ее мать.

— Так он же еще маленький!

— Неважно, — ответила мать и обратилась к своему собеседнику. — Евгений Васильевич, я слышала, у вас на этой земле большая родня, — заинтересованно произнесла Райкова, и смущенно добавила. — Мне неловко, но возможно, у кого-нибудь из них найдется работа для моего супруга. Он, конечно, может продолжать работать дежурным на складе, но, с его способностями, знаете ли, морально очень трудно. Он не жалуется, но...

Светлана не поняла эту самоотверженную женственность: почему мама так унижается? Отец привык быть первым, а она выставляет его неудачником. Да к тому же при совершенно постороннем мальчишке! Теперь он подумает, что они бедные-несчастные, разве что не посещают бесплатные обеды и не пользуются-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

ся одеждой, собранной в церкви. Она дернула мать за руку, но та будто не поняла ее и предложила:

— Светочка, пройдите с Сашенькой вперед, пока мы с Евгением Васильевичем говорим.

Обе пары двинулись в сторону площади Карловской митрополии, и Светлана слышала, как незнакомец отвечает ее матери:

— Отчего же не поинтересоваться, уважаемая Елена Михайловна, обязательно спрощу. А рекомендации вашего супруга мне вовсе не нужны. Я прекрасно мнения об Александре Даниловиче.

На улице стояла весна, отчасти сгладившая непонимание матери и дочери относительно первенства их единственного мужчины.

Взрослые уже заканчивали разговор тривиальными фразами, и детям надо тоже было что-то делать.

— Приятно!¹ — сказал Сашенька и пожал Светлане обе руки.

— Очень приятно! — засмеялась она в ответ.

— Збогом!² — почему-то сказал он.

— Как збогом? — удивленно переспросила она.

— Збогом, — счастливо улыбаясь, повторил он опять и зашагал в противоположную сторону вместе со своим дядей.

Женская русская гимназия словно оазис для Светланы. Она рвется туда, не болеет и не пропускает за-

¹ Хорошего дня! (сербск.)

² Прощай! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

нения. Как ни странно, ей нравится, что в их классах нет соперничества, и все они воспитываются в духе равенства и по самой сути древних образовательных учреждений.

Сейчас, когда ей исполнилось шестнадцать, и все девочки отчаянно влюбляются (конечно, в последний раз!), учиться в классах стало еще интересней.

Записка была кратка и емка: «Светлана, тебя любит Рома Озеров».

Мечта делает жизнь осмысленной.

— Ты не веришь?

— Как не верить!

Светлана хватается за белый подоконник, видит переливающиеся сентябрьские листики, воздушно поднимающиеся над окном, и проводит пальцем по стеклу размашистые буквы: $P+C=L$. Чуть видимый след остается на слегка запыленном школьном стекле. Глубокой линией внезапно разъято сердце.

В зале кондитерской почти пусто. За дальним столиком без признаков спешки и нетерпения двое мужчин в сизых сюртуках и две женщины в первоклассных и изысканных платьях. На столике перед Романом и Светланой разложена шелковистая бумага, на которой белоснежные фарфоровые блюда с нежнейшими пирожными, украшенными волнами шоколадного крема и заспиртованными вишенками. Для Романа Георгиевича «маленькие бисквитные знаки внимания» куда ценнее цветов. И хотя Светлана чувствует его несправедливость к цветам, все же признает целесообразность сладкого блюда.

Рома Озеров из петербургской семьи, живущей на широкую ногу. Ему не покупают одежду, а шьют от лучших Карловских портных. У него тонкие, как бумага, перчатки, источающие благородно-терпкий аромат. Он красив, подтянут, у него легкий шаг. Он ироничен и без запинки говорит на французском. Иногда он дает понять, что знает гораздо больше, однако не может сказать всего только потому, что не всем обязательно знать то, что положено ему. У него это получается изысканно. На тех, что сидят рядом в кондитерской, он бросает короткий взгляд и сбрасывает их с пьедестала господ на уровень среднегосподского сословия: *si-devant*¹.

Рома старше Светы на два года, он учится в мужской гимназии, старейшем учебном заведении на Балканах. Это декорированное желтое здание с часами на башенке почетно украшает центр Сремских Карловцев. Симметрию здания ритуально выделяет парадный вход, и он же самым своим строем сообщает неординарное и высоко ритуализированное поведение обитателей этой постройки.

Намерения Романа трудно назвать осознанно корыстными, он привык к тому, что все идет так, как должно идти. Светлана сама тянется к нему, напряженно ожидая смелых действий с его стороны. Но он, пожалуй, повременит, понаблюдает за полетом этой бабочки. Предвкушение — это не послевкусие, оно обещает гораздо большее.

¹ Из бывших (франц.).

Наступающий день заглянул в окно Светланы как судья. Она ждала слов объяснений, пусть кратких, но проливающих утешительный свет.

Он не нашел таких слов. О чем же его спрашивать? Говорить больше не о чем.

Родители заметили, какой главенствующий смысл приобрела учеба для их Светланы. Дочь, приходя из школы, запиралась в своей комнате, сообщая о том, что готовит домашние задания, и как похвальная ученица не выходила до самого ужина. Едва поев, она снова углублялась в чтение книг. И все же подозрения о том, что её уединение связано не только с получением образования, вскоре подтвердились.

...Ночь тянется. Надо спать, а Елена не засыпает, несмотря на психотропный дождь. Дверь в гостиную приоткрыта и слышно, как не спят часы. Бам... бам... бам... бам... один за другим раздались двенадцать мерных ударов. Эти удары, почти незаметные днем, сейчас напоминают о чем-то уходящем, чего уже не будет. Тяжелые, отстраненные, похожие на удары колокола, звуки упали в пустоту ночи, которой нет конца. Только эти звуки нарушают тишину жизни.

«Приедет сестра из Парижа. Посмотрит, в какой тесноте мы живем, опять будет бранить Сашу», — взволнованно размышляет Елена Михайловна.

Конечно, с позиций унифицированной социальной лестницы, она и ее сестра стоят в одном пролете: у обеих гвардейские сослуживцы изгнаны в иноземное ущелье. Но диалектическая лестница требовала своего и к спокойствию не приводила: «Где взять деньги

В той же позе Светлана высовывает из-под одеяла руку, сжимает руку матери и уже не сдерживает слез — они катятся на подушку, она вытирает их концом пододеяльника, всхлипывает, вздыхает...

— Ну-ну-ну, — сжимает ее пальцы Елена, — не горюй. Лучше скажи, что с тобой.

Губы Светланы опять дрогнули, но она сдержалась, чтобы унять слезы:

— Рома Озеров Катьке Бахтеевой платью шелковое подарил на день рождения. Теперь она щеголять будет.

— Платье? Так ведь надо знать размер?

Светлана горько ухмыльнулась материной наивности.

— Но ведь тебя расстраивает не Катюшина обновка, — промолвила мать, и Светлане показалось, что она знает все.

— Да... я всегда знала, что Рома меня не любил, и уже примирилась с этим.

— Не надо было...

— Что не надо было? — убитым тоном переспросила Светлана.

— Не надо отводить себе второстепенную роль, — спокойно ответила Елена, видя, как отчаянно дочь мучается отверженностью.

— Ты не понимаешь меня... Он дорог мне.

Что делать, если Светлана увидела в этом мальчике скульптурные черты будущего крепкого и надежного мужчины! Пока эти черты проступали еле-еле, но она уже полюбила их в его будущем.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Конечно, понимаю, — мать поглаживает ее руку. — Я и говорю с тобой, как с взрослой девушкой, которой вскоре надо будет делать жизненный выбор.

— Ты хочешь меня выдать замуж? — удивилась Светлана.

— Не беспокойся так! Не сейчас, но ты выйдешь замуж, обязательно.

— Надеюсь, вы с папой не собираетесь меня сватать по вашему усмотрению!

— Нет, конечно. Господи, Светлана, да у тебя нервы совсем расстроены! Мы не в Туркестане, чтобы выдавать тебя в шестнадцать лет. Ты сама сделаешь свой выбор. Мне только хочется, чтобы ты не ошиблась.

— Тебе хорошо, мамочка, повезло с мужем. Отец очень хороший. А вот я не знаю, как у меня все будет.

«Что если взять немного из квартирной платы и зайти завтра в кондитерскую со Светланой? Просто так, не по случаю дня рождения...», — думала Елена Михайловна.

И Светлана все говорила и говорила. О том, какой грубый их сосед, вечно ковыряющийся с моделями кораблей подъяесаул Е., к тому же она чувствует от него потный запах. А какое хилое тело у того юноши, что каждое утро здоровается с ней по дороге в школу. Каким тяжелым, кисло-сладким папиросным запахом пахнут братья К., неважно, что они были доблестные юнкера. А сын полковника С., он, конечно, уже очень взрослый, ему двадцать шесть, но у него от бритвы щеки синюшного цвета.

— Ты знаешь, когда в ворота широко распахнутой рубахи твоего отца я случайно увидела густые черные

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

волосы, мне показалось это ужасным, — мать тихонько хохотнула. — А сейчас я так совсем не думаю.

Пять призывных ударов маятника звучали увереннее, сильнее в преддверии рассвета.

— Только ты не говори папе ни о чем, ладно?

— Ладно, — Елена Михайловна посмотрела на Светлану и заговорщицки приставила палец к губам. — А до подъема поспи хоть часок.

Кофейня на первом этаже гостиницы «Саранович», что в самом центре Сремских Карловцев, окружена летними столиками, за которыми расположились любители посидеть на воздухе. Таких в воскресный день всегда много. Раньше и Райковы могли себе позволить заходить сюда часто, теперь это происходит только по праздникам или каким-то особым событиям.

Александр Данилович потянул ручку массивной двери, и Светлана с Еленой Михайловной зашли в помещение.

Внутри кофейня выглядела довольно просто — беленые арочные потолки и стены, в проемах между окнами незатейливые натюрморты, струганные и покрашенные в темно-коричневый цвет столы и лавки. Окна кофейни глазели на дворец Патриарха, и надо думать, в холодный день, когда ничто не мешало просмотру улицы, европейский вид из окон впечатлял.

Светлана осмотрелась окрест, прислушалась к редким позвякиваниям фарфоровой посуды, разомлело

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Очень приятно, — вежливо и сдержанно ответил Александр Данилович и представил жену и дочь.

Собеседник деликатно пожал руку Елены Михайловны и подмигнул Светлане.

«Дьяконович! — покраснела Светлана. — Фамилия священника, а смотрит, как искуситель. Старый ведь уже, лет сорок, не меньше!» Но тут зазвучал голос отца, и она отвлеклась от своих мыслей.

Райков кивнул на собеседника Гаврилы:

— Ко је тај?¹

— То је мој друг Милош. Он је професор математике у гимназији.²

— Драго ми је!³

— Драго ми је! — эхом отозвался Милош.

— Драго ми је! — улыбнулась Светлана.

— Она је лепа, — проговорил Гаврило, показывая глазами на Светлану, а потом, обращаясь к ее матери, шутливо поинтересовался. — Ви сте пријатељи?⁴

Елена Михайловна слегка покраснела и улыбнулась. Гаврило сел за их столик, пригласил с собой Милоша с его бумагами и попросил официанта принести еще кофе.

Светлана, вслушиваясь в сербскую речь, не промолвила ни слова. Ей удалось понять, что этот самый Гаврило приглашает отца к себе на работу управляющим для своего имения. Прежний «управник» поче-

¹ Кто это? (сербск.)

² Это мой друг Милош. Он профессор математики в гимназии. (сербск.)

³ Очень приятно! (сербск.)

⁴ Она красива. Вы подруги? (сербск.)

му-то уехал, а его журнал как раз и проверил Милош. Все бумаги были в порядке. Она догадалась, что его имение находится в Болгарии, которую он называл Бугорской. И если отец согласится, то ехать надо в сентябре, значит, сейчас же. «Как же это! Почему надо опять куда-то ехать?»

Интерес этого Гаврилы Светлану все же впечатлил: «Если бы Озеров так смотрел на меня, я бы решила, что он меня обожает...»

Село Постир. Сколько таких сел на болгарской земле! Каменные дома, собранные вокруг площади с белой церковью, больница, школа, улочки, прогоны, по обеим сторонам которых вплотную дома с цветочными окнами и домики с огородами и садами.

Один из домов теперь принадлежал Райковым. Это довольно просторный дом, хотя и не шикававший величественным лестничным маршем на второй этаж, как их российский особняк, исполненный модным архитектором, зато долгожданное свое жильё.

Дом состоял из четырех комнат: одну отвели Светлане, другую заняла родительская спальня, третью запланировали под библиотеку, а четвертая стала гостиной. Довольно большая прихожая превратилась и в кухню, и в гардероб, а под ванную была приспособлена кладовая.

На участке земли перед домом прежние хозяева посадили несколько фруктовых деревьев — яблоню, две сливы, персик и черешню. Совсем молоденькие деревца еще не приносили радости урожая, но все-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ляли надежду на дружный красивый сад. Александр Данилович Райков, родившийся на Дону и любивший хорошее домашнее вино, задумал развести виноградник.

Переезд состоялся поздней осенью 1929 года. За окнами лил дождь, дорога раскисла, и повозка то и дело скользила не в ту колею. Елена Михайловна, сама того не замечая, все время спрашивала, будет ли в доме тепло и супруг уверенно бросал: «Там печка».

Уезжая в Америку, сербская семья прежнего управляющего оставила в доме всю мебель: две широкие кровати, комод для белья, дубовый платяной шкаф, письменный стол, полочки для посуды и книг, изящную кушетку. Но самой большой неожиданностью явилось невысокое пианино, больше похожее на спинет, только молоточковый, а не щипковый. Звук у него был негромкий, но стройный и до того приятный, что женщины сразу же загорелись покупкой нот.

Сад заволокло белой дымкой, но все же он покорила новую хозяйку чистотой и ухоженностью, особенно яблоня, растущая посередине. «Саша, — предположила Елена, — весной это дерево будет похоже на белый факел!»

Заметившие их соседки приветливо с поклоном поздоровались и переглянулись: «Барыни приехали месить нашу грязь!».

Александр Данилович торжествующе открыл дверь и широким жестом пригласил семью: «Теперь заживем!»

Жизнь налаживалась, и семья начала разбирать свое обменное на деревенскую жизнь богатство.

— Вам здесь нравится?

— Нравится, — окинула тоскующими глазами новое пространство Елена Михайловна, и сразу засуетилась по поводу покупки свечек к заутрени.

По расчетам Гаврилы Дьяконовича, совладельца большого поместья в Постире, что близ приморского болгарского города Балчика, доход этого года выдался отменным. Раньше что! Зерна убирали не так немного, кукурузы сеяли больше, чем собирали, одни только виноградники приносили хороший доход. С тракторами да сеялками стало куда легче, это не лошадьми землю пахать!

Раньше поместьем управлял его отец Миливой Дьяконович. Но силы у него сейчас не те, да и подход к производству нужен совсем другой, вот и передал он бразды правления сыну. Гаврило и образован по-другому, и хозяином крепким стал — не разорит имение-то. Управляющего завел толкового, да и они впервые сразу после жатвы наемным работникам заработанный хлеб выдавать стали. Прямо на току, возле огромного вороха отборной пшеницы, собралось почти все село. Здесь насыпали работникам в мешки зерно, грузили на подводы и развозили заработанное по домам.

Райков видел счастливые лица людей и их детей, в их глазах светилась огромная радость, и он подумал:

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Вот это заработок! Но ведь потрудился человек. На здоровье!»

Для Гаврилы это тоже были незабываемые, волнующие минуты — праздник нового хлеба, не показной, а истинно земной праздник, житейский праздник, который согревает душу и волнует сердце труженика. Лицо Гаврилы сияло в эти минуты, и, казалось, он был самым счастливым из людей.

Подумалось тогда Александру Даниловичу: правильное решение они приняли, и оно их объединит не как хозяина и подчиненного, а как друзей.

К новому месту постепенно начала привыкать и Светлана. Одно только обстоятельство не давало ей покоя — она никак не могла справиться со своими чувствами к Роману и ее мысли постоянно возвращались к прелести их редких встреч в Сремских Карловцах.

Вихрем пролетело время подготовки к переезду семьи Райковых в Болгарию, и Светлана не успела толком проститься с ним. На площадь, где они договорились встретиться, Светлана пришла первая, минут через десять увидела приближающуюся фигуру Романа.

— Я торопился, но все равно чуть опоздал, прости ради бога! — без тени смущения Роман посмотрел на часы.

Промозглый вечер, выбранный для последней встречи, был не из лучших. Лил бесконечный дождь, от сырости мерзли ноги, и слова постоянно вертелись

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ми и шлаком для удобства ходьбы. А поле — одна белая скатерть.

Мать держалась, но становилась задумчивой, не такой, какая была раньше. Она не смеялась беспечно, не болтала со Светланой и даже потеряла интерес к пианино. Видно было, что ее что-то гложет изнутри.

— Я прилягу, — чаще стала говорить она. — Ложилась и сразу засыпала.

Ее не вдохновляли и визиты Гаврилы, входившего в дом всегда с какими-нибудь подарками — коробкой пастилы, душистым мылом, склянкой розового масла. И всегда его выразительные глаза спрашивали: «Что с вами?»

Местный доктор определил простуду. Дескать, вдохнула морозного воздуха больше, чем можно, вот вам и болезнь.

У Елены Михайловны горели щеки. Она пила отвар трав, но он не сбивал температуру.

Александр Данилыч волновался:

— Надо поехать к опытному специалисту. Гаврило обещал помочь в этом вопросе.

— Надо бы, — сначала соглашалась Елена Михайловна, а потом оттягивала. — Давай попозже, когда сойдет снег.

Райков — отличный помощник по хозяйству. Он не считает, что домашняя работа — удел женщины. Утром он встает первым, подбрасывает дрова в печь и ставит чайник. Он носит из колодца воду, греет ее в огромном чане, чтобы дома всегда была теплая вода. Он замачивает с вечера белье в ванне, чтобы оно лучше отстирывалось, а потом стирает и гладит его.

— Света, закрывай плотно дверь! — беспокоится он. — Мама простудилась, видимо, от сквозняка. Видишь, у нее кашель не проходит никак!

Случайность выглядела трагично: недоучившийся доктор поставил ошибочный диагноз, а время оказалось потеряно. Потеряна целая жизнь! Воспаление легких развивалось стремительно, и никто не смог его остановить.

На деревенском кладбище, где в конце зимы, 20 февраля 1932 года, хоронили Елену Михайловну Райкову, постирский доктор утешительно сказал, что сделал все, что мог и развел руками.

Отец лечил свое мужское одиночество работой, а в погожий день они со Светланой вырывали осот внутри ограды, меняли цветы и некоторое время сидели на скамеечке возле матери. Потом также неторопливо шли домой, оберегая друг друга и негромко переговариваясь.

Постепенно Райковы привыкли к новому месту жительства.

— Пап, — говорила вечером Светлана, — мне стало невероятно нравиться здесь все — и деревенский воздух, пахнувший дымом, древесиной, сыростью, животными — всем одновременно, и скрипящие звуки дверей и лестниц, и гам окружающей жизни.

— Слава богу! — радовался отец мудрости дочери, не пилившей его за то, что не дал ей ни Парижа, ни Сорбонны.

Летними вечерами Светлана стала ходить в поле. Ей нравилось лежать и мечтательно смотреть на плывущие облака, на необъятную синь неба. Только здесь ей вдруг приоткрылось незамеченное ранее: «Одинокие в большом городе люди становятся в деревне одной большой семьей. И все равны. Человек — и этого достаточно! А какой — это по его поступкам быстро определяется. В большинстве все друг к другу доброжелательны... Ой, кто-то там... неужели сурок?»

На Дону все они погодки и совсем еще малявки ловили в поле сурков. Пушистые, черноглазые с маленькими ушками зверьки были озорнее и опрятнее домашних кошек и собак. Чем-то похожие на большую белку с такой же рыжеватой шкуркой, только без знаменитого большого хвоста, они забавно сворачивались в шар, прижимая к себе коротенькие лапки, и могли весело кататься, вызывая бурный смех.

Поймав большого зверька, детвора, по очереди прижимая его к своим щекам, принесла его в дом Светланиной бабушки по отцовской линии. «Дык у нас в Раздорах таких, как грязи!» — всплеснула она руками. — Вон Григорию надо сказать, чтобы принес тебе совсем маленького, его хоть приручить можно. Этот-то уже подросток, злиться может». Григорий слыл отличным егерем в Верховьях Дона и часто организовывал охоту «для больших чинов», но его сейчас нет, а сурок есть. Бабушку удалось уговорить оставить его у себя, хотя бы на ночь.

Попав в комнату, сурок шагнул на пол, осмотрелся, изошренно сплющив свое тело, засеменя под шкаф

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

же делать? Собачка, иди ко мне, не бойся!» — Светлана осторожно приближалась к зверьку, оглядываясь на возможную опасность. «Раненый, конечно, потому так и лежит спокойно. К смерти приготовился?». Светлана слегка махнула рукой, отпугивая назойливых мух, роившихся над зиявшей на бедре щенка раной. Осторожно дотронулась до него рукой, погладила, и, почувствовав отсутствие сопротивления зверя, подняла его на руки, заметила: «Девочка!»

— Облава на волков началась, видно уже много их вокруг нас развелось, — сказал вечером отец. — А этой по касательной досталось, только кожа с шерстью содрана. Странно, что рядом никого из ее сородичей не было! Это осторожные, дерзкие и умные звери, самку свою они бы не бросили просто так. Видно, причислили к потерям стаи.

— Пап, оставим ее у себя, ладно? — капризно попросила Светлана.

— Оставим, пока оклемается, потом она сама уйдет.

Отец помолчал, а потом, спохватившись, сурово приказал:

— А тебе нечего в поле одной бегать! Поняла, что может быть? Думай не только о себе!

Находку назвали Радой. Она быстро поправилась и с хорошим аппетитом подрастала. Из куцей, маленькой, горбатой собачонки с опущенной головой за год выросла умная и красивая волчица.

Светлана возила с Радой денно и ночью.

— Рада, радость моя! — зовет ее Светлана.

Волчица распрямляется, будто вырастает на глазах, мгновение смотрит на нее и громадными прыжками,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
перескакивая через бочки, мешки, ящики, летит к ней как птица, несется, верещит на своем каком-то языке, неистовствует, лижет ей лицо и руки.

Поскольку голоса своего она не подавала, то и соседи не интересовались, кто там живет у Райковых. Видели, что дворняга бродит, но не удивлялись. Мало ли таких собак на белом свете! В каждом доме сторожами работают. И Райковы не рисковали соседским хозяйством — Раде достался просторный и надежный вольер, куда ее запирали на ночь.

Светлана, прислушиваясь к ее звукам, стала подражать им, вытаскивая эмоции своей подружки наружу. Вот они сидят напротив и Светлана тонко-тонко так голосом наверх, а потом вниз: ив.. ив..ив..ииив. Голова Рады склоняется вниз, она ложится на спину и послушно поднимает свои лапы. Светлана чешет ей бок, а та помогает, часто перебирая в воздухе правой задней. «Правша ты, радость моя, — все делаешь, как праворукий человек!» — смеется Светлана.

Когда Светлана возвращается домой, Рада вскидывается на задних лапах, доставая Светлане до груди, и пытается облизать свою хозяйку с ног до головы.

Стукнула калитка дома Райковых. Пришел Гаврило.

— Наконец-то! — обрадовалась Светлана. — Добро дошао!¹

Гаврило внешне очень солидный мужчина, и по возрасту ровесник ее отца. В свои сорок семь лет он выглядит уверенно и молодожаво. Говорит легко и быстро, постоянно глядя в глаза собеседнику. «Смотрит на

¹ Добро пожаловать! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

тебя, как первосортный Казанова», — заметил как-то Райков. На самом деле, высокий рост позволял Гавриле удерживать взгляд на себе. Держался он спокойно, не сутуля спину и будто бы гордясь своим безупречным внешним видом. Несмотря на деревенские заботы, вернее вопреки им, на деловые встречи и по праздникам Гаврило носил отменный костюм молочного цвета с рубашкой перламутрового и великолепным краповым галстуком, светлую шляпу и вычищенные до блеска светлые туфли.

— Боже вас нашли! Поклон од Елене!¹ — протянул Гаврило белый сверток для Светланы.

Развернув его, Светлана нашла ажурные перчатки и берет, тонко связанные из светло-бежевой пряжи.

— Хвала! Какая прелесть! — Она перемежала сербские и русские слова. —

— Елена правила?² — вставляет свое слово Райков, воспринимая боковым зрением не вполне добродетельный взгляд Гаврилы. — Она занята детьми, и все-таки находит время для вязания и приготовления подарков!

Теплая и малоснежная зима 1938 года. Быстро отошла оживленная под весенним солнцем земля, рано открыла все прелести пробуждения природы. Дружно зацвели синие первоцветы, подняли желтые головки одуванчики, горделиво поглядывали по сторонам

¹ Рад вас видеть! Подарок от Елены! (сербск.)

² Елена делала? (сербск.)

крокусы, и равнина зазеленела ровным ковром. Море издалека дохнуло жарким бризом, и весна заторопилась отдать свои права лету.

Лошади шли ходко, и Райковы быстро прибыли в черноморский курортный городок Балчик. На ближайшие две недели они обосновались в небольшом домике с открытой верандой, построенном специально для приема отдыхающих. Хозяева ждали гостей летом, потому что внутренняя обстановка дома источала едва заметный запах крашенных окон и полов, светилась заботливой чистотой и нетронутостью.

Уже вечером того же дня Александр Данилович со Светланой расположились на берегу моря в плетеных пологих креслах и умиротворенно наблюдали беззвучную радужную игру волн, убегающих к горизонту. «Есть вещи, — думал Райков, — которые можно описать только мысленно, а словесное описание лишь обеднит их». «Вот если бы здесь...», — не успела углубиться в свои мечтания Светлана, как перед ними выросла знакомая фигура Андрея Голикова.

— Андрюшенька! Как я рад! — вскочил с места Райков. — Я уже и не думал, что мы с тобой когда-нибудь увидимся! Это сколько же уже прошло? Шесть, семь? Как же ты заматерел! Вот была бы рада Елена Михайловна встрече с тобой!

— Я слышал, Алысан-Данилыч, о вашем горе, — ответил Голиков. — Но вижу, держитесь вы молодцом. И правильно! Нам сдаваться нельзя.

Голиков перевел взгляд на улыбающуюся Светлану и широким жестом рук отметил, как она повзрослела и похорошела.

— Видишь, мы не сдаемся со Светланой! А ты-то как сам?

— Закончил филологический факультет, живу неподалеку отсюда, в Варне.

— Что ты! Мы опять соседи с тобой!

Райков понимал: дочери уже двадцать четыре — невеста. Скрипучая мысль пращуров, мол, «бабе дорога — от печи до порога» стала навязчиво мелькать в голове отставного офицера. А за его примерное поведение было бы уместно ожидать пересечение пути его Светланки с каким-нибудь хорошим человеком.

Андрей Голиков никогда не рассматривался Александром Даниловичем в качестве зятя. Все-таки он старше Светланы на двенадцать лет, а это существенная разница для молодой девушки. И только сейчас у Райкова неожиданно мелькнула мысль, что встреча дочери и его бывшего адъютанта не случайна. Возможно, встреча с прежним окружением была бы для Светланы очень даже желательна, ведь Андрей из хорошей семьи, как ни верти, а закваска добротная. Райков не забывал, как вместе с Голиковым-старшим учился в юнкерской школе, как они, взрослея, были влюблены в одну барышню, между прочим, родственными узами связанную с самим Кутузовым. Жизнь разбросала их до поры гражданской войны, потом свела вновь, но уже при скорбных обстоятельствах. Вдова Голикова старшего на смертном одре просила Райкова содействовать их Андрюшеньке.

— Работы только вот много, — сказал Андрей, — для отдыха удалось выбраться только на пару деньков.

В Варне ведь и море, и солнце, и красота, но отдохнуть уединенно невозможно.

— Как же ты устроился с работой?

— Да как... Работаю в одном издательстве. Пишу о жизни, сочиняю о будущем.

— Писателем стал? — удивился Райков.

— Журналистом, Альсан-Данилыч, — поправил Андрей.

— Правду, значит, рассказываешь?

Райков невольно приглядывался к тем изменениям, которые произошли с Андреем. Восторженный молодой человек смотрелся тертым калачом: глаза стали жестче, кожа темнее, набрал вес, но не расплылся. И что-то еще, ускользящее для первой оценки, пряталось в нем. Но что? Райков еще не понимал, но некую отдаленность почувствовал.

— Думаете, насколько я стал другим? — угадал его мысли Голиков. — Нет, Альсан-Данилыч, это только внешне я немного изменился. А внутренне я не позволил себе это сделать. Во имя себя самого.

«Бравада! — подумал Райков. — Произносит лозунг, а не понимает его».

— Ту военную форму, в которой я приехал с вами в Сремские Карловцы, я аккуратно держу в шкафу. И молюсь на нее, ведь это моя защита от коммунизма и моя надежда на возвращение в Россию.

— Вот как?

— Да, — с жаром продолжал Голиков, — вам известно, что в Кральево застрелился Иван Михайлович Назаров?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Брат атамана Назарова?! Славный был офицер. Не выдержал...

— Перебивался, как мог и... Года два уже, как он ушел. Я с ним встречался по работе в журнале «Вольное казачество».

— Он в журнале работал? — удивился Райков.

— Стихи писал. На досуге, знаете ли. Что-то помнится даже:

*Дайте лёт ваш, птицы, с крыльями своими,
Дайте мне в Отчизну с вами улететь.
Глянуть на просторы, зарыдать над ними
И зарёй вечерней с ними умереть.*

Голиков бегло прочел строки и добавил:

— Вернуться хотел в Россию, а не знал как.

— Все мы когда-то думали, что через год-другой вернемся домой. А сейчас ищем место для могилы.

— Ну уж, Альсан-Данилыч!

— Да. У меня остались только упования на Бога. — Райков внимательно посмотрел на собеседника. — Разве что сторонники терроризма пытаются что-то придумать?

— Ошибаетесь, Альсан-Данилыч, — заулыбался Голиков. — Сейчас мы по-прежнему едины. И не как террористы. Я их сам терпеть не могу. У них одна цель — Геростратова слава. Никогда хаотическое не преобразуется в упорядоченное. А за нами Слава России — разумная воля, преобразующая жизнь, избавляющая от гнусных еврейских рож и функционеров у власти.

— Признавайся, Андрей, ты стал антисемитом?

— И не скрываю этого теперь. Теперь я могу об этом говорить открыто.

Его признания не насторожили Райковых, они не были евреями и не интересовались политикой.

Зато их балчикский домик превратился в прежнюю обитель разговоров и воспоминаний о прошлом. Андрей, Светлана и Александр Данилыч часто сидели на террасе вполоборота к изумрудному морю, рассматривая белые кораблики, приютившиеся у причала, а по возвращении в комнату, в графине из грубого стекла они видели большую красную розу. Дарителем роз был Андрей Голиков, но как они появлялись в комнате Светланы, оставалось загадкой.

«Однажды мы втроем бродили по затихшим вечерним улочкам Балчика, и вдруг я увидела Романа Озерова. Гром среди ясного неба грянул фейерверком огней! Пылкий мираж опять превратился в реальную действительность. Сославшись на жажду и усталость, я юркнула в то же кафе, что и он, оставив отца и Голикова на скамейке возле моря.

Озеров был рад встрече, и, как всегда, красноречив. По его словам, хороший художник должен стремиться уйти из дома, жить вдали от родительской опеки, иначе мир никогда не узнает о его творчестве. Я слушала, кивала, не в состоянии определить, нравится мне мое согласие или нет. Я поняла лишь то, что он стал художником. Он цитировал Шеллинга в том, что философией должны заниматься только художники.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Он прошелся по Аристотелю и Дидро, не расположенным к искусству и не допускающим художников в разряд богов. Он ссылаясь на Канта, утверждавшего, что гении могут существовать только в искусстве. Я вникала в ход его мыслей, думая, как он высоко взлетел на крыльях философии, а Роман неожиданно произнес:

— А ты стала женственной. Тебе пора выходить замуж.

В эту минуту мое сердце, казалось, выскочит из груди, а мысли опережали одна другую бешеными перспективами: «Боже мой, я буду его женой! Я уеду отсюда с ним, только с ним... Как же отец? Останется здесь?... Зачем? Мы будем жить в большом городе, и у него не будет такой необходимости зарабатывать на кусок хлеба в деревне». И тут в мои мечты вторглась фраза Романа:

— Тебе надо сделать приличную партию, даже если он будет старше тебя лет на двадцать. Надо же как-то выбираться из этой глуши!..

Сразу перехватило дыхание, но, сжав свои чувства в кулак, я, сдерживаясь, спросила:

— У тебя кто-то есть на примете для меня?

Роман заговорил рассудительно:

— Я знаю, что в каждой семье есть связи, которые позволяют сделать правильный супружеский выбор.

Какое счастье, что именно в этот момент к нам подошли папа и Андрей Голиков! Раскланялись, и я укутала Голикова таким обольстительным взглядом, каким только смогла в тот момент, а потом взяла под руку, будто бы мы были очень близки.

— Интересно, — игриво заметил Роман, — а я думал...

— Ты, наверное, и не думал, что опоздал со своим советом!

Так было покончено с самыми лучшими моими воспоминаниями и самыми нежными надеждами».

«Первый поцелуй Андрея мне понравился. Я почувствовала приятное тепло твердых губ, еле-еле уловимый запах хороших духов и чего-то такого, о чем мысленно сказала: «Мужской запах». Нет, я не любила его, как Романа. Но с ним мне было не так одиноко. С ним притупилось неудовлетворение, которое сверлило мое женское самолюбие и нутро.

Первый год нашей семейной жизни оказался сложнее, чем я предполагала. Из Варны, к моей радости, мы переехали в Сремские Карловцы. Что касается квартиры, в которой мы там поселились — это просторная, удобно обставленная, светлая квартира в элегантном доме, к которой я привыкла без труда. Но человек, которого я знала с детства, который казался мне надежным, вдруг обрел какие-то незнакомые качества. Теперь он предъявлял чрезмерные права относительно своей свободы. Он мог позволить себе грубости и потребовать близости тогда, когда мне меньше всего этого желалось. Оборванные ночи словами «Ты холодная женщина!» продолжались недовольные утра, а потом угрызения совести, что я недостаточно люблю своего мужа, что не ласкова и не умею снять его напряжение.

Мой муж оказался привлекательным для многих женщин. Я смогла в этом убедиться, когда на одном из дружеских вечеров застала его целующимся с незнакомой женщиной. У нас произошла ссора, но потом мы помирились с условием, что это первый и последний раз. Я поставила ультиматум супругу: если он еще хоть раз мне изменит, я уйду от него навсегда. Я не потерплю его предательства!

Если бы я тогда понимала, что этот ультиматум я поставила самой себе!..

Жизнь снова пошла своим чередом. Месяц Андрей демонстрировал раскаяние, и я надеялась: «Нет, он не такой, как раньше. Или вовсе не был таким уж грубым, это мне казалось».

Я замкнулась в своей жизни, никуда не выходя без мужа. Даже мой выход в магазин ему казался чересчур увлекательным занятием! Свои эротические фантазии Андрей начинал вопросом: «Где ты шлялась?» А продолжал пошлыми физиологическими предположениями. Я оправдывала его возмутительный тон: «Он столько видел жестокости! Душа его ранена».

Выяснилась и другая особенность Голикова: склонность к дружеским вечеринкам. Так получалось, что каждый раз в конце недели он выпивал с приятелями. Возвращаясь домой, он обдавал на пороге хмельным запахом и в коридоре стаскивал с себя одежду змеиной чешуей, оставаясь в трусах, носках и ботинках. И тут же, сраженный сном, он коротал ночь, хватаясь за дубовую лавку.

Утром загулявший лиходей не мог припомнить ничего. Пока он приводил себя в божеский вид, я увещевала:

— Ты опять выпил!

— Я столько работаю и не имею права отдохнуть?

— Я думала, что мы с тобой куда-нибудьходим.

— Куда тут ходить?! Давай лучше выпьем вместе хорошего вина!

Потом доказательства неверности Андрея стали всплывать с завидным постоянством. Как-то мне намекнули, что мой муж спит с другой женщиной. Но я не верила: «Не может такого быть, вы мне завидуете, поэтому так говорите!» Его измена настолько шла вразрез с моими ожиданиями, что просто выбила твердую почву из-под ног. Я не понимала, почему он может так поступать со мной. И все-таки однажды решилась:

— У тебя есть женщина?

Он пожал плечами в ответ на мое требование объясниться, а потом и вовсе не стал утруждать себя:

— Что ж, я признаю свою вину. Но ведь ты и сама знаешь, какой я лжец!

Я хорошо понимала, что он не чувствует угрызений совести. «Так живут многие семьи, просто об этом не говорят», — успокаивала я себя. А почему не говорят, мне не хотелось обсуждать даже наедине с собой — это была бы неприятная правда.

Однако соседка как-то спросила:

— Какого черта ты с ним до сих пор живешь? Подловатый он...

Ох, и не понравился мне тогда ее намек на предательство Андрея. Я не хотела признавать его предательство, я была слепа к его поступкам и стеснялась считать себя жертвой. Я не должна была вести себя, как жертва. Да я и не считала его поведение каким-то преступлением из ряда вон. Что я могла предъявить ему? Что не устраивала его как женщина? Но кто об этом и когда говорит вслух?! Все терпят.

А самое главное, мне казалось, что раскрывая правду, я могу вынудить его на развод, а так, сохраняя видимость благополучия, я не разрушу семью. «Идеальных отношений не бывает, — вбивала я себе в голову. — Остаться без средств к существованию или вернуться назад в деревню к отцу — это ужасно». К тому же, финансовую поддержку семьи Андрей оставил за собой, не давая возможности чувствовать хотя бы какую-то независимость от него.

Вымученная потребность верить ослепила меня, и, в конце концов, я сама не желала знать истинного Андрея. Мои доверительные разговоры с супругом перешли в напряженные обмены репликами. Неприглядная картина семейной жизни должна была вот-вот рассыпаться и избавить нас от обоюдно ненужного брачного союза, когда я узнала, что беременна.

Супруг обрадовался такой новости. Опять стал обходительным, даже вежливым. Но его жестокость теперь проявлялась в другом качестве:

— Неужто ты не чувствуешь, что Гитлер открыл все форточки, чтобы наконец подул ветер и сдул с лица земли большевистское варварство? Разве ты забыла, что мы вынуждены жить вдали от своей Родины, в ат-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
мосфере дискредитации всех национальных идеалов? — Андрей говорил в духе полнейшей дружеской доброжелательности.

— Но ты же русский! — его чрезмерное увлечение фюрером казалось мне заблуждением.

Но он не разделял мои взгляды и относился ко мне, как к воробью на подоконнике.

Вскоре я почувствовала на себе изменившееся отношение соседей по дому. Свидетели моей жизни вдруг разом ослепли и оглохли. Меня настораживало, что вездесущая соседка по этажу «никогда ничего не слышала» — ни о постоянных облавах в домах, ни о площадных выступлениях, ни об объявлениях на дверях подъезда. Соседка сверху стала очень приветлива с Андреем и со мной. Пожилой сосед с первого этажа, с которым мы обсуждали последние новости Варны, теперь постоянно был занят домашними делами и быстро скрывался за дверью своей квартиры.

Я просто не могла поверить, что люди, с которыми я каждый день здоровалась, беседовала, обсуждала новости, так откровенно лгали. Возможны были два варианта: либо они знали, что Андрей стал фашистом, либо их устраивала сама ситуация в городе. Я напрягалась по поводу первого — Голиков был таким ревностным патриотом — и вдруг поклонник Гитлера?!

Со дня на день я ждала родов. Наша дочь появилась на свет 22 июня 1941 года. Накануне Андрей отправлял меня в родильный дом, где он договорился с врачом и мне должны были оказать более качественное родовспоможение.

Выехав на центральную улицу, мы увидели нескончаемый поток немецких грузовиков с солдатами, офицерские автомобили, походные кухни, артиллерийские батареи и опять колонны солдат. Кое-где втискивались между военной техникой один-два частных автомобиля. Весь поток двигался на восток.

— Что, собственно, происходит? — заволновалась я. — Чего это немцы едут на восток?

Водитель машины удивленно посмотрел на сидящего рядом с ним Андрея:

— Разве вы не знаете? Сегодня ночью Гитлер напал на Советский Союз!»

Люди не ощущают реальную смерть в большом водовороте событий, если эти события не касаются лично каждого человека. Шли бои где-то на Балканах, а теперь немцы идут совсем в другом направлении. Взрывов на дорогах не слышится — смерть выглядит игрушечно, незавершенно, как в русской рулетке — нет выстрела, не убили тебя, продолжаешь жить, как ни в чем ни бывало. Даже чуть от площади отойдешь, в магазин свернешь, уже все по-другому. А личные переживания смерти кого-то из близких только близких и касаются, о них молчат. И я в тот момент думала не о смерти, а о новой жизни».

Машеньке исполнился год, когда Светлана смогла, наконец, посмотреть правде в глаза и начала мысленно спорить с Андреем. Она сразу почувствовала, что ей не хватало слов, чтобы сформулировать свои чувства, у нее не хватало сил высказать ему все, что она

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

думала. Она поняла, что не может просто бросить своего супруга, так как не в состоянии самостоятельно заботиться о себе и малыше. И эта привязанность обусловлена зависимостью от Андрея.

Ей не хотелось больше терпеть свое унижительное положение, хотелось убежать от Андрея, куда глаза глядят. Но как? Он набрал социальный вес, и она не сможет противостоять ему. Ей страшно было потерять ребенка. И хотя Андрей говорил: «Я купил одежду и еду для твоего ребенка», она понимала, что он не отдаст ей дочь в случае развода.

Однажды она решила, что ей нужно начать работать, несмотря на протест мужа, и откладывать деньги на свое бегство. Профессию она не получила, но была обучена игре на фортепиано, чем и могла бы зарабатывать, не посвящая в это Андрея. «Я попробую!» — твердо решила она, думая не столько даже о себе, сколько о будущем своей дочери.

Утром она отправилась на прогулку с дочерью, а по дороге зашла в нотный магазин. Какая-то женщина листала сборники на переполненной полке и вдруг спросила продавца:

— Я не нашла сборника игры по фортепиано для начинающих.

— К сожалению, их разобрали. Зайдите попозже.

Покупательница вышла, Светлана вслед за ней, извинилась и поинтересовалась, может ли она ей чем-нибудь помочь.

— У меня есть дома пианино, и есть внучка, которая захотела научиться играть, — ответила незнакомка.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Я до войны преподавала фортепиано, — Светлана не хотела быть обманщицей, и ее лицо загорелось от угрызений совести.

Казалось, женщина поняла это, но не подала вида:

— Если вы преподавали, то знаете, сколько стоят систематические занятия. Мне это не по карману сейчас, а несколько уроков для общего знакомства с инструментом, думаю, моей внучке пойдут на пользу.

Увидев в коляске совсем маленькую Машку, она предупредила:

— Но ходить к вам мы не сможем. Если только вы сможете приходить сами...

— Конечно, — обрадовалась Светлана. — Думаю, что мы сможем. Если вы не против, чтобы дочка была рядом со мной. Она очень спокойная девочка.

Женщины познакомились и, договорившись на следующее утро о встрече, расстались.

Обмануть Андрея непросто, и понимание этого факта еще больше привело Светлану в восторг. Сама ложь в ее ситуации стала вызовом человеку, который называл себя лжецом, но не давал обмануть себя. «Главное, — лихорадочно думала она, испытывая положительные эмоции, — не выдать себя. Он не должен даже догадываться о моей работе!»

Мотивом ее обмана стало спасение, и ей во что бы то ни стало, надо было защититься от насилия супруга. И сама жизнь ей помогла в ее намерениях. Андрей стал часто задерживаться на работе до самого утра, объясняя это помощью полиции или важными поручениями.

Дебют Светланы как учителя музыки состоялся успешно. Два раза в неделю они с малышкой ходили в соседний квартал, где ребенок спокойно играл на диване, давая маме зарабатывать свободу. Из боязни, что дочь однажды проговорится супругу, она вскользь сообщила, что они познакомились на прогулке с девочкой-ровесницей, которая выходит на прогулку с бабушкой, и теперь иногда они гуляют вместе.

Все обошлось. Голиков, поглощенный выслуживанием перед режимом, даже не прислушался к словам Светланы и не задал никаких вопросов.

Светлана за это время успела подружиться с новой семьей. Это были поляки, обосновавшиеся в Сремских Карловцах. Ядвига Топильска унаследовала неплохое состояние от своего отца-фермера, что дало ей возможность получить хорошее гуманитарное образование, достойно выйти замуж и вести светскую жизнь. Но потом муж умер, сын Владек женился, причем на девушке польского происхождения и больше из патристических соображений. И хотя невестка Янина казалась свекрови беспородной, Ядвига надеялась, что внуки унаследуют ее кровь. Когда Владека забрали на фронт, Ядвига с невесткой Яниной и внучкой Анной остались втроем, появились проблемы совсем другого характера, и мысли о чьем-то беспородии улетучились. Янина пошла работать официанткой в кафе при немецком штабе, неплохо зарабатывала и кормила всю семью.

Общаться Светлане приходилось в основном с Ядвигой и Аннушкой, Янину она знала косвенно, по фотографиям и рассказам. Из разговоров с Ядвигой

Светлана поняла, что Топильски все время раздумывали, не отправиться ли им назад в Польшу, но ждали, что вот-вот вернется Владек и ситуация разрешится сама собой.

Светлана испытывала симпатию к новым знакомым и, доверяя им, намекнула, почему ходит давать уроки. Признание как-то само собой вырвалось из ее души, но она не испугалась и не пожалела об этом. Напротив, огромный груз будто бы упал с ее плеч. Ядвига обняла ее за плечи и сказала:

— Ничего не бойся! Ты сильная!

Как же не хватало Светлане такой поддержки последние годы! Как мучилась она от своего замужнего одиночества!

Оказалось, что имя Андрея Голикова стало популярным в прессе, не представлявшей, что у него такая обаятельная жена. Общее откровение, сблизив женщин, привело к приятельским отношениям. Но они тоже длились недолго.

Прошло четыре месяца, как однажды утром Ядвига привела к Светлане Аннушку. Андрей уже ушел на работу, и Светлана спокойно встретила неожиданных гостей:

— Здравствуйте, Ядвига. И ты пришла, Аннушка!

— Мы проститься, — настороженно оглянулась по сторонам Ядвига и негромко заговорила. — Уезжаем мы сегодня, к родным. Спасибо вам за уроки, Аннушка полюбила музыку благодаря вам.

— Решились, значит, — расстроилась Светлана. — Не сидитесь вам на месте во время войны. А едете куда?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Не знаю, что будет, — она опустила глаза и другим тоном произнесла: — Поедем, Аннушка. У нас уже все собрано в дорогу.

— Ладно, Аннушка, езжайте. Берегите себя, Ядвига, слышите?

Девочка молча кивнула и посмотрела на бабушку. Немного потоптавшись, они ушли.

«Ох, зачем я их отговаривала? — думала Светлана после их ухода. — Нужно ли им знать это будущее? Все хотят настоящего. Хорошего настоящего. О будущем, сколько ни говорят, никто слушать всерьез не хочет. Обрадуюсь ли я сама, если узнаю, что будет со мной лет через пять? Не знаю... Не надо было останавливать их. Неважно, сколько ты живешь, важно как. Природа, слава богу, награждает не только долгой, но и хорошей жизнью».

В тот вечер Андрей опять погрузился в мутные глубины алкогольного миража, и Светлана поняла: «Не сейчас. Говорить ему, что я собираюсь навестить отца, бессмысленно». Документы и необходимые вещи для себя и ребенка она уже собрала и припрятала до лучших времен. Страх разоблачения не позволял ей расслабиться последнее время ни на одну минуту. Она боялась, что одна неверная попытка, и Андрей насторожится, раскроет ее ложь и не выпустит из дома. Имитация равнодушия давалась ей с большим трудом, но она стала единственным средством спасения от ярости Андрея.

У супруга не возникла мысль, что Светлана носит в своей душе отчаянный план побега, он пришел «из штаба» телесно слабый и, конечно, не заметил беспощадных глаз своей амазонки.

— Ложись спать! — безучастно произнесла она, и смиренный тон жены он трактовал в выгодном для себя свете, предпочитая думать, что хорошо ее воспитал.

— Перевес сил на нашей стороне, — горделиво очертил рамки победы гитлеровцев пьяный супруг. — Это победа!

Светлана попыталась уйти в детскую комнату, чтобы не слушать его бредни.

— Подожди, не уходи! — Андрей выставил руку. — Отметим нашу победу.

— Андрей, я устала, — попыталась высвободиться она.

— Я сказал, что ты сегодня выпьешь со мной! — переоценил он лояльность жены.

Глаза ее свирепо зазеленели:

— А я сказала, не буду!

Он резко двинул ящик кухонного стола и вытащил на стол топорик для разделки мяса. Цинично усмехаясь, он предупредил:

— Муж и жена должны быть одна сатана. Если ты сейчас же не выпьешь этот бокал...

Что-то механическое и безжалостное уничтожило ее пассивность, смыв с лица притворную улыбку и наделив чертовской нещадностью. Светлана схватила топор и с размаха ударила им Андрея по голове.

Чуть успев удивленно увернуться, он наклонился вперед, потерял сознание, и его голова упала на стол, заливая алой краской белую скатерть.

— Господи! — вскрикнула она, задержавшись взглядом на бледнеющей маске беспомощного тирана. «Господи, грех это, огромный грех, на какое же дно я упаду!» Адский свет преисподней мощным прожектором прожег ее внутреннюю жизнь.

Совершенный поступок не остановил ее страсть. Теперь она не могла сказать: «Хватит!» И она заторопилась. Схватила вещи, спящего ребенка и выскочила на улицу. Лихорадочно соображая, каким путем ей быстрее достичь безлюдного места и скрыться от преследования мужа, если он вот-вот очнется. Он сильный, он может и не умереть. И скорее всего, не умер. Он тихо-тихо дышал.

Поразительно, но ее страх исчез. Никогда не бывала она в таких глубинах своей души, но именно из этого колодца вдруг стала понятна собственная душа. Широта ее страсти отгородила ее от страха. Теперь было спокойно и свободно. Больше она никогда не вернется туда. Ни-ко-гда! Уверенными и быстрыми шагами Светлана подошла к подъезду, в который много раз ходила на уроки музыки. Поднялась на этаж, зная, где в потайном месте на лестничной площадке находятся ключи от квартиры, бесшумно открыла дверь и скрылась в квартире Топильски.

Затхлый запах непроветренного помещения говорил о том, что в квартире несколько месяцев так никто и не появлялся. Не включая свет, Светлана вошла в комнату Янины, посадила ребенка на кровать

и выдохнула свой страх, пытаясь определить, была ли в квартире Янина. Ее вещи висели в платяном шкафу, кровать тщательно прибрана. В кухне нет запахов пищи. «Значит, Янину так и не выпустили», — решила Светлана.

Машка молчала, словно понимая опасность ситуации, и не тревожила мать своими страхами, а незнакомых соседей криками. Да и мама не отпускала ее ручонку ни на минуту, мерно поглаживая и покачивая.

«Я не чувствую утрызений совести. Почему? Неужели я стала отъявленной негодяйкой? Пусть так, зато теперь я свободна. Ценой собственной деградации? Я уничтожена давно, а сейчас будто родилась на свет заново. Всего один решительный шаг, и самоуважение выпрыгнуло на свободу.

Я много раз говорила себе «завтра». Но наступало «послезавтра», я снова уступала и лгала себе, что вытерплю. И попала в ловушку. А не надо было терпеть с самого начала, тогда, возможно, все было бы решено легко и просто. Да, я виновата. Но лишь в том, что запустила процесс собственного унижения и готовности принять последствия.

Может, сейчас такая ситуация, когда все действуют радикально. Может, это вовсе и не моя собственная сила, а сила обстоятельств. Война! Бить и убивать стало дозволено. Вот и настал мой черед? Нет, скорее мой предел».

Когда начало светать, Светлана бесшумно порылась в ящиках, нашла два широких невзрачных платка. Сунув паспорт Янины Топильски за шиворот, она одним

платком по-бабьи обвязала себя, а с помощью другого превратила Машку в куколь, а потом осторожно покинула чужую квартиру и разлаписто вперевалку двинулась вон из города. До Постира они ехали на поезде, на машине, потом на телеге.

— Куда едешь? — спрашивали ее то по-сербски, то по-болгарски.

Она как глухонемая показывала листок с адресом в Постире и прижимала к себе Машку.

Открыв дверь родного дома и, пихнув вперед Машку, Светлана упала в объятия отца:

— Папа, я Андрея убила.

Плач, долгий разговор о семейной жизни дочери поверг Райкова в шок.

— Папа, мы с тобой считали его порядочным человеком. А он... оказался не глупым, но и не умным, а каким-то пустым. Посредственным и очень злым.

— Да... Его всосало в фашистскую воронку. Чудовищно, что эта машина так преобразовала и нашего Андрея! И никогда бы не предположил, что этот обыкновенный парень, живущий как все и со всеми и прошедший моральные испытания в России, не мещанин, не революционер, а тот, который вырос рядом с мужественными гордыми людьми, заговорит голосом посредственности. Он рос на моих глазах, понимаешь? И именно он стал опричником в собственной семье! — Райков немного помолчал, а потом добавил: — Помнишь ли ты, как Андрей говорил о верности себе?

— Это он королевствовал! И такой разговор продолжался бесконечно. Он и правда, в поисках счастья остался верен своему эгоизму.

— Почему я тогда, в Варне, не понял, что его нерациональный принцип оценки людских качеств и их поступков как-то связан с полезностью для него? Впрочем, люди издавна и довольно часто считают своим долгом добиваться счастья, обеспечивая интересы большинства, принося при этом в жертву других. Я думал, что у Андрея это только видимость. Мне казалось, он стал обывателем.

— Так и есть.

— Нет, я не говорю, что это плохо. Сколько на свете таких вот обычных людей, даже привлекательных своим естественным желанием быть банальными людьми, в том смысле, что не играющими в интеллектуалов и аристократов! Просто живущими уютом своих семей! В конце концов, ведь это неплохо, а в чем-то даже мудро жить соразмерно себе. Почему вдруг Андрею захотелось стать сверхчеловеком? Отчего ему, выжившему в смертельной схватке с жизнью человеку, понадобилась идея бессмертия, свойственная харизматикам?

— Ты думаешь, это я не дала ему счастье чувствовать себя на своем месте? — растерянно произнесла Светлана.

Райков замолчал, обнял ее и произнес:

— Бог с тобой, о какой собственной вине ты говоришь! Человек всегда может выбрать, куда и с кем ему идти. Правда, наше время не всем позволяет говорить своим голосом, и очень трудно сопротивляться всеоб-

щему потоку серости. Гораздо легче плыть по течению с теми, кто называет себя силой. Или подыгрывать им, надеясь на будущий триумф. Такие сейчас проникают во все трещины. И они объединяются.

— Согласись, они сильны. Сколько умных и честных людей они сумели подмять под себя! Вот и Андрей, он стал другим, надев на себя их форму.

Райков спокойно улыбнулся и взял ладонь дочери в свои теплые руки.

— А знаешь, как часто повторяет Гаврило: «Шляпу можно купить, а ум нельзя». Главное, что ты не стала соучастницей его грязной работы. — Александр Данилович уставился в пол, а потом поднял глаза на дочь.

— А вот проблем он нам добавил. Тебя будут искать. Причем болгары сейчас усерднее немцев, и это может для тебя закончиться комендатурой. Там не расскажешь и не докажешь ничего.

— Пап, а я ведь их совсем не боюсь. Что будет, то и будет.

— Не выдумывай, — перебил ее отец. — Жизнь надо беречь и не рисковать ею понапрасну. Свет, а что если тебе попробовать пока пожить по документам этой самой Янины. Может быть, совсем скоро все изменится к лучшему?

— Может быть, и пожить, но я ее не знала совсем...

— Это неважно, — быстро проговорил отец. — Сколько ходит по миру таких вот Янин Топильских.

— Но «Янина» должна знать польский язык, а я не скажу ни слова.

— Кто с крестьянкой в Болгарии будет разбираться, как она говорит по-польски?! Люди годами живут в других странах и говорят на разных языках. И ты говори, как говоришь!

— Хорошо, а откуда эта крестьянка Янина появилась у тебя, папа? Да еще и возраста твоей дочери. Причем с внучкой!

— Да, надо немного подумать, осмотреться. Я потолкую с Гаврилой.

— Папа, ты думаешь, Гавриле и Елене Дьяконовичам в таком деле можно доверять?

— Я же только с Гаврилой потолкую. Ему я доверяю.

— Почему ты так в нем уверен?

— Светлана, я давно его знаю. Знаю его семью. Думаю, что первыми, кто тебя как-то поддержит, будут его сыновья Димитрий и Александр.

— Его мальчики? Сколько им сейчас?

— Мальчики! Это уже мужики — одному двадцать четыре, другому восемнадцать. Хорошие ребята, увидишь.

Светлана молчала, и Райков понимал, как она напряжена.

— Думаешь, выиграл у нас с тобой партию подпоручик Голиков?

— Не знаю, папа...

— Брось так думать! Бывает, что пешка убивает короля, но не в этом случае, поверь! Если бы ты играла в шахматы, то знала бы, что жертвуя пешкой, выигрываешь короля.

Светлана поселилась в небольшом домике за селом, который принадлежал Дьяконовичам и использовался в летнее время крестьянской семьей, живущей там безвылазно до самого сбора урожая. Сейчас он опустел и стоял, прислонившись высокой живой изгородью к одинокому голому вязу посреди поля. В ноябре добраться до него, чтобы не увязнуть в грязи, можно было лишь в хорошую погоду, этим он издали напоминал небогатую дачную избушку. Однако внутренность одинокого поместья была практична, к тому же снабжена собственным колодцем и дворовой печкой, сложенной когда-то со знанием дела.

Александр Данилович помог ей наскоро привести жилище в относительный порядок, и теперь Светлана с Машенькой жили там как беженцы-крестьяне из числа многочисленных дальних родственников Гаврилы. Да еще забрали Раду — для надежной защиты и радости.

... Едва оклемавшись, Андрей Голиков приехал к Райкову в Постир.

Райков вышел за ворота, оперев кулаки в бока и прихватив вожжи:

— Уехала Светлана.

— Куда?

— Чего теперь кудахчешь, петух! Езжай отсюда! И чтоб ноги твоей здесь не было! Лакей!

Сообразив, что полковник Райков не пал морально и так крепок физически, что может даже порвать об

него упряжь, Голиков удалился, так и не выяснив направления исхода своей скандальной супруги.

А бравый полковник с той поры стал забывчив, немногословен и постоянно сосредоточен на какой-нибудь пустяшной вещи. И совсем скоро уложили его рядом с Еленой Михайловной под скромным стандартным надгробием.

Искренне огорченная Светлана свое мимикрическое состояние описывала так:

«Ничего хорошего меня не ожидало. Но все-таки после всех семейных неурядиц я окончательно поверила в собственные способности. Андрей постоянно твердил мне, что я дура, а я теперь поняла, что чего-то стою.

Если бы мне сказали, что я стану участницей Национального сопротивления, я бы ни за что не поверила, ведь я принимала каждое решение, думая, как на это отреагирует муж. Когда он что-то говорил, я знала, как мне лучше ответить, чтобы не «заварить кашу» и потом не расхлебывать последствия. Он мог разозлиться на меня! О какой уж там моей вооруженной деятельности можно было говорить!

Помню, как лежала на траве, а надо мной летели фашистские самолеты. Я знала, что летели они в Варну, а оттуда в Грецию или в Россию, и даже научилась различать, несет ли этот самолет бомбы или он пустой. Или например, сначала самолет беззвучно пролетал, а только потом был слышен его звук. Я понимала, что самолет летит на большой высоте

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

и думала о летчике, который должен был кого-то убить: нравилось ли ему его занятие? Я слышала, что обязательно должно быть призвание к такой профессии, иначе летать не будешь. И тому летчику, который летел надо мной, не хотелось бы поменяться со мной местами — он летел выполнять свое задание с гордостью и удовольствием.

Книги, прочитанные мною в детстве, ставили в пример этикие личные подвиги, образцы презрения к опасности. Я не знала, чем закончится война, и для того чтобы хладнокровно броситься на неприятеля, как герои военно-исторических романов, смелости не хватало. Хотя сколько раз при виде немецкой колонны мне хотелось швырнуть в них гранату! Ведь у меня в доме укромно хранилась целая сумка гранат-лимонок. Теоретически я знала, что надо делать, чтобы лимонка взорвалась, но не решалась. Сколько раз, перешагивая через провода полевого телефона, я думала, что их можно запросто перекусить обычными ножницами. В свое оправдание я говорила, что эти одиночные террористические акции ничего не дадут. И все-таки чувствовала, что причина моей нерешительности убить хотя бы одного фашиста — моя трусость. Больше всего я боялась оказаться беспомощной жертвой, и лишиться ребенка. Нужен был кто-то, с кем я могла бы почувствовать себя увереннее. Хотя бы на первых порах. И примером героического отношения к жизни стал Дмитрий Дьяконович. «И так и так смерть, — сказал он как-то, — тогда почему не сделать больше?»

Его брат Александр относился ко мне с такой заботой, что я не чувствовала себя брошенной на произвол судьбы. В доме постоянно что-то требовалось: залатать на зиму крышу, укрепить дверь, поменять ляду на погребке... Он умел и делал все. Он пропадал, потом возвращался, но его присутствие чувствовалось постоянно.

Как-то на базаре я продавала выращенные огурцы, и вдруг передо мной нарисовался он. Народу полно, разного, и в людском гомоне нам приходилось не говорить, а орать. После двух-трех фраз он перешел к сути дела: «Русские-то повернули фюрера восвояси, еле ноги уносит, бедолага!» Потом мы обменялись новостями с фронтов, и он неожиданно спросил: «А ты все сидишь и ждешь?» — «А что мне делать? Ты можешь предложить что-то лучшее?» — «Если интересуется, могу». — «Еще как интересуется!» — «Тогда вечером приду к тебе, жди». Покупатели и продавцы делали вид, что не слышат, о чем мы кричим. Но чтобы уже никто из них не сомневался, что речь идет о партизанском деле, он сказал, что уже два дня ищет встречи со мной и надеется на мою поддержку.

Откуда у него была уверенность, что эти крестьяне на базаре не способны казнить человека на месте или донести на него?! Наверное, он уцелел в Болгарии благодаря многим случайностям, побывав на самом дне преисподней, но уцелел. И когда участвовал в саботаже, препятствуя эвакуации на запад еврейских женщин и детей, когда нападал на немецкие казармы, освобождая пленных сербов. Когда стало невозможно, вырвался в Грецию, в добровольный полк.

Сравнивая себя с такими как он, я понимаю, что не имею заслуг. Я принимаю участие в Соппротивлении, но еще не сделала ничего такого, что можно считать героическим. Я не солдат, и могу помочь только тем, что умею хорошо делать — помочь тем, кто в этом особо нуждается, проявляя элементарный гуманизм. Разве можно приравнять это вооруженной борьбе против режима?

Я — Янина Топильска, простая крестьянская женщина. Каждое утро я открываю свой высокий лоб и туго скручиваю на затылке косу. Нощу расшитуую рубаху и юбку, как это делают местные женщины. И говорю крестьянским языком, громко и смачно. Знаю, что такое домашнее хозяйство и живность, что такое тревога за самое дорогое существо на свете — свою дочь. И я перестала бояться жить!»

Последнее время Янина часто просыпалась на условный стук в дверь, догадываясь, в чем дело: ночной визитер нуждался в помощи. Иногда их приходило много, и они оставались до утра спать на полу в комнатах и в прихожей. На случай полицейской облавы такие поселенцы должны были стать ее «любовниками» или «родственниками», поскольку власти относились к укрывательству беглецов очень серьезно. Даже за несообщение о таких вещах грозила смертная казнь всех членов семьи. Продолжалась такая кутерьма вплоть до августа 1944 года, пока новое правительство не аннулировало антиеврейские законы и разрешило евреям вернуться в свои жилища.

Еврейская девушка Эмилия бежала от преследования из Софии. Ее родителей арестовали после демонстрации протеста против вовлечения Болгарии в войну и отправили в лагерь Сомовит, а ей удалось сначала скрыться у знакомых, а теперь она пряталась в доме Янины.

Она показалась Янине трогательной девушкой, но слишком уж пугливой для своего положения. «Я когда-то, как дурочка, трепетала от страха перед Андреем, а она и меня превзошла».

Увидев волчицу в доме, Эмилия запрыгнула на табурет и заверещала на всю округу. Рада, конечно, ничего не поняла — все прищельцы вели себя всегда спокойно. А эта визжит. И ни с того ни с сего волчица вдруг ощерилась на Эмилию — белками зыркает, клыки свои показывает и рычит. Хищник — ни дать, ни взять! Но Янина быстрая, сразу за горло ее — хватить и к земле прижала:

— Молчи, твою душу!

Рада струйку пустила — забрала назад ярость свою, дескать, «Не погуби меня!» и заскулила.

— Вишь, ты! Удумала главной стать? Я с тебя полной мерой удержу! Я ведь сильнее тебя.

Эмилия ужаснулась:

— А если она укусит? Почему вы ее не привязываете на поводок?

— Тебя она не укусит, не подойдет даже.

— А вас?

— Укусит, ну и что?

— Вы убьете ее?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Чего это я убивать ее буду за такую провинность?! — вытаращила глаза Янина, а потом, как ни в чем, ни бывало:

— На поводке норовистая волчица сидеть не будет. Взоет — вся округа спать не будет и полицаи набегут. А проверять меня на силу она не перестанет. Пока я сильнее, ей тут не хозяйничать. Это же волчица, она всегда хочет быть вожаком стаи. А я ей припомню, что я для нее мать, а не соперница.

— И откуда вы это знаете?

— Как откуда! У моего отца поместье было в казачьем краю. Девочкой бывала и я на охоте, вот егеря и рассказывали.

— Янина, а меня она не тронет?

— Да не бойся ты, не тронет! Посмотри, какая моя Машка смелая, так она потому и ластится к ней.

На другой день, как солнце встало повыше, полицаи все-таки пришли с обыском к Янине. На дороге объявились двое, слышались их приглушенные голоса.

— Ладно б люди добрые были да по делу хорошему, с миром! — Янина вглядывалась в маленькое оконце своего дома. — Но на душе не спокойно. Страшно не за себя или за нас с тобой, Эмилия, а за Машеньку, она маленькая еще.

Эмилия вскочила с кровати, предчувствуя беду, и громким шепотом запричитала:

— Это нехорошие гости пожаловали, хоть и болгары. Я их знаю. Это ж те самые, что охотились на меня! По их вине я оказалась в вашем доме. По их умыслу должна была сгинуть вовсе, чтобы никто не нашел.

— Бери ружье, Мила, скорее!

— Да я стрелять-то из него не могу, — опешила Эмилия.

Янине нипочем:

— Жить хочешь? Вот! На-ка ружье, вылези в окно, спрячься за куст и стой там наготове. Только смотри, аккуратнo, я его зарядила. А я попробую их по-другому...

— Убить? — ужаснулась Эмилия.

— Как пойдет.

В дверь ломанулись. Потрясли, чтобы сорвать замок. Заколотили. Заорали:

— Тетка, открывай!

— С чем пожаловали? С добром ли, с худом? — загремела Яшка, открывая дверь, и дальше: — Ой, а штой-то вы невеселые? Голодные или комары заели?

Незванные гости развязно ступили на порог и начали:

— Сказали, что ты тут евреев прячешь, тетка. А мы их разыскиваем.

— Молодец! — отвечает Яшка. — Глядишь, тебе медаль за это на грудь навесят. Только вот табачного духа ты в мой дом напустил и ребенку моему спать не даешь. — Она повернулась к стоящей в глубине комнаты Машке и весело отчеканила: — Пойдем Маша в комендатуру, пожалуемся на него!

Полицай помахал перед носом ладонью:

— Потерпите, — потом прищурился и уточнил: — Нам нужна твоя жиличка, еврейка.

— Какая у меня еврейка? — подперла бока Яшка.

— Может тебе еще и фамилию ее назвать? — напирал полицейский.

Другой тем временем в доме глазами шарит.

— Назови, — неторопливо выясняла Янина, — коли в дом пришел, да рот открыл. Вижу, что ты не однолико по делу пришел, дружка залучил. Это к тетке-то одинокой.

Потом она будто вспомнила что-то и хитро ухмыльнулась:

— Так вы евреи?

— Ты не заговаривайся, давай. Говори, где она есть?

— Что ты, милый, разве не знаешь, что всех их отсюда немцы угнали в Германию? Видать, не могут без них там.

— Не юли! — Не унимался полицейский.

Другой за его спиной стал создавать движение: «Она не понимает, объясним по-другому».

— Да погодите, вы! — начала сердиться Яшка. — Вы что мелете?!

— Тогда, тетка, мы сами посмотрим у тебя тут...

Тем временем Эмилия, слышавшая их разговоры, судорожно соображала, пальнуть в них или не пальнуть. Яшка подошла к окну и стала спиной, закрыв собой проем, словно почувствовала, что Эмилия сейчас может произвести ненужный шум.

— В доме нет никого, кроме меня и ребенка! — отрезала она.

Полицейские недоверчиво переглянулись:

— Во дворе что ли, в сарае? Идем, покажешь, — гость глянул коротко и жадно.

Яшка повела плечом и прошла к двери. Вышла на порог и бандитов позвала:

— Выходите во двор! — а сама дверь держит, чтобы прикрыть сразу.

У Эмилии душа ушла в пятки. Крадучись вдоль стены и обмирая от страха, она пошла к крыльцу, чтобы осторожно передать ружье Яшке и быть незамеченной.

Полициаи выскочили за Яшкой. Тут Рада ощерилась и в свой прицел их взяла. Один из них ружье вскинул на волчицу, но Яшка крикнула:

— Не тронь живность мою! — а сама палец на пусковом крючке держит.

Замерли полициаи. Оружие у них оказалось одно на двоих.

— Ведьма, убери свою тварь, — начал было безоружный, но как Рада к его ноге подошла, так он затих.

Яшка, жутко блеснув глазами, дала волчице какой-то особенный звук. Рада остановилась, присела и стала наблюдать за движениями людей.

— Теперь идите, — скомандовала Яшка, и «поисковый отряд» пошел к калитке.

Она опустила ружье.

— Ну, вот, гарнизон сдался без стрельбы!

Через мгновение прозвучал выстрел.

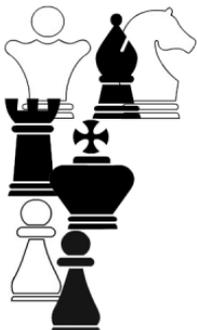
Рада кинулась к хозяйке.

Потом последовал другой выстрел.

Глава III.

*Летопись
одного рода*

*Из какого я рода? Нет, я — не из знати,
хотя родня и предки воевали,
и много тех, что в долгих битвах пали,
но их имён не отыскать в печати
в тех в списках, что предьявлены
к оплате.*

*Они веками камни корчевали,
пахали землю и гайдуковали.*

Как видишь сам, я вовсе не из знати.

Божидар Ковачевич¹

Вернувшись вечером из Сремских Карловцев и взбудораженный происшествием на Дунае, Гаврило Дьяконович неожиданно для всей семьи решил заняться летописью своего рода.

— Жена, куда ты спрятала семейные документы? — громко двигал он ящиками письменного стола. — Здесь только наши паспорта.

— Тебе понадобились дневники Миливоя? — удивленно зазвучал из другой комнаты голос Елены.

— А что в этом такого? — переспросил Гаврило.

— Твой отец держит их на самом верху комода, — Елена показала на пороге его кабинета, — я ничего не перекладывала, — она вытерла руки о передник и подняла на мужа глаза. — Это его дневник надоумил тебя полазить по своему ветвистому генеалогическому дереву?

Не отвечая на ее вопрос, Гаврило приставил к комоду табурет, поднялся на цыпочках почти до потол-

¹ Сербский поэт (1902–1990)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ка и потянул кожаный переплет толстой книги. Как назло, она лежала на полке, заложенной туго утрамбованным бельем, но он все же вытащил ее и, раскрыв на столе, окунулся в далекий мир родства. Страницы этой книги были написаны вручную, а пожелтевшие листы стиснуты массивной картонной обложкой, украшенной полосками тонко выделанной свиной кожи шоколадного цвета. По-хозяйски скрупулезно и аккуратно в дневнике Миливоя отражены все приобретения и расходы, сделанные в течение самостоятельной жизни домовладельца.

Гаврило бережно перелистал сохраненное и записанное отцом, образно представляя отдаленные события своего рода и понимая, что ради сказочной возможности просто пожить личной жизнью его мужественные предки нереально много пахали.

— Странно, что ты решил в страду писать летопись. Почему вдруг, Гаврило? — допытывалась Елена.

— Что тут странного? Надо, чтобы наши дети помнили свой род и уважали его, — ответил Гаврило. — А еще чтобы люди правильно понимали: мы достигли нашей прибыли сами, ничего ни у кого не отнимая, а прибавляя своим трудом.

Гаврило окунул перо в чернильницу, и вскоре на большой разлинованной тетради в желтоватом облаке света читались красиво закрученные его рукой буквы кириллицы:

*Священник Максим Попов
родился в 1718 году...*

«Разумеется, живописный портрет этого Максима Попова не сохранился, — прошептал Гаврило, — но судя по облику потомков мужского рода, славный муж Попов был славянским красавцем. Уж не со свитой ли королевичны Анастасии, дочери великого князя киевского Ярослава Мудрого, а потом жены венгерского короля Андрея I пришли предки Поповы на левобережье Дуная? Помнит ли многочисленное потомство россиян-переселенцев далеких веков свои корни и не утратило ли чистую веру отцов своих, сейчас наверняка не скажет никто».

Конечно, Гаврило, поддавшись романтике, мог бы и прибавить долголетия своему роду. Однако просвещенный книголюбец, обращая взор в далекое историческое прошлое, рассудил, что предок его и так достиг возможных вершин и выполнил свою миссию, открыв людям милосердие и подарив преемников.

«Вот что интересно, — размышлял про себя Гаврило. — Свидетельств, из какой именно земли пришел мой прадед, в письменной памяти рода не осталось. Ушел из одного места — пришел в другое, и все этим сказано. Неважно было, где именно ты живешь, важно, что ты делаешь, чем занимаешься и как. Остался род занятий Максима, его дело сохранилось в вековой истории дольше всяких других событий. Думал ли он об этом или Господь так распорядился, и отвел ему место в памяти людской?»

Иногда отдаленный предок виделся Гавриле библейским пророком Ионой, которому явился Господь в образе честного старца и сказал: «Встань, иди в Ниневию — город великий и проповедай в нем, ибо зло-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

деяния его дошли до меня». Возможно, так вот встал и Максим Попов и пошел в свою Ниневию, по слову Господню. И увидел там новое небо и новую землю. И такая экспедиция в лабиринте скудных, часто противоречивых фактов, казалась Гавриле самой достоверной. И все же ради правды он продолжил летопись так:

В поисках истины Господней восемнадцати лет от роду Максим покинул родную землю. Далекая Сербия приняла мытаря, и там нашел он уют и семейный очаг в Косово.

А земля Воеводины, на которую он ступил вместе с Патриархом Арсением IV Йовановичем и косовскими сербами, и приняла его спустя годы в свое лоно.

Первого сына своего он назвал Иваном, а вслед за ним родил он еще трех сыновей — Степана, Чира и Симеона.

«Максим Попов знал, в чьи руки передает факел своего дела. Патриарх одобрил его выбор, ему претили церковники-формалисты, погрязшие в трясине корыстолюбия и разврата. Балканское пространство должно было избежать пагубного влияния латинян, там должна восторжествовать вера в истинного Христа. А для этого безмятежности духа мало. Мало было и белой простоты храмов. Души от скверны мог очищать щедрый, импульсивный, рассыпающий божественные искры. Максим понимал, что наследнику его дела следовало прожить иную жизнь, не перемещаясь в густую кашу крещения, отпущения и отпевания, а оставаясь на пьедестале философа, преславного мудреца, вглядывающегося в мирские дела острым разу-

мом и озадачивающего прихожан точными притчами». И перо Гаврилы закрипело вновь:

Неизвестно, когда семья Поповых стала называться по-сербски Поповичами, но от дьякона Степана она получила прозвание Дьяконовых, а гораздо позднее Дьяконовичей.

По-разному сложились судьбы Поповых — Ивана, Чира и Симеона. Ничего, кроме метрик о рождении их детей, сохраненных в разных церквах Воеводины, не осталось. Зернышками большого людского посева легли они в сербскую землю, пылинками разлетелись имена их матерей, жен и дочерей. Гранитные надгробные плиты стали свидетельствами сроков их жизни.

Из всей семьи один Степан Попов, рожденный в 1740 году, наследовал дело отца своего Максима и стал дьяконом в храме Святого отца Николая в деревне Старая Шова, что в округе Врбаса. Был он не поп, а дьякон, а потому и детей его стали именовать Дьяконовыми.

Об этом гласит примечание к выписке из протокола Православных источников сербской церкви Св. Николая от 1853 года: «Семья Поповича прозвана от фамилии Дьяконов, от Степана, который был дьяконом и умер 27 сентября 1827 года в возрасте 87 лет.

Церковь — не выдумка, она не только упоминается в документах, а до сих пор стоит на земле, собирая богочтителей вокруг свечных огоньков да храня на погребенных полках бесценные удостоверения личностей. Не исключено, благодаря небесной помощи Николая Чудотворца и отсутствию интереса кладоискателей,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

проносящихся мимо безоружных архивов человеческой информации, и сохранились записи рода Поповых-Дьяконовых.

За документом о крещении Степанова правнука — Миливоя Спиридона Дьяконовича, рожденного 8 декабря 1853 года, последовало размышление Гаврилы:

И как только своему рожденному в декабре первенцу Спиридон и Наталья дали имя, принадлежащее по праву именин в старославянских Свяцах августовскому ребенку! Понятно, что отошел Спиридон от Максимовай и Степановой службы, вот и выбрал милое сердцу его имя.

По усмотрению Гаврилы Миливой заслуживал более обширного описания, поэтому семейную летопись сопровождали некоторые подробные воспоминания:

Миливой не мог быть нерешительным мальчиком среди своих шестерых братьев и сестер. Через три года после него, 29 марта 1856 года, родился Иван. Потом еще через три и еще две девочки, Любица и Елена, не выдюжившие начало жизни с самого рождения, затем 11 апреля 1865 года Фома и 18 ноября 1868 года самый младший и последний из детей Миливоя Григорий.

Из четверых, удостоенных жизни, первый всегда должен оставаться первым! Даже когда Миливою приходилось лихо, он с уверенностью в будущем терпеливо ждал своего часа.

Затем следовало примечание, которое Гаврило для верности аккуратно приклеил к написанной странице:

Миливой Дьяконов возобновил традицию своего далекого предшественника Максима Попова и уехал из Старой Шовы в Болгарию. Искал он впрочем, не только благ материальных, осваивая большую плодородную землю, но и лучшей доли для своей семьи.

В то время с насиженных мест бежали не с бухты-баракты: одни от нужды и кабалы, другие от разорения. — Гаврило пытался понять причину переезда своего отца. — Сначала на эти освобожденные от турков и все еще пустующие места пришли небольшие группы беглых людей из разных областей Европы. Отчаянные головы, они обосновались в балках, в урочищах или у рек, подальше от проезжих дорог. За ними на поля и степи хлынули полным ходом и другие переселенцы. Целые села перекочевывали на благодатные южные земли, получая щедрые наделы земли и обустроивая свои хозяйства.

Отец не прогадал, изменив место жительства. Не ринулся, как многие тогда и, в частности, его двоюродные братья Мита и Джока в Америку. Поселившись там 9 апреля 1903 года, они слали письма родным, а в 1904 году, недовольные жизнью и работой в Америке, и вовсе вернулись на родину, потеряв в путешествии большое состояние».

Гаврило прочел, что огромное хозяйство Миливой в болгарском селе Постир в 1906 году насчитывало 410 гектаров земли. Земля была куплена им у разных

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
владельцев — у Мустафы Селима 54 гектара, у Османа Лутерова — 73 гектара, у Топа Тодорова — 77 гектаров, у Тодора Василева — 92 гектара. Даже некий банк продал ему 114 гектаров земли. За это приобретение было отдано 9900 австрийских крон серебром. Душевное для него было время!

Миливой не был столь набожным, как его предки по мужской линии, — пришел к выводу Гаврило. — Однако, как и Максима Попова, отца можно по праву считать человеком азартным, потому и переезд из тихой Шовы в благодатную Болгарию он не считал подвигом. Внутри его горел огонь энергии мужчины-воина, толкавший его отстаивать религию вольного странника, не позволяющего загнать себя в рамки кем-то придуманных условностей. Подсознательное нежелание жить в несправедливом, как ему казалось, мире, разбудило в нем дух бродяги. Выписка из брачного документа отца у Гаврилы получилась не такой официальной и краткой:

Милый — по-старославянски звала своего солнечного человека его молодая жена. Когда они венчались, ему было всего девятнадцать, а ей восемнадцать лет. Однако их юный возраст не помешал сохранить большую любовь и крепкую семью на тридцать пять лет.

Будучи удивительно гармоничным человеком Миливой не ограничивался созданием семейного изобилия, но и дорожил семейными радостями. Возможно, поэтому в его дом, как магнитом, притягивало много людей. Ничего шумного Дьяконовичи не устраивали,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

О том, какую острую боль он испытал тогда, говорит лишь заглавная буква собственного местоимения. Да еще прекращение скрупулезных записей «извода» и «прихода» в его больших амбарных книгах.

Гаврило всматривался в черты лица женщины с небольшой фотокарточки и думал: «Типичная бесприданница. Но не следует недооценивать влияние страсти. Мужчине трудно оставаться одному. Если бы Миливой был политиком или художником, возможно, оставшись в одиночестве, он мог преуспеть в карьере и как-то затмить свою сердечную боль. Но он был тружеником земли и мечтал вернуть в свой дом простой уют домашнего очага. Ему казалось, жизнь снова подарила крылья, на которых можно лететь. Но он поторопился с Марией. Она, наверное, и не целовала-то его так, как Милица, а просто чмок, чмок... Не хотела». Гаврило написал:

В жизни Миливой появилась Мария, красивая, властная, прямолинейная. Не будь у нее таких человеческих качеств, она не могла бы увлечь одинокого вдовца. Церковь их соединила, а Небо не смогло. Как ни старался Миливой, не смог теперь полюбить женщину, с которой не хватает пережитого — с которой не строил дом, не делился куском хлеба, не рожал детей, не хоронил близких — не сражался и не радовался, всего того, что не сбросишь со счетов.

Они стали жить рядом, но не вместе. Хотя видимость порядка сохранялась на людях и для людей. Люди же знали, что в доме Миливой не могло не быть порядка —

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Остынь!

Скважина глубока — так, что даже многократный гнев не помог бы Марии выбраться оттуда.

Время перевалило за полдень, когда Миливой опомнился от ярости. Вместе с соседом Миливой достал бездыханное тело жены.

— Умерла, — не вкладывая в это слово никаких подозрений, констатировал сосед.

Миливой положил руку на ее ледяной лоб, а потом, слотнув комок неприятных ощущений, резко встал, сдвинув мокрую и совсем чужую на пол, и пошел к рукомойнику.

— Язык нема кости, а кости ломит¹, — процедил он сквозь зубы.

Гроб, содержащий бранные останки Марии, недолго стоял на столе открытым для прощания. Когда отпели вечную память, Миливой бесстрастно махнул рукой:

— Хватит смотреть! Заколачивайте и уносите.

Гроб поставили на дроги и отвезли на погост, удивляясь злополучной участи покойной.

В летописи Гаврило написал только:

Быстро улетела Мария из жизни Миливова, не оставив даже своей фамилии на страницах семейной летописи. Долго он потом замаливал свой грех, и его покаяние никому неизвестно.

¹ «У языка нет костей, а он кости ломает». (сербск. пословица)

Жизнь потекла другими проблемами:

Война продолжалась, и в 1918 году всех болгар продолжали забирать в Австро-Венгерскую армию. Фамилия Дьяконов, оканчивающаяся на -ов, напоминала болгарские. И тогда Миливой Дьяконов принял решение изменить окончание своей фамилии на сербский манер, на -ич. Так наша фамилия стала звучать Дьяконович, а мы стали считаться сербами.

«Все-таки справился Миливой Дьяконов и с военными перипетиями» — продолжал изучать историю рода Гаврила:

В 1914 году, во время первой мировой войны, когда румынские войска объединились с русскими и сербскими против Австро-Венгрии, куда вошла Болгария, село Постир стало настоящим полем боевых действий. Австро-Венгерская армия начала там срочную военную мобилизацию, под которую попадали все, кто имел болгарские фамилии. Под общую гребенку попали и сыновья Дьяконовых, которые болгарами себя не считали и воевать не намеревались. И все-таки один из них, Радивой, провел четыре года на русском фронте. И Гаврилу, старшего по возрасту, какая-то воинственная сила толкала на фронт, пытаясь превратить в солдата, но воевать ему так и не пришлось.

Гаврило помнил, что отец настаивал на его мирном поприще, рассуждая больше о разрушительных действиях проклятых немцев и мадьяр — «не сидится

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

им спокойно!» Посвятив свою жизнь работе на земле, Миливой знал свой патриотический долг, который заключался в чем-то ином, чем борьба.

«Смотри, — говорил отец Гавриле сочным голосом, — того, кто свой народ гнобил, прозвали святым, в честь завоевателя назвали город, еще одного душегуба вознесли на престол. Значит, чтобы прославиться, я должен кому-то напакостить? Лучше я буду с назарянами псалмы петь, тогда, может быть, есть шанс спастись, не испачкавшись».

Гаврило видел, что отец вкладывал силы не столько в хоровое исполнительство, сколько в земледелие, причем так, что ложился ночью в постель, как в окоп. Потому и написал в желательную для отца сторону:

Мой отец не был ни на одной войне и не хотел в них участвовать. Даже если бы он родился раньше, при сербско-турецкой, то он все равно бы не пошел воевать — мирным он был человеком, земледельцем. Такие как он и кормили нашу армию.

Привязавшись к мирному ориентиру, Миливой и его дети должны были идти узким путем христиан-назарян. Но двустволка на стене, так, на всякий случай все-таки висела.

— Стволы-то витые, — разглядывал ее Гаврило, когда отца не было дома. — И как это их выют? А в стволах, — Гаврило заглядывал и туда, — кольца какие-то, светлые, будто вплавленные друг в друга. Ровные и

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

жало изменению, очевидно, тревожило Миливоя, и он все больше и больше углублялся в свою прошлую жизнь. «Вода пере све осим црног образа»,¹ — бубнил он себе под нос.

Переживания за отца не давали Гавриле покоя и ночью. Как-то во сне привиделась ему картинка о себе — шестилетнем, вскарабкавшемся на высокую ветку сливы от пригляда старших братьев. Спрятавшись, он наблюдал за соседскими девчушками, играющими внизу. Он достал рогатку, прицелился и попал в кошку, мирно лежавшую на террасе. Кошка вскрикнула, заполошилась и убежала с террасы. Шутка ему понравилась, и он прицелился еще раз. Тут согнутый остаток гвоздя попал в спину одной из девочек. О, как она завизжала! Подумала, наверное, что ее укусила оса. Он ликующее захохотал, не выдержав распиравшего восторга, а потом, испугавшись, что его обнаружили, захотел слезть с дерева и убежать, но, посмотрев вниз, затрепетал от страха. Тем временем девочки были уже у ограды и показывали отцу на сливу, которая скрывала мальчика. Тот что-то сказал соседкам, потом решительно направился к дереву, приставил к нему большую лестницу и, бубня про себя «этого еще не хватало», спустил сына по ступенькам. На земле, удержав за шиворот, отец отпустил ему звучный шлепок, от которого тот зычно заревел, а соседки удовлетворенно закивали головами. «Приснится же такое! — думал

¹ «Вода смоег все, кроме черного образа». Черный образ — значит человек безобразный, лишенный светлого образа (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
Гаврило. — Не дай бог, такому случиться...Один сходит с ума, и мы за ним».

Дети Миливой объясняли странности отца естественными возрастными изменениями, а внуки, не понимая, что с ним происходит, посмеивались, называя его призраком и передразнивая манеру внезапно появляться. Только Миливою во время откровений представлялось, что он приближается к Богу, и Бог понимает и сочувствует ему.

С этими мыслями он однажды днем прилег на кровать, сжался весь, затих и только к вечеру выпрямил свое тело.

Гаврило взял его руку, она была полна холодом нездешней жизни:

— Господи, вместе ли ты с ним?..

Отец мой Миливой Дьяконович ушел в иной мир 20 октября 1930 года, в 9 часов вечера. Обрела ли покой его душа или ему предстоит держать суровый ответ перед Господом? Но свои последние дни он очень торопился Туда, проговорившись накануне, что смерть ему нужна, как сон измученному бессонницей.

Для утешения грешной души отца своего Гаврило посадил на его могиле голубые колокольчики. Изредка приходя на кладбище, он издали замечал могилу отца. Среди иссохшей вокруг полыни в проломах чугунных оград, на сгладившемся могильном бугре виднелась нежно-голубая цветочная картинка.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Все мы придем сюда, — прислушивался Гаврила к своим мыслям, держа за руку сына Александра.

— Папа, когда придем? — повисал вопрос малыша в воздухе.

Жена Гаврилы Елена, в девичестве Голубова, на три года моложе его. Она женственна и всегда держится ровно, откидываясь на спинку дивана и закинув ногу на ногу. Светлые волосы, убранные назад и свитые в тяжелый узел, обрамляют круглое лицо с выразительными серыми глазами и чувственным ртом. Она украшала их дом с увлечением девочки, играющей в куклы. Настольные и напольные вазы и лампы, столовый и кофейный сервизы, зеркала в причудливых рамах, картины и ажурные салфетки располагались в доме с большим вкусом и любовью. Натопленный и теплый дом, с чистыми полотенцами и свежей водой в раковине. Он ел — она любовалась им. Она слушала его разговоры — он думал, как счастлив с ней.

Ее родители жили в Сербии, и она жила с ними в Карловцах, пока не встретила Гаврилу и они не поженились. Свадьба состоялась 1 марта 1909 года. Жили они в согласии, всегда были рядом.

В летописи семьи Гаврило написал так:

Гаврило Дьяконович, рожденный 9 октября 1885 года, женат на Елене Голубовой, рожденной 5 октября 1888 года. Их брак был счастливым в назидание их детям».

В большой деревянной шкатулке, с вырезанными на крышке цветочными узорами, хранились документы их рожденных детей:

Катица Дьяконович родилась 10 июня 1910 года.

Ленка Дьяконович родилась 2 сентября 1916 года.

Ольга Дьяконович родилась 12 января 1919 года.

Димитрий Дьяконович родился 29 января 1921 года.

Александр Дьяконович родился 22 мая 1925 года.

Георгий Дьяконович родился 12 января 1927 года.

Ангела Дьяконович родилась 28 августа 1928 года.

Отдельно, под тонкой хлопковой салфеткой покоились свидетельства о рождении и смерти тех троих, кому не суждено было жить долго.

Наверное, есть в роду Дьяконовичей и загадка более сложная, которая каким-то образом вписывается в историю семьи. Но каким образом растерялись в мужском облике славянские праотеческие черты? Толчок воображению, несомненно, дает образ сыновей Гаврилы — смуглый, темноволосый, кареглазый, с четким профилем и резными губами. Словом, восточная кровь.

Может быть, история рода по материнской линии и уходила в еще более глухую и забытую пору дальних веков, когда на сербских землях пятьсот лет владычествовали турки, и история чьей-то большой любви или страшной неволи гадательно виделась в облике всех детей Гаврилы Дьяконовича. Памятуя формулу

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

великого Ломоносова, что мир устроен так, что из ничего ничто не возникает, поверить на слово в один из восточных корешков Дьяконовичей можно. Но доказательств не было.

Изворотливая находчивость в Гаврилиных детях присутствовала всегда. Когда Александру исполнилось тринадцать лет, самым приятным событием в Постире стало кино. Фильмы показывали не о деревенской жизни, а заоблачной. Экранные люди ничего не строили, не сохраняли и не страдали о завтрашнем дне. Разве что заботились, как горячим поцелуем вернуть любовь. Они не вызывали зависти своими буржуазными потребностями. Наоборот, приближали к мечте.

Билеты на вечерние сеансы стоили довольно дорого, но от этого они казались еще желаннее. Кинорепертуар менялся регулярно, и на сеансы приходили нарядные девушки с подружками. Ах, как от них хорошо пахло, когда садишься рядом в соседнее кресло! Вот бы притянуть такую к себе и проникновенно поцеловать, как этот Рудольфо Валентино!

Урожай в тот год Дьяконовичу удалось собрать такой небывалый, что он всей семье справил несколько пар обуви да зимние пальто. Однако Гаврило деньги считать умел и на ветер их бросать не торопился. Кто же из сыновей будет его за это судить! Просто надо сделать так, чтобы были и волки сыты, и овцы целы.

— Алекс, что бы ты делал, если бы у тебя был миллион? — спрашивает Мита.

— Ходил бы в кино и ничего больше не делал.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Совсем ничего?

— А зачем мне что-то делать, если у меня миллион?

— Билетов у тебе нет, а надо, чтобы были. Надо!

— А что такое, например, аккуратненько продать немного пшеницы! В амбаре ее хранится видимо-невидимо.

— Одного мешка хватит?

— Так и будем на галерке сидеть?..

— Тогда надо два продавать...

— А что тут думать! В конце концов, мы тоже работали на току!

Тогда еще никто не говорил, как разлагает личность буржуазное кино. Амбар, не теряя облика сельскохозяйственной постройки, превратился в тайный магазинчик, и «продавцы» обрели независимую походку.

— Деньги летят, прям...

— Может, попробуем продать бутыль вина? Это дороже, чем пшеница. И объемом меньше.

Хлопоча по хозяйству, Гаврило не замечал, что в распределении его доходов стало принимать активное участие подрастающее поколение. Если бы ранним утром не увидел в окно приземистого мужичка с дубленным лицом, уверенно толкающего деревянную двухколесную повозку по его личному участку: «Что за хмырь? Куда? Зачем?»

Двери кладовой распахнулись в тот самый момент, когда двадцатилитровая бутыль ложилась в тележку покупателя.

— Луди!¹ — Отец сплевывает и гремит на всю кладовую. — Раздеть меня удумали догола, отродье!

¹ Глупцы. (сербск.)

Сыновья смотрели мимо. Гаврило бросился к покупателю:

— Ты клади вино на место!..

Он хотел еще что-то крикнуть из малоупотребительных слов, но резко повернулся к «отродью»:

— А вы... вы... Руки за спины и головы вниз!

Порка никогда не усмиряла нравы кинолюбков. Напротив, синюшные разводы воспитания делали их только изощреннее.

В конце концов, отец не был зол на своих сыновей, он просто не знал другого способа воспитания хозяйского чувства у своих потомков. А знал, что мальчишки его не воры и разбойники. Возможно, отец сам перегибал палку с излишней прижимистостью, чтобы дети его работы не чурались и барчуками себя не считали — так думали дети.

Каждое летнее утро брали они в руки косы, вставали в пролеты и шли вперед, валя сорняковую траву и оставляя за собой ровную дорогу вплоть до конца широкого двора. Уже несколько лет отец не вставал на косьбу, оставив это занятие молодым силам.

Зимними снежными утрами его детвора, подзадоривая друг друга, расчищала большими лопатами двор и дорогу к дому от снега. Отец командовал, а дети с охотой выполняли его поручения: «Сейчас починим хлев, а потом займемся ремонтом керосинового фонаря». Удалось-таки отцу поставить детей на правильный путь! Все делали без лишних «почему?» и «зачем?». Ради будущего!

Иногда Гаврило рассказывал своим мальчикам о каком-то диковинном месте на Дунае. Казалось, отцу

известно о том самом месте гораздо больше, чем он говорит.

— Ты считаешь его зловещим, папа?

— Не зловещим, а хитрым местом, лукавым, — отец неожиданно меняет выражение лица. — Старички говорят, что если произнести в этом самом месте свое заветное желание, оно исполнится. Только надо быть наготове к тому, что мечта сбудется с лихвой. Больше, чем человек просит. К примеру, попросит человек избавить его от плохого чувства, так пока не утопит в реке все свои воспоминания, душу свою от него не спасет. Чувствует как-то речное чудо, что человек попросил то, к чему не готов, вот и насмехается над ним, куражится.

— А ты пробовал попросить, папа?

— Пробовал.

— И что?

— Получилось, — улыбается отец. — Видишь, сколько вас у меня?

— Тоже видать, дьявольские проказы, — отозвалась Елена.

— А попросить можно все, что хочешь? — перебивает Димитрий.

— Только аккуратно! — отец почти смеется. — А то попросишь, дескать, дай ты мне любовь девушки самой хорошей, и чтоб на всю жизнь! Так тебе тут же: «На, голубчик, забирай ее тепленькой! Только смотри, потом не плачь, что не такая уж она и хорошая, как ты думал!» Ты-то думаешь, что она понемножку любить будет, красиво, романтично, а она возьмет и залюбит до смерти.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Ты чего это им говоришь? — удивлялась Елена.

Довольный собой Гаврило посмеивался.

— Давай, отец, сходим на это место!

— Так оно же в Карловцах, не дойдем.

— А мы на поезде поедem.

— И что же мы просить будем?

— Чего-чего! Попросим здоровья, разве может оно навредить избытком?

Отец покашливал и опять:

— Слышал, приходят туда старики здоровье просить — невмоготу боли терпеть, надо передышку взять. Только и передышки здесь река не дает. Человек начинает так трудиться и суетиться, что люди думают: «Хоть бы он затих на часок, поспал, что ли. А то вертится, как бес, и всех вокруг себя вертит!» Но человек-то ничего изменить уже не может, потому и исчезает прямо на скаку, не успев даже подготовиться к последней минуте.

— Ну, так что, не поедem туда?

— Может, и поедem, но торопиться не стоит, там дорога у реки очень грязная. Одежду испачкаем так, что никогда не отстираешь. А может, и живыми не останемся.

— Хорошо, люди поумнели и перестали испытывать судьбу. Нечего думать о всяких глупостях, когда в реку лезешь!

А про себя подумала: «Если бы не затмение Миливоя, будто я Ленку не от Гаврилы родила, то он бы не напился тогда до смерти и не полез в воду».

Но детям казалось, что отец знал ту неведомую узкую тропу у Дуная, которая всегда остается сухой и

твердой. И она могла иметь в его жизненном исходе какую-то невероятную роль.

— У меня шея уже горит, Алекс! — красавица Славица льнула к Александру, как кошка. — Ты сегодня не побрился!

— Я брился, — млея он в ее объятиях.

— Когда?

— А ты приходи ко мне на свидания вовремя, Славица, — хмыкнул он ей в грудь.

— Хорошо, завтра приду, как скажешь, — она обожгла его жаром своих бедер.

— А может, не уйдешь сегодня вечером? — вожде-
лел он ее телесную архитектуру.

— Я не тороплюсь домой, мой сладкий.

Он вдруг разозлился:

— Сладкий, как сахарная болезнь? Не называй меня так слащаво!

— Ну вот, стоит мне познакомиться с хорошим парнем, и он начинает: не говори так, не делай того...

— И много у тебя было ухажеров?

— Опять ты сердишься, — Славица притихла, теребя мочку его уха и легко придавливая мягкой грудью. — Я же не могу выйти замуж больше, чем за одного.

— А за меня пойдешь? — продолжил он любовную игру.

— Почему бы и нет, мой сладкий!

— Я сейчас тебя!

— Так и сделай, сладкий мой!..

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

В окне маленького домика посреди заснеженного поля неутоленно горел огонек и разгоралась стихия, без оглядок и боязни последствий.

— Слушай, Алекс, у этой Славицы ни стыда, ни совести!

— Видишь, отец, — широко улыбнулся сын, — ничего лишнего!

— Не старайся умничать, — одернул его Гаврило. — Не приводи ее больше туда!

— Но почему, дом-то пустой?

— Это не значит, что его надо превращать в бордель.

— Какой бордель! У меня только одна Славица и я не могу от нее вот так взять и отказаться!

Гаврило насторожился:

— Сынок, если ситуация зашла так далеко, мы можем поправить ее деньгами.

— Папа, предупреждаю: у меня со Славицей все серьезно!

— Да нет же! Если бы было серьезно, то ты бы решил, что тебе нужна другая девушка!

Вопреки предупреждениям Гаврилы и Елены, Александр со Славицей поженились. Только вот чарующая непринужденность и интенсивность их семейной жизни выпали на 1943 год.

И война сделала свое дело. Горячая кровь потомка рода Дьяконовичей, несовместимая с чужаками на родной земле, не давала покоя.

Когда советские танки появились в Болгарии, Александр собрал свой рюкзак, прихватив дедову двустволку и повесив на плечо трехрядку. И, запомнив

сухие исцелованные губы Славицы, он прыгнул на броню «тридцатьчетверки», раздвинув густо сидящих автоматчиков, да вместе ними, презируя мысль о том, что немецкая пуля сбросит его однажды под гусеницы, погнал фашистов в Германию.

«Годы несутся так, будто палкой по штaketнику проводишь, — думал всегда оптимистичный отец семейства Александр Дьяконович, прозванный по возвращении в Сербию Алексом Бугором.

Сегодня мне ни стукнуло пятьдесят пять лет, а перевалило. Ничего особенного в душе не изменилось, но все-таки перевалило. У меня хороший слух, я слушаю не слухи, а песни. Я их пою и играю на гармонии. Могу на этой, а могу на той, большой. Я зрячий. Хоть мне приходится подальше от себя отодвигать текст, но я вижу его, читаю и, главное, понимаю содержание. Это значит, что пришло мое время писать летопись нашей семьи. Подробно и осмысленно».

Почерк Александра сильно отличался от почерка Гаврилы, и первая запись Александра в семейной летописи стала такой:

12 июля 1944 года в возрасте 59 лет умер Гаврило Дьяконович.

Доктор написал в своей книге такое объяснение: «Гаврило Дьяконович не обратился вовремя в больницу с повреждением ступни ноги. Начавшееся воспаление привело к гангрене, с которой его организм не справился».

«Отец оттягивал обращение к врачу, — размышлял Александр. — Конечно, кто бы придал значение торчащему в сапоге гвоздику! Нелепая смерть в период военного времени. Организм не справился с гангреной. Странно, почему такому сильному человеку не удалось справиться со смертью? Может быть, не тело его, а его дух не справился с мыслью, что сыновья находятся в военном вареве, а он от всего этого далеко. Мы в бою, а он, воин по сути своей, не в строю? И лучше умереть, чем признать себя негодным к бою?»

Александр приложил к стибу страницы линейку и аккуратно вырвал страницу. Дабы улучшить роль отца в прошлом он, обмакнув перо в чернила, сделал другую запись:

Гаврило Дьяконович умер 12 июля 1944 года в возрасте 59 лет и похоронен на погосте села Постир.

Аккуратно дунув на написанное, Александр отложил летопись на край стола и достал бумаги из отдельного пакета. «Отец собирался переезжать из Болгарии в Косово, — прочитал он старый документ, — и даже прошение об этом писал:

Прошение Министру аграрной Реформы

На основании приложенного уверения прошу Господина Министра как подданного Королевства сербов, хорватов и словенов о моем поселении в Косово с женой Еленой 33 лет, дочерью Катицей 12 лет, дочерью Лен-

Мы, сербы из Болгарии, считаем Югославию своей родиной, хотим вернуться в свою страну и помочь ей.

Февраля сего года направляем своего делегата Бойю Миятовича в Югославию для изложения нашего желания властям Югославии. Поскольку мы все родом из Воеводины, Бойя Миятович обращается к народной власти Воеводины с просьбой о поселении нас в родных местах.

Февраль 1945 г.

Мартовское соглашение между властями Югославии и Болгарии давало разрешение на удовлетворение просьбы сербских граждан в возвращении в Югославию. Главное народное управление Воеводины своим актом № 371 от 13.03.1945 года известило Министерство внутренних дел Югославии, что с удовольствием примет прошение сербов о переселении из Болгарии и возместит оставленные там земли и имущество. Таким образом, оставленное в Болгарии по обоюдному соглашению сторон вернется его владельцам в Сербии.

В 72 железнодорожных вагонах с надеждой на лучшее будущее все переселенцы, захватив с собой все движимое имущество, прибыли в Воеводину, оставив Болгарии 5456 гектаров земли, 186 гектаров леса, 68 гектаров виноградников, 297 дворов.

В Югославии компенсацию обещали, но не дали. Все, что смогли привезти с собой 88 мужчин и 99 женщин, то и стало их заделом на новом месте. Утвердившаяся после войны аграрная реформа лишила их всякой надежды на богатства, а воевавший с буржуями

социализм разделил и национализировал все их нажитое имущество.

«Всю свою жизнь мой отец Гаврило Дьяконович старался обеспечить свой род материально. Имея огромные наделы земли, он был уверен, что стал богачом. Мать при переезде потеряла все нажитое им добро.

Но, так или иначе, ее мечта сбылась. Сколько она жила с отцом в Постире, столько в ее памяти постоянно вспыхивали картины города ее детства, запечатленные на старых открытках минувших лет. Как поэтично она рассказывала нам, детям, о своей жизни там, где жили наши другие бабушка и дедушка. Процветанье и великолепие Карловцев никогда не могло сравниться с деревенской жизнью в Постире. Постир, в конце войны поименованный городом Генерал Тошево, был глубокой провинцией, необходимой фермеру Гавриле, а мама не находила здесь ничего прелестного. Она ностальгически вспоминала свою родину, которая представлялась ей единым целым, одинаковым и неподвижным в своем величии, всегда зовущим в свое лоно.

Купив дом и поселившись в Сремских Карловцах с детьми-погодками восемнадцати и семнадцати лет — Георгием и Анджелой, она дождалась с войны нас, своих сыновей».

«Поезд, останавливаясь, пыхтел. По обеим сторонам вслед за движущимися вагонами бежали, кричали, махали руками, фуражками, платками, цветами,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

падали, поднимались ликующие. Победа торжествовала! Она стремительно забывала все: и боль, и неправду, и обиды, и горести, и голод. И врагов. Эта Победа оправдала их надежды, веру и жертвенность.

Из вагонов потек народ. И я, окрыленный, выскочил из вагона, перебросив гармошку через плечо. Я глядел во все глаза, чтобы не проглядеть ее, чтобы не пропустить свою встречу, а это было очень легко в тесной толпе не заметить Ее. Конечно, я не верил тому, что писала о Славице моя мать.

Я закурил. Из девятиерых односельчан, умчавшихся с русскими добивать фашистов, воротился домой я один. Прах моих друзей остался в придорожных могилах и на неведомых полях.

Поезд отгремел, увозя моих живых сослуживцев в города и села. Толпа быстро рассеивалась, уводя «роденьких». На перроне уже пусто, только далеко-далеко смутно виднелась одинокая фигура. Может, кто-то из путейцев стоял. Я-то думал, встречу и вот сейчас расскажу, как товарищей в атаку поднимал да на амбразуру ложился...

Я сел на шпалы под палящим солнцем. От шпал отдавало смолой. Снял с плеча гармошку и, подав плечом, развернул ряды:

Ой, какой же нынче праздник, —
На границе — тишина.
Сорок пятого, девятого
Окончилась война!
А как окончилась война,
Женка стала старшина...

В клубе пыли к перрону подъехал грузовик, из которого выскочил вспотевший вояка:

— Эй, браток, — позвал он по-русски, — поезд давно отошел?

— Да нет, — откликнулся я.

— А ты шо, отстал? Давай подброшу на станцию! Бегом!

Я вскочил, обрадованный, что моя дорога не кончилась. Шофер с грохотом захлопнул дверцу, нажал на стартер, мотор разок хрипло кашлянул, потом металлически зарокотал, и мы понеслись, подпрыгивая на кочках.

Я жив, я еду. Новая дорога, значит, так тому и быть!

Тогда я впервые оценил, что двигаюсь к цели не так прямолинейно, как обычно это делал. И я не требовал платить по счету. Думал, что уже не наверстаю упущенное время со Славицей. Это невозможно. Нечего и разбираться в ее грехах. Пусть живет, как хочет.

Вблизи Вены, играя на гармошке на пятидесятилетия русского генерала, я услышал, как произносивший тост сослуживец спросил, как бы он хотел прожить жизнь, если бы ему представился случай родиться заново. И тот генерал ответил, что лучше, чем эту жизнь, он не мог бы прожить. Я был поражен, что генерал не раскаивается в ошибках и промахах, не жалеет никаких потерь, потому что поступал всегда честно и прямо.

И я подумал — если доживу до такого юбилея, смогу ли я повторить его слова?

Добравшись до Сремских Карловцев, я без труда отыскал дом бывших знакомых семьи, который теперь стал и моим домом.

На войне, рисуя себе возвращение к родным, мне виделось, как на знакомом крыльце встречает отец. Сухощавый, не по-стариковски стройный, он всегда стоял уверенно, улыбаясь навстречу невыцветшими глазами.

На крыльце нового дома стояла мама, прислонившись к дверному косяку. Она плакала. Я не знал ее слезливой, а тут слезы потекли по ее щекам.

— Мама!

Она заплакала, не скрываясь, и ступая навстречу.

Маленькую и хрупкую, я обнял ее своей могучей рукой, быстро доставая из кармана брюк застиранный платок и вытирая им ее глаза, щеки, нос, с жаром обеими руками прижал к себе. Потом отстранил, взглянув в глаза, и первым сказал:

— Показывай дом».

На новом месте некогда большая семья Дьяконовичей не удержалась в едином кулаке. Дети стали постепенно расходиться из общего дома. Сыновья поочередно женились, строили свои дома и создавали свои семьи. С мамой Еленой осталась ее любимица Анджелка.

Заботливая и нежная мать по-прежнему стремилась к большим семейным вечерам, когда все собиралась на террасе и ужинали, подводя итоги прожитого дня. Но жизнь с детьми и внуками давно виделась ей

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
как мираж никогда не воплотимой в жизни иллюзии взаимной любви.

В прошлые времена она чувствовала себя барыней с сонмом слуг, которых она кормила и угощала, одаривала конфетками и яблочками. А детям рассказывала семейные истории. «Вы вот не знаете, — говорила она, — как я однажды про вашего отца сон видела страшный, будто умереть ему. Он в воде и «Помогите!» кричит. А я бегу, бегу ему на помощь и не успеваю. И тут проснулась я в холодном поту. А вечером несчастье с ним случилось, чуть не утонул. К счастью, все-таки живуч оказался!»

Вспоминая о прошлом, она выметала из себя его осколки, коловшие ей душу, и, несмотря на неожиданные выводы, детям все равно нравилось слушать ее исповеди и заплачки. «Русские у нас рядом поселились. Гаврило помог. Говорил, что их девочка тоже в детстве тонула, да выжила, как и он. Красивая была, зараза. Гаврило частенько к ним домой заходил любоваться на нее. Небось, жалел, что семейный был...» — «А девочка та жива?» — «Так это Яшка!» — «Светлана Райкова, что ли? Что в один день с нашим Гаврилой умерла?» Мать примолкала, поджав губы и давая понять, что даже эту радость у нее забрал кто-то чужой.

Радости прошлого убегали. Непостоянные визиты женатых сыновей с невестками и внуками, казавшимися на расстоянии чужими детьми, наливали в ее старую душу горечь. Горечь эта выходила из берегов совершенно неожиданными образом. Даже когда из Болгарии к ней приезжали дочери со своими детьми,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

она уже в первый день их приезда не могла сдержаться и обязательно устраивала показательное представление. То ли ей начинали мерещиться повсюду мошенники и воры, хвастуны и лжецы, то ли дети оказывались бесталанными и неудачливыми, необразованными и черствыми, то ли внуки бестолковыми и дерзкими. Одни не были расторопными, экономными, деликатными, другие опрятными, трудолюбивыми, симпатичными «как вот у других». Претензии не распространялись только на Анджелку и ее сына, Йована, безупречного с точки зрения гонористой бабушки.

Невестки с Еленой в бой не вступали, сыновья стали отгораживаться, ревнуя к младшей сестрице и замечая, что все конфетки и подарки предназначаются только Анджелкиному сынку Йовице, внуки со скандалом соглашались навестить в праздничные дни бабушку. Бабушка, воевавшая на ровном месте до полного изнеможения, в знак нежелания всех их видеть, выскакивала из-за стола и уходила к себе, хлопнув дверью. Многозначительно переглядываясь, в неловкой тишине сидеть дальше за столом было невозможно, и все торопливо расходились и разъезжались.

Сыновья, не понимая причины такой метаморфозы матери, делали тактичные попытки выяснить у нее причины недовольства собою и своими семьями. Но Елена, не морочась с длиннотами чувственных откровений, аттестовала их как сумасбродов. А после завершения педагогических штудий собственными руками ставила в поединке с ними кровавую точку: «Яйца курицу не учат!»

Оставшись без родителей и без богатства, дети, тем не менее, не ожесточились против государства и дорожили не только семейными узами. Родители, сами того не подозревая, каким-то удивительным образом заложили в них гены альтруизма, что чаще встречаются среди людей малого достатка, так как в таких семьях дети приучаются к тому, что, кроме удовлетворения своих потребностей, нужно удовлетворять какие-то общие.

Подавление эгоистического начала «дай» и «мое» естественным образом приучило всех их к мысли, что трудиться на пользу других так же необходимо, как быть честным и не воровать.

И сын Александр, возможно, будь сыном-одиночкой и имей добротное музыкальное образование, стал бы хорошим профессионалом-исполнителем на народных инструментах — на гармони или баяне. Получив в подарок старую гармонь, починил ее и сам научился играть. Музыкальный слух у него признавали отменным, и за год он перенял много услышанного от родственников и соседей, охотно беря с собой гармонь на праздничные вечера. Штрих к его портрету — разных классов гармошек он собрал в доме аж четыре штуки. Песен и мелодий знал немало — сербских, русских, болгарских, турецких. Но для тех времен и тех широт музыкальная специальность считалась развлечением на праздниках.

На интеллигентного сынка второго поколения, натасканного с детства на научную терминологию и тренированного в учебных гонках, он тоже не походил.

Народное дитя, возвращенное на необъятных полях, он стал рабочим человеком, мастером. Руками умел делать все и для всех. Работая на сахарном заводе, умел управлять всем оборудованием, и так хорошо его чувствовал, что любой сбой мог устранить и каждый механизм наладить.

В доме тоже не мог спокойно смотреть на неисправности. Прибить, побелить, покрасить — его не надо особо просить. Поэтому и дом свой построил быстро и красиво. Да еще родник во дворе отыскал со студеной водой. Начал строить колодец из дубовых срубин. Когда широкие крепкие венцы источали терпкий дух, он прикрепил к колодезному журавлю ведро, опустил его вниз и зачерпнул. Сделал несколько глотков, перевел дух и присел рядом: «Добрая водичка! Не то, что на улице. Вот такую и отец любил! Водичка-водичка...»

Выбирая жену во второй раз, Александр был куда осмотрительнее, чем при первой попытке. Симпатичная девушка Мария, настоящая сербиянка из Воеводины — смерна¹. Смирение и терпение у нее адские, возвращенные в хоровом серале назарян. Хороший противовес его тяжелому характеру!

Надо сказать, что все сербы по темпераментам разные. Например, босанци² буйного нрава, а воеводинские сербы — лалы, очень мирного, спокойного нрава,

¹ Мирная, смиренная (серск.).

² Боснийские сербы (сербск.).

и чтобы вывести их из себя, надо очень постараться. Лалы, не обижаясь, с удовольствием рассказывают анекдот, в котором муж-лал, застав жену с любовником, спокойно говорит: «Ако ја сутра чујем, то што сам данас видео. Држи се добро!»¹

Слава богу, Александр никогда не наткнулся на доказательствa неверности своей супруги и ее ревность. Но сам ревновал.

Прошло лет десять. Они уже имели двоих мальчуганов, как однажды он застал рядом с Марией какого-то ухажера. Возможно, ухажер был просто вежливым собеседником его жены, но остановиться не получилось. Монументальный от природы, Алекс Бутор вырос перед тем subtilным лириком:

— Ты что тут делаешь?

— Да вот, курить собираюсь, давай вместе! — предложил волокита крайне мужественно.

— Курить с тобой? — брезгливо поморщился Алекс и щедро согрел его теплым словом.

— Культурный человек, не псује, — произнес ухажер, не заметив перепуганных глаз Марии.

— Не вовремя не разговаривает! — взвинулся Александр, и, не вникая в его объяснения по поводу чисто духовной близости некоторых людей, убедительно отшвырнул его от Марии в другой конец просторного помещения.

Дамскому угоднику еще повезло. Если бы поблизости находился какой-нибудь тяжелый предмет, то Алекс, не задумываясь, огрел бы им по башке, и еще

¹ Смысл фразы: «То, что я вижу сейчас, не страшно. Будет страшно, когда об этом заговорят. Держись хорошо!»

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

неизвестно, спасли бы бедолагу в санчасти или нет. Гламурный курильщик с той поры категорически исключал риск.

Наблюдения за Марией супруг все-таки продолжал еще целую неделю, встречая ее у проходной предприятия, на котором она трудилась, а потом убедил уволиться по собственному желанию: «Деньги будут, я сам заработаю, а ты занимайся детьми!» Его понятливая Мария знала, что слово свое он сдержит, семья будет обеспечена, хотя ему и придется работать от зари до зари. И спорить с ним не стала. К тому же это было бесполезно. С ним на заводе-то редко кто спорил. Он всегда поступал по правде, и никого не обижал понапрасну. А потому возражений демагогов не принимал.

Было дело, что Александра, как передовика производства, приняли в компартию. Говорили: «Теперь ты наделен народной властью!» А во имя великого триумфа коммунизма дозволено все. Без колебаний. Колебаться могла «гнилая интеллигенция».

Продразверстка тогда только начиналась, и его включили в продовольственный отряд рабочей организации «Сахарный завод», поручив забирать излишки у кулаков и богатеев. Вместе с другими, веря в великое и необходимое преобразование деревни, они переходили из дома в дом и спрашивали, сколько имеется зерна. Им отвечали «нисколько», и начинался обыск. В амбаре, в подвале, за печью, во дворе... «Берите, забирайте, — кричал хозяин под крики детей, — все берите. В печке кастрюля с чорбой. Без мяса, правда, но все равно, забирайте». Таких мучений он

вытерпеть не смог и пришел к парторгу завода, бросив свой партийный билет на стол: «Не буду я этим заниматься! Это нечестно». — «Почему нечестно? Они срывают посев урожая, значит, они враги народа!» — «У них одиннадцать детей, а я под дулом пулемета должен забрать у них хлеб, которым они будут завтра их кормить? Не буду и все!»

Никто из партийцев не посмел отдать «бунтовщика» под суд, как это делалось налево и направо за неповиновение. Никто не решился и на профсоюзном собрании против Алекса Бугора словцо вернуть, чтобы приструнить как-то за неоказание содействия производственным органам.

Его спасли от расправы его руки и голова — не самые плохие. Все понимали, что надо терпеть его горячий характер. Он рассказывал как-то своим детям: «Помню, я иду с товарищами в просторное помещение нашей гимназии, в которой мы учились до войны. Мы входим в распахнутые белые двери, пахнущие масляной краской, и видим впереди большую освещенную сцену, на которой во всю длину покрытый зеленой скатертью стол. За столом — люди, лица их серьезны, как у учителей. Кажется, что сейчас они нас будут спрашивать не понарошку, а на оценку, выставят нам «двойки» и «колы». Возможное «поучение» пугает, спина становится влажной и тяжелой, будто несущей горб. Неожиданно по спине хлопает чья-то рука. Хлопает дружески, не больно, напоминая детскую игру: «Что в горбу?» — «Денежки». — «Кто наклал?» — «Дедушка». «Дай-ка мне!» — «Шиш тебе!» И тут, не признавая радости достатка и символа его —

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

горба, пацаны начинали молотить по спине — только успевай-отбивайся. Но это игра, а сейчас все взаправду. И стать свою чувствуешь. И достаток, а все равно страх, хоть и сидим не в первом ряду.

Вот один из партийцев встал к трибуне. Голос властный, зычный. Изрекает истины как открытия.

Я молчу, и мы все молчим. Молчим о том, что сейчас не просто, но было еще тяжелее. Молчим, что дело общее. И борьба с врагами партии должна стать непримиримой. А чего егозить-то! Молчим с пониманием, что те, на трибуне, хотят лучшей жизни всем нам.

Портреты и лозунги со стен актового зала снять не успели. Читаю на немецком: «Systemglaube ist Aberglaube». Рядом шепот товарища: «О чем там написано, знаешь?» Так же приглушенно отвечаю: «Вера в систему есть суеверие». — «Что это значит?» — «Каждый режим создает себе нового человека, без корней прошлого. Таких легче приобщить к массовке...». Я не успеваю договорить, мои слова услышали впереди сидящие и шикают: «Замолчите, а то вас выведут с позором!»

Мы молчим. Голос с трибуны: «Истоки нашей веры в коммунизм — в нашем братском единстве и силе духа простого народа!» С этим не поспоришь. Народ наш крепок, и нечего тратить силу голоса на очевидное. «...Но тех, кто шагает не в ногу с партией, кто ее предает... Стрелять таких надо!» Скорее всего, в зале не больше двухсот человек из тридцатитысячного населения нашего города. И откровенный вызов к «непартийцам» мущает.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Товарищ! — поднимаюсь я с места. — Поаккурратней к простому народу. Что худого сделали те, кто сами перебивались с хлеба на воду, не убивали и куска изо рта другого не отнимали?

Зал загудел. Со всех сторон смотрят возмущенные глаза: «Он не понимает!»

«Да, не понимаю, объясните, как так врагов народа от народа уже не отличить?»

«Нечего ему объяснять! Уходи отсюда, вон, пока цел!»

Из-за двери слышалось: «...С него, с этого винтика нашего большого предприятия, резьбу никогда не срубишь и гвоздиком не сделаешь. Тем более что на носу посевная, и как справимся, чтобы удобрения вовремя вывезти на поля. Александра все равно никому не заменить. А что до единоличников, то на них и другая управа найдется».

Так и достраивал светлое будущее Алекс Бугор на своем заводе.

Александр не был верующим человеком, вернее, думал так: «Какой там Бог, надо идти траву косить, весь двор зарос». И уж не тратил времени на поиски небесной помощи. А потом, верить — значит, верить на слово, не проверяя. Он думал, что так доверять кому-то невидимому можно только от отчаяния и безысходности.

Не было у него такой безысходности. Он чинил машины на совесть, и они работали, он вкалывал с утра до ночи, и вот они, деньги. Все реальное, никакой ман-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
ны небесной... Изредка в подсознании Александру хотелось выбраться из этой липкой мужицкой каши. Но одиноко молиться он не умел и уповать на Божью помощь не мог.

К своим сыновьям он был строг: «После гимназии пойдете учиться в университет!» Мальчики не мечтали о высоколбой науке, особенно Мирослав, но, проникшись отеческими переживаниями по поводу их будущего, решились ехать на разведку в Нови Сад.

— Эй, знаешь, где тут университет, — Алекс кричал в опущенное стекло автомобиля.

Белую «Фићу» он недавно купил у дальнего родственника. Югославский завод «Zastava» выпускал тогда уже не подобие «Фиата», а собственную оригинальную модельку малолитражки. Поскольку выпустили небольшую партию, то на первых «Фичах» ездили сынки больших людей, а теперь вот можно купить недорого.

Он бы и не стал покупать, ему хватало велосипеда. «Не надо мне автомобилей, у меня велоавтомобиль». Но как только свояк по жениной линии прикатил на этой самой «Фиће» к нему домой, глаза Мирослава загорелись, и сын начал его долбать каждый день: «Пап, давай купим такую». Александр и сам впечатлился, когда открылась передняя дверца, и из стереофонических динамиков вырвалось мощное фортиссимо Бетховенской Девятой симфонии, не выключенной на время стоянки. Кончилось тем, что Александр продал свою веломашину.

А «Фићу» купил, поставил в гараж и выезжал только по необходимости, в расчете когда-нибудь разбогатеть и поменять ее на престижный «Фольксваген».

— Здраво, племянничек, — знакомое лицо Анджелки удивленно заглянуло в машину. — А зачем это вам университет?

Александр убавил громкость русской плясовой:

— Вот документы везем.

— Обоих сразу, что ли? Они же не ровесники.

— А чего мелочиться! Пусть оба учатся, — Алекс был уверен в задуманном.

— Неужто ты думаешь, что твои дети будут учиться в университете? Да они только войдут туда, только спросят их о чем-нибудь, и экзамены закончатся. Готовь деньги, тата! Я-то вон сколько уже потратила на репетиторов для Йована!

— Ну, а как к университету проехать, скажешь? — покрылся испариной Алекс от этой шакалей гипотезы. — Давай скорей!

Совершенно не напрасно волновалась Анджелка. В тот месяц натасканный на поступление Йован пошел на курсы агротехников, а дети Александра набрали высшие баллы при поступлении в Новисадский университет — старший на исторический, а младший на философский факультеты.

«Младост — лудост!»¹ — повторяет возмужавший Мирослав. Не злобно, не раскаянно, не поучительно.

¹ Молодость — глупость! (сербск.)

С оттенком грусти по ушедшим летам непосредственности.

Красивые годы, когда дышалось воздухом воли и бессонные ночи лишь вливали новые силы, после гимназии можно пересчитать по пальцам. Собственно с 1974 по 78-й, университет! Вся атмосфера спешила соучаствовать в сотворении праздника души, который ушел в фотоальбом, распухший от пожелтевших снимков близких и дорогих лиц. Мирослав никогда не забудет свою вольницу. Как, например, ездили с друзьями по вечерам в Венгрию, просто так, погулять. Отец на карманные расходы категорически отказал: «Хочешь курить сигареты и угощать девушек — зарабатывать сам». И зарабатывал, не рассчитывая на потоки финансовых дотаций.

Границ для студентов тогда никаких не существовало. Собрались человек двенадцать-тринадцать, уехали в три-четыре машины и в восемь вечера — фиють!.. И там. Красота, огоньки в барах и ресторанах, девушки красивые, музыка громкая. Да, что там завтрашние семинары у докторов наук! И все преподаватели безоговорочно верили, что всю ночь напролет Дьяконович сидел за книгами!

Потом нахлынула томительная любовь к сокурснице Борислава, самой примерной студентке исторического факультета. Йованке мечталось стать археологом, лопаткой и мягкой кисточкой раскапывать останки досконально изученных неандертальцев для подтверждения или опровержения умных книг. Но вместо саксаульного костра и романтики теплых черепков она зубрила определения и схемы в иллюстри-

рованных справочниках. Впрочем, точно так же проводил время в Нови Саде и Борислав. Их разделение произошло именно здесь. Один постоянно учился, стремясь к славе Геродота, и ему некогда было зарабатывать деньги, а другой как-то успевал и то, и другое.

Когда красавица и умница Йованка увидела Мирослава, с подкупающей улыбкой протягивающего ей развернутую плитку шоколада и зовущего в соседний парк, она капитулировала, и уж тут-то началось... Свидания, лобзания, объяснения, расставания, и опять любовь — всего за два месяца. В период острейшего счастья она познакомилась Мирослава со своими родителями, и дело начало двигаться к объединению двух семей.

Как вдруг горизонт семейного счастья затмила скоропостижная любовь к девушке с прекрасным именем Даница. Она работала в соседнем кафе. Он сидел там с конспектами лекций, повторяя времена глаголов и причастий русского языка, когда она подошла и сказала:

— Умрешь ведь от жары! Давай принесу лимонад!

И принесла, и села рядом, и поправила глубокий вырез на выпуклой груди. А потом зажурчала, почему кругом такая неразбериха, так неправильно все живут. Ему понравилось, что она говорит по-мужски деловито, и он одобрительно улыбнулся, отодвинув тетрадь.

«Йованка была хорошей девушкой, поступил бы я так с ней сейчас? Младость — лудость!»

Он не был комсомольцем, а то его бы разобрали на общем собрании за очень острый язык и бузотерство.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Но на последнем году обучения в университете все же понял, что должен включиться в общественную работу, и пару-тройку раз сходил на партийные собрания. «И чего ж ты не вступаешь в партию? — допытывалась мать. — Посмотри, как партийная работа помогает продвинуться по службе! Кто тебя будет печатать, если ты беспартийный?» — «Это не мое, — отвечал он. — Я — контра». — «Господи, упаси! — крестилась она, понимая, как самоубийственная борьба за правду с мужской частью факультета могла навредить сыну. — Хочешь, чтобы тебя отчислили как скандалиста? Хочешь узнать Голи-Оток?!»¹ — «Мама, мне не нужна партийная работа! Там все решается подъемом рук и директивой. Все должны думать одинаково. Если партийный секретарь сказал, что лист бумаги черный, значит, он черный. Без оттенков, черный и все. Кто думает, что этот листок белый? И все, понимаешь, все опускают и руки, и глаза».

Он тогда писал, и писал хорошо. Рассказы и эссе публиковались в самых читаемых изданиях, цитируемых и хранимых на полках университетских библиотек. Ему хотелось больших тиражей. Например, глянца. Получилось и там. И подающий надежды автор не сразу заметил, что соседние материалы нивелируют его труд гламуром и литературными штампами. Он не чувствовал, как его смывают в желтый унитаз прессы.

¹ Гольй остров — остров в хорватской части Адриатического моря, площадью около 4,7 км², куда при Иосифе Броз Тито ссылались политические заключенные. (хорв.)

Плакат на обложке журнала: «У нас в стране четыре религии, шесть республик и один Бог — Иосиф Броз Тито». Документальное и художественное далеко не случайно запечатлены в эффектной целостной форме. И рядом Дьяконович с его эссе об невольных изгнанниках в Австралию, о трагедии тысяч семей. Один материал — в павлиньих перьях, а другой — в невзрачной чешуе. Автор «чешуи», разумеется, выглядит простофилей.

Главный редактор успокаивает:

— «Ко има и Бог му даје»¹.

— Инфернальная пародия на заповедь?

Указательный палец редактора тут же прижимает губы:

— Смирись!

— Почему не писать правду?

— Правду?

— Правду не все могут понять, — помедлив, ответил редактор.

— Как?

— Да, так. Она медведя в жука превращает. Правда — она скорости боится. Ты вот можешь на бегуобразить, что к чему? Нет. Тебе надо остановиться, осмотреться.

— Но это же естественно, зачем спешить?

— Зачем! Время такое.

— Ну, да. Сердце не может стучать скорее, у него свой темп.

— Видишь, не надо торопиться с правдой. Когда равновесие, тогда и понимание.

¹ «Кто имеет, тому и Бог дает». (сербск. поговорка)

Мирославу предложил помощь видный писатель. Коллеги по цеху называли его просто инициалами, так он подписывал свои первые работы. «Мирослав, — сказал как-то Д.Б., — пиши так, будто завтра наступит конец твоей жизни» — «Откуда мне знать, когда наступит мой конец?», и он отказался тогда приехать к нему, посчитав унижительным для себя погружение в школярство. В своей большой игре он не был ферзем или слоном, а был пешкой, которая хотела сразу поразить ферзя.

Потом умер Иосиф Броз Тито. Его портреты сразу сняли со стен и вынесли в гаражи и на свалки. Развенчаны Эдвард Кардель, Милован Джилас и другие друзья. Тогда еще не всем стало понятно, куда дальше пойдет Югославия. Догадывались, что раздробленная Тито на федерации, она может иметь неоднозначную судьбу. Но чтобы это случилось так быстро, никто не думал. За каких-нибудь десять лет после смерти вождя многоликая печаль настигла югославское население. А многомиллионная «галактика Гутенберга¹» завалила его эстетично-функциональной рекламой.

Не мог предвидеть беды и городской еженедельный журнал, главным редактором которого стал Мирослав Дьяконович. На двадцати четырех листах в нем помещался и обязательный информационный коллаж об основных городских событиях, и обзор международных новостей, и рекламные объявления о купле-продаже, и даже журналистские эссе и повести с продолжениями. Рекламы все же было многовато, но

¹ Иоганн Гутенберг – создатель первого печатного станка в Европе.

с перевесом литературы журнал бы не выжил, а так весь тираж его расходился в течение трех дней. Дьяконович сначала морщился, дескать, товарные этикетки поглощают слово как таковое. «Что вы! — спорили коллеги, — Конструкты смысловых сообщений — это оригинальные образы футуризма. Просто — значит лучше». «Я не против ясно и четко говорящего образа, и понимаю, что целостное воспринимается лучше, чем его части, но куда приведет этот рационализм с его простотой?!» На этот вопрос никто и не собирался отвечать, целелолая хорошую прибыль: «Деньги — товар — деньги-штрих».

И вот предприимчивые люди уже не долбают мотыгой землю-матушку, не пасут овец, а таскают рекламные листовки, тудясь промоутерами и менеджерами.

Штатных сотрудников Мирослав привлек немного, и коллектив у него получился креативный. Например, на обращение в журнал: «Мы производим товар лучшего качества, а из-за рекламы на странице такой-то выходит, что нас просто не существует, так как покупать обувь надо только в одном единственном месте, указанном в вашем журнале», сразу появлялась объективно-строгая публикация. Тогда и зарвавшийся предприниматель выходил на чистую воду, и судебные органы настороженно поднимали уши, вглядываясь в фоторепортажи. Но местные бизнесмены относились к журналу настороженно и щедро (на всякий случай!), а потому такие случаи являлись исключением, а не правилом.

В первых номерах своего журнала Мирослав публиковал прозу малой формы. Когда журналу пришлось решать вопрос «быть или не быть», место для литературных фантазий перешло к проектам масс-медиа. «Будьте женщиной, а не домохозяйкой! Купите хороший пылесос!» Кто устоит перед голосом рекламного обращения устранить, наконец, моральный дефект и превратиться в настоящую женщину! А как обойтись без губной помады Эсте Лаудер, если «губы — это маяк, без которого лицо не светится»? Мужчине нельзя выглядеть brutальным без сигарет Marlboro, Camala, Winstona. Без Calgona ни за что не сохранишь стиральную машину, белье не отстираешь без Taida, а кожу не отмоешь без Camay. Не получится попасть в число преуспевающих без Chryslera и Volkswagena и в «число бессмертных» без пианино Steinway. «Бремя лидерства» — для многих уже гиперреальность.

Красивые вещи вносят украшение в жизнь, но долго не радуют. Как нельзя «обладать» и «быть», так не может сочетаться идея брендовой гармонизации быта с идеей оставаться самим собой. «Мухи должны быть отдельно, а котлеты отдельно». Но эти самые рекламные «мухи» давали Дьяконовичу неплохие деньги на публикацию серьезных книг.

Одна рукопись принята «Свободой», другая «Культурой», заключен договор с «Библиотекой югославской литературы». Казалось, основные философские темы передуманы. Одна только так и осталась какой-то недосказанной. Есть у него и повесть на военную тему, но не нравилась она ему. Пафосная получилась, содержание общеизвестное. А он не признавал простых

решений, нужна была идея. Интересной идеи нет. Как он жалел, что столько времени уходит на мелочи, не связанные с работой! Главное, что знаешь, чем все они закончатся. Его время уносится в шуршании чьих-то писем, заявлений, расследований, справок, договоров. Как безвозвратно уходит многое! Неужели это первое дуновение старости?!

Время текло, осень сменялась весной, едва оставляя в памяти множество приятных и огорчительных моментов. Пока не ахнула война.

Его война была дикая и самочинная, как будто люди откатились на несколько веков назад. Впрочем, все войны, которые выпадали на долю мужчин его рода, начинались буйными дикарями. В его войне камнем преткновения стала земля Косово. Земля Максима Попова, его предков, на которой остались их потомки, их дома — память.

Американцы, под благовидным предлогом защиты косовских албанцев, вцепились в эту территорию, чтобы отодрать ее от Сербии.

Почему Америка, этот огромный остров западной патриархальности, решила вернуться к военному ристалищу Османской империи — Югославии, уставшей от вековых восточных игр — вопрос. Там нет ни газовых качалок, ни нефтяных луж.

Что патетичного в сокрушении небольшого сербского народа силами многомиллионной армии США, вопрос второй. Ладно бы наоборот, если бы Милошевич проговорился о своей неуязвимости от бомб и снарядов и бросил вызов смерти Клинтону, как какой-нибудь Соловей-разбойник. Тогда бы легко было по-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
 гибнут за металл»¹? Тогда надо было уточнить, кто именно. Джентльмены, эти рыцари, штудировавшие античных мудрецов и куртуазно любезничавшие с дамами? Не мог он признаться, что джентльмены нынче одичали. Что они летают на одной высоте с Гитлером.

К тому же летчик был еще и глуховат и не слышал всю тяжелую песнь Мефистофеля. Разве что басистый конец фразы, где ему чудилось: «...заметал». Вот в нем-то и теплилась надежда: метать, а после замести!

Война застала их врасплох. Каждый испытывал непреодолимый ужас, что слепая ракета попадет именно в него. И хотя сосед-физик объяснял, как движется баллистическая ракета, что такое эллипс рассеивания и насколько мала вероятность попадания большой ракеты в одного маленького серба, услышав сирену, все разбегались по подвалам домов и сидели там, пока не стихнут звуки.

Атаки сербских городов случались каждый день, и Дьяконовичам надоело сидеть дома в бездейственном ожидании взрыва. Мира деловито бегала с тележкой по магазинам, закупая продукты и товары для дома, а Мирослав упорно писал начатый роман.

«Завтра мы будем бомбить Нови Сад!» — рокотало западное радио.

В этом городе у Мирослава жили тещь с тещей. Мира, конечно, засобиралась, чтобы забрать их к себе

¹ Песнь Мефистофеля.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

на время авиаобстрела и защитить родненьких ново-
саджан.

Она села в свой «Peugeot» и тронулась в путь. Рискованно, но лучше, чем сидеть и ждать сообщений о смерти. Мирослав стоял на балконе и смотрел, как красный автомобиль выезжает на прямую трассу, удаляется. Еще удаляется. А потом он поднял глаза наверх и увидел самолет. Колонну машин внизу и снижающийся над ней самолет. Мысль-предвестница кольнула сердце.

«Нет, только не она!»

Снаряд угодил прямо в ее автомобиль.

Он чувствовал себя виноватым перед ней. Он жив, а она нет!

По вечерам говорящая с Богом мать молила о его душевном здоровье. Вымолила, и через пару лет он осознал, что ему просто повезло. Ни его талант, ни его ум, ни какие-то другие способы защиты не спасли бы его. Просто его жизнь оказалась закономерной и только.

Его считали немного странным, когда он женился во второй раз. «Женился на непробиваемой дуре со смазливой мордашкой, наверняка расчетливой! Значит, он такой же дурак, раз не мог для сына выбрать хорошую мачеху!» Почему они поженились, такие разные, непохожие друг на друга?

Просто. Все очень просто. Он любил жизнь, и его тело хотело ее продолжения. И на эту роль нашлась Ведрана.

Новая жена ничего не знала о его первых чувствах. Ведрана была намного моложе, и увлеклась не внеш-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ное впечатление? — думал он. — Размытое лицо и невыразительная грудь...».

— Уходи отсюда, — проговорил он вслух. — И как можно быстрее.

Она затараторила, окинув его презрительным взглядом, в котором не было ни раскаяния, ни сожаления:

— Зачем тебе это надо? Какая разница, где я буду жить?

В один момент гены прародителей заголосили в своей неразделенности, превратив созерцательного философа в турецкого шайтана:

— Шалава! — прошипел он гусиным шепотом, за сверкав глазами. — Через двадцать четыре часа чтобы духу твоего в этом доме не было!

И, правда, в этом доме ее больше не было никогда.

И больше никто из женщин в этом доме не задерживался дольше, чем на одну ночь. А потом они исчезли. Бывший плейбой стал жить монахом, истязая свою плоть.

И ныне, и присно, и во веки веков он ушел в свой мир. Щеки его заросли щетиной, лицо вытянулось, и даже взгляд стал по-волчьи колючим.

Сидя за огромным дубовым письменным столом, заваленным исписанной бумагой, журналами, книгами, над которыми возвышался экран монитора, он угадывал мысли людей, их пронизательные замечания, суждения. Готовый тысячезнаковый текст он безжалостно отсекал, резал, менял, добавлял, расширял. Он писал большой роман, распорядясь судьбами

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Но там война...

— Тогда где слезы лирических героев? Они должны быть запланированы. Где их секс? Нигде не описан вкус ее губ, мягкость груди, как он поглощает ее своим телом...

— Так есть же любовная линия, зачем еще привкус каннибализма!

— Есть, но даже любовные диалоги звучат опять же политически. Вот, например: «Папочка, Милан зарабатывает хорошие деньги, но он старый и тощий».

— И что здесь политического?

— Что, что! — передразнил критик. — Пренебрежение к человеку, к сербу, твоему современнику. Вот если бы ты написал: «Милан стар и жилист, но он зарабатывает хорошие деньги».

— Так веселей?

— Вот именно! Хочется ведь жить лучше!

— Что ж, надо работать, чтобы рассмешить? На потеху?

— Мой милый друг, чтобы зарабатывать писанной, надо работать, а чтобы стать известным писакой, надо придумать что-то еще. И язык должен быть понятней. Газетно прост, понимаешь?

Мирослав знал: слово убивает. И как неглупый человек понял: убит он.

Вечерами, поддавшись убежденному саморазрушению, Мирослав садился на рекламно-воспетый легендарный Harley Davidson и разгонялся на прямой трассе. С бунтарской скоростью неслась душа его к темному горизонту неба, испытывая несравнимое ощущение лёта.

День ото дня он неистово дразнил старуху с косой, торопливо и бесстрашно лез в ее лапы. Собственно, одной ногой уже вошел в ее избушку, занес и вторую...

... Очнувшись, он почувствовал прохладу и больничный запах. На соседней койке кто-то вымученно улыбнулся и громко позвал:

— Сестра! Байкер шевелится!

«Это обо мне», — ужаснулся он молниеносному появлению в своей личности кожаных штанов и темных очков, и вскоре увидел морщинистое лицо медсестры.

— Эх, ты, дурень старый! — заговорила она, будто с безответной собакой. Все вы так: в первой половине жизни себя калечат, а во второй лечат. Будешь теперь лежать с поломанным хребтом.

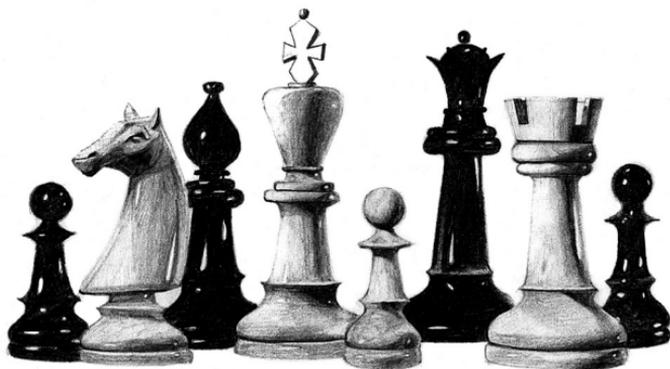
— Долго лежать? — с погребальной угрюмостью выдавил из себя Мирослав.

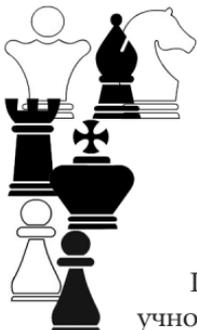
— Месяца три как минимум, — прикинула она. — В твои-то годы можно было вообще не вылезти с того света. В рубашке, видать, родился.

Она выпустила воздух из шприца, откинула простыню, и Мирослав почувствовал, как сильные пальцы всадили в его ягодицу шприц.

Глава IV.

*О благополучном
возвращении
из вековых
завихрений*

*«Всё страньше и страньше...»
Льюис Кэрролл.¹
«Алиса в Зазеркалье»*

Розенберг широко шагал по комнате научного комплекса, находящегося в восьми километрах от Знаменска, перебирая контакты в мобильном телефоне. Наконец, в трубке послышался сонный голос врача-психиатра Мельника:

— Слушаю, Борис. Здравствуй.

— Валера, здравствуй. Сейчас же собирайся на станцию. Там у нас журналисты, которых дурень Корольков отправил путешествовать, никак не приходят в себя... четыре дня! Она из Мурманска, а он иностранец, редактор какого-то сербского журнала.

— Думаешь, брачное агентство перспективнее твоей лаборатории?

— Ой, Валера, сколько стоит только захотеть его создать, а? Поэтому давай к реалиям, пока они живы.

— Живы, но не в контактном состоянии?

— Вот-вот. Валера, я хочу, чтобы первый контакт у них был с тобой. Понимаешь? Я не имею представления, насколько далеко их души были от нас!

¹ Литературный псевдоним английского писателя, математика и логика Чарлза Лютвиджа Доджсона (1832–1898).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Интересно... Значит, адрес телепортации тел известен, а их душ нет?

— Экспериментально такого раньше не было, но тут получился незапланированный сбой, и надо им помочь рассказать все, как было.

— И я, по-твоему, тот самый детектор лжи?

— На «том самом» я женат, не сравнивай себя с идеалом. А ты тот, который может поправить то, что поправить можно.

— Ну, да, понял. Вернуть их на нашу брэнную землю с лучшей версией вояжа.

— Понимаешь, я не могу сказать, что они находятся в состоянии клинической смерти, ведь они глубоко и ровно дышат. И наш врач поддерживает в них жизнь. Я даже предположить не могу, что с ними могло произойти за это время. Поэтому лучше всего стереть у них лишние воспоминания.

— Боря, все стереть нельзя, ты понимаешь, да?

— Хорошо, тогда что-то придется дорисовать. Они все равно знают, что были телепортами. Но только «что-то»!

— Почему ты не хочешь, чтобы они описали все, как есть? Что в этом такого страшного? Ведь у тебя прекрасная идея — доказать, что мир не замкнут, а сообщается с какой-то другой реальностью. Сама ситуация помогает тебе укрепить репутацию успешного ученого!

— Хм, ты же знаешь, что идея физического перемещения в пространстве и времени — реальность, а не психическая чертовщина.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Значит, тебе все-таки кажется, что они перемещались не в наших временах и широтах?

— Вот этого ружейного залпа я и опасуюсь.

— А ты не опасайся: ружье самодостаточно. Наше сознание расположено вне нашего мозга...

— Сейчас не время для грандиозного спора, надо торопиться, Валера!

— Надеюсь, ты понимаешь, Боря, что это не так просто.

— Сделай что-нибудь для старого друга, избавь меня от скандала.

— Сделаю, что смогу, но не обессудь.

Оценив ситуацию и проделав нужные манипуляции, доктор проверил капельницу Мирославу, и тот мерно засопел, не двигаясь под тонкой извилистой трубкой. «А с ней все может быть посложнее. Женщина, видать, прошла более... эмоциональный путь. Вон какие холодные руки! Видно, холодно ей».

Мельник подсел к Юлии на диван и расправил смятое одеяло. Его рука, посыпанная коричневыми крупинками, легла на ее лоб.

— Где ты, ответь мне! — врач мерно повторял вопрос, держа ладонь на лбу Жанкиной.

— В Постире, — вдруг шершавым голосом отозвалась она.

— Где это место?

Внешние уголки Юлиных глаз ушли в складки морщинок, она осклабилась в улыбке, но веки не размыкала:

— В Болгарии, где же еще!

— В Болгарии?! — вскрикнул Мельник.

— Как назвать-то тебя? — подобрал нужный тон доктор.

— Называй Яниною, — предложила она.

— А отчество?

— Не зовут здесь никого по отчеству, и ты зови Яниной, понял?

— Имя у тебя интересное.

— Красивое имя, спорить не буду. Оно значит, «данная Богом». Кто Яничкой называл, кто Ясей. А сейчас ведь повадились Ёшка да Яшка, будто силе нечистой родная дочь.

— А это правда?

— Болтовня! — категорично ответила она.

— Сколько тебе лет, Янина?

— Сто, наверное, — отвечает она так, что нельзя определить, шутит или всерьез.

— А если серьезно?

— Серьезно? Тогда больше, — сощурились ее глаза, и в голосе появилась бесшабашность. — Как я хожу сейчас, так все сто пятьдесят.

— А почему ты так ходишь, болит что-то?

— Живот болит, и в сердце эта боль отдает. Убить-то меня не убили, оклемалась, но рану еще не вылечила.

— Кто же тебя так покалечил?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Да свои же, болгары. Отомстить решили. Ладно, хватит об этом.

— Хватит, так хватит, — согласился доктор.

— Янина, ты по-русски очень хорошо говоришь.

— Здесь теперь многие по-русски говорят.

— Ты когда-то вышла замуж за болгарина?

— Да русская я, — раздражается она, — Давно уж я из России уехала, с двадцать четвертого года, это двадцать лет будет.

— А семья у тебя есть?

— Дочка. Пока болею, соседи к себе забрали. Тяжело мне еще...

— Ничего, Янина, скоро поправишься!

Она, казалось, не слушала собеседника, а думала о своем:

— Вот война кончится, Маша вырастет, может, вернется в Россию. Если мне нет схрона на родной земле, веками прислонявшей моих предков, то хоть она пусть...

— Ты тоже хочешь вернуться в Россию?

— Спрашиваешь тоже!

— У тебя родственники в России есть?

— Может и так быть, я не против, — уклончиво ответила она.

— Скорее бы война закончилась! Устала я! Сейчас Петров пост, за души покойных живым молиться надо, а они все бомбят и бомбят. Каждый день бомбят, хоть теперь уж и наши.

— Янина, Расскажи мне о своей жизни.

Она помолчала и начала так:

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Уехали с родителями, думали ненадолго — кончится бунт в России, уйдет Самозванец, мы назад вернемся. Нет, оказалось, пробыла куда больше. А люди-то были какие! Не простые, как червонцы. Герои Великой войны, все орденами Славы увешанные за то, что ни страха не имели, ни живота своего не щадили, и честь для них — дороже всего.

Что ж ссылка не болезнь, она дает время в себе разобраться и в тех, с кем ты когда-то делил хлеб. Вот человек, потеряв руку или ногу, все равно продолжает жить. Пусть по-новому обживаясь, но жить. Вопросы себе задает: кто я есть и зачем я здесь?

Мой отец начитанный был, хорошо рисовал, а все-таки военное искусство стало его настоящей страстью. Казак потому что. Царь наградил его георгиевским оружием за храбрость да крестом Георгия! Все в нем было красиво — к людям терпимость, природе угодливость, смелость. Светлый человек, а в серых глазах такая грусть тяжелая! Безнадежная. Влюбилась в него моя мать до смерти! Отказалась за сосватанного ей жениха замуж идти. Страсть — она против ума, против унылого расчета, против порядков семьи и обстоятельств. Страсть — наша помощница, хоть и ведет она против разума, но дорогой истины.

Она опять замолчала, а потом продолжила:

— Мне жалко, что не пожили они вместе долго. Мама заболела и умерла. Да не столько болезнь ее сломила, сколько тоска по родным местам. Отец держался, а когда несчастья добрались до его души, не смог смотреть на мир. Так вот и умер, находясь в смутном рассудке. А я вот все живу...

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Яшенька, а замужем ты была?

— Была.

— А муж твой где?

— Мой муж... Да черт бы его побрал!

— Так плох был?

— С его недугом не справиться ни лаской, ни запретом. Глаза его видели только тьму и непорядок. Вот я и не выдержала — мне-ить терпения никто с горы не прикатил. В один такой день глянула в его пьяные глаза, да рубанула его топориком.

— Убила? Топором-то...

— Да не убила, — ее рука слегка двинулась, — ничего ему не стало. Не убийца я, у которой руки по локоть в крови. Разве что один мизинец, — уголки рта ее чуть двинулись вверх.

— И больше ты никого никогда не любила?

— Любила. С ним я засыпала и просыпалась, но любовницей не была.

— Это как? — улыбнулся доктор.

— В уме любила, значит...

Вдруг рассказчица громко вскрикнула. Мельник осторожно взял ее за руку, вслушиваясь в прерывистое дыхание и спросил:

— Что с тобой, Яшенька?

Но привычного спокойного ответа не последовало, женщина стонала и охала. Тогда он разорвал упаковку одноразового шприца, набрал два кубика прозрачной жидкости и медленно ввел в набухшую на кисти руки вену.

Казалось, Юлия постепенно приходила в себя, успокаивалась, а потом, не открывая глаза, произнесла.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Видно, пришло время мне в дорогу собираться: все мои близкие высоко в небе меня ждут. Только Машенька меня на земле и держала. Но ее соседи наши в беде не оставят, заберут.

— Ты не думай о смерти. Вот увидишь, боль пройдет, успокоится.

— А мне сейчас почему-то спокойнее стало. Как будто с отцом Еввалием поговорила и покаялась, и на душе легко! Даже не представляешь ты себе, как мне сейчас стало хорошо!

— С отцом Еввалием?

— Да, в схиме-то он Серафимом назывался. Господь наградил его долгой жизнью. Вот ведь как у нас с ним получилось — по два имени. По две жизни прожили, одну в России, другую на чужбине. А теперь и в третью пора отправляться.

Мельник взял руку Юлии и крепко сжал:

— Юля, возвращайся назад!

Она выдернула руку, блаженно закуталась в одеяло:

— Мне видней. — Потом съежилась вся и еще плотнее закрыла глаза. — Ох, как тело мое холодно. Не согреть его. Я думаю, хоть бы мне скорее умереть. Там, будет жарко...

Валерий Николаевич заговорил властно:

— Немедленно возвращайся! Ты Юлия, а не Янина! — доктор впивался глазами в Юлин лоб. — Юлия, все, что с тобой было — это сон. Тяжелый сон. Тебе приснился неудачный сон, и ты забудешь его. Открой глаза!

Юлия примолкла и заулыбалась. Лицо ее осветилось внутренним светом, она прерывисто задышала,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

потом неуклюже дернулась телом и вдохнула озон свободы. Она открыла глаза, казавшиеся чужими, живущими сами по себе.

— Вы кто такой? — Юлия попыталась приподняться.

— Я врач, Юлия Васильевна, и пытаюсь оказать вам помощь, не бойтесь меня.

— Как я здесь оказалась? — она испуганно оглядывала диван и комнату. — Это больница?

— Нет, конечно. Это наша станция. Вспомните, вы приехали в Капьяр на научно-практическую конференцию. А потом решили похулиганить и самовольно вошли в аппаратную, куда не надо было вам входить — машина есть машина. Вот вам и неприятности.

— Да, помню, это эксперимент с перемещением в пространстве.

«В пространстве ли только? — думал доктор. — Скорее всего, временные и пространственные координаты каким-то образом поменялись местами, и пространственное путешествие дополнилось путешествием во времени. Но понимает ли она, что с ней произошло?».

— Мне кажется, — аккуратно начал Мельник, — с вами этот ваш опыт перемещения не совсем удался.

— Почему?

— Как «почему»? Разве у вас есть ощущение мгновенного преодоления большого расстояния?

— Нет, но у меня такая тяжесть, будто бы я прожила целую жизнь...

— Бывают такие сны и у меня.

— Сны?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Конечно, сны. Все время после отключения двигателя аппарата вы находились здесь. И я очень беспокоен тем, как вы себя сейчас чувствуете?

— Не беспокойтесь, доктор, — она беспечно посмотрела на Мельника, — все в порядке!

«Слава богу, изжоги нет, как обычно по утрам...».

— Слава богу, что все хорошо прошло! — радостно улыбнулся Мельник. — Человек живуч. Как говорится, поплачет и снова поскачет!

— Я хочу в туалет, — за спиной Мельника неожиданно ясно прозвучал мужской голос.

Врач, вздрогнув, обнаружил сидящего и следящего за его манипуляциями мужчину на противоположном диване.

— Проснулись?! — произвел усилие улыбки доктор. — Как вы?

— Терпеть тэшко, — настаивал на своей просьбе Мирослав. — Гдје тоалет?

— Солдатов! — крикнул доктор в коридор, а потом с интересом уставился на очнувшегося. — Как вы себя чувствуете?

— Нисам никакав¹... пока, — сморщился Мирослав. — Глава ми је као церковно звоно!²

— Ничего-ничего, все будет отлично, — бодро констатировал Мельник. — Конечно, столько пролежать — еще как голова зазвонит!

¹ Я плох. (сербск.)

² Голова как церковный колокол. (сербск.)

Вошел инженер Солдатов.

— Проводи человека в служебное помещение. — Он вдруг спохватился и выразительным жестом показал: — Хотите курить?

Мирослав отрицательно помотал головой.

— Не курим.

— Да! — доктор хлопнул себя по коленям и улыбнулся Юлии. — Вам надо обязательно подкрепиться! Поесть надо хорошенько. Я сейчас, минуточку. — Он достал мобильник и быстро распорядился: «Узнал меня? А где же? Я все там же... Да все нормально. Организуй двум моим новым знакомым по хорошему бифштексу с овощной нарезкой. Ну, там хлеба, колбаски, сырку. И непременно бутылочку красненького. Да! Водички газированной пусть прихватят пару бутылок».

В комнате сгущались вечерние сумерки, когда Юлия и Мирослав, час назад лежащие в бессознательном состоянии, наконец, полностью пришли в себя. Находящийся рядом с ними врач Мельник сохранял спокойствие, зная, что после инъекций тела этих людей уже отмякли и налились свежестью пробуждения. «Понятно, что память Юлии будет хранить период перед запуском машины, а все остальное она вряд ли вспомнит, если не найдется какое-нибудь ключевое слово, — думал он. — Ну, разве можно это слово угадать и стереть? В конце концов, если даже и вспомнить, не вижу я в этом никакого криминала. А Мирослав? Похоже, он наоборот, что-то помнит из своего путешествия. Очень интересно, что именно! И надо бы это узнать. Только как? Впрочем, он скоро уедет в

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

свою Сербию, и, возможно, все вопросы будут сразу сняты». Насвистывая что-то грустное, он улыбнулся вошедшему Розенбергу:

— Получите, распишитесь!

— Спасибо тебе, Валерий Николаевич! Дальше я сам, — Розенберг опустился на стул возле кровати Жанкиной. Юлия сидела на диване, обняв руками колени и внимательно всматриваясь в выражение лица Розенберга.

— Только недолго, Борис Маркович, сейчас заказ из ресторана подоспеет, — предупредил доктор и удалился, прикрыв за собой дверь.

Вертикальная складка на лбу Бориса Марковича напряженно хранила скорбное выражение, а дыхание выдавало торопливость мыслей. Он перевел взгляд на частокол мониторов, вытянувшихся вдоль стены.

— Юлия Васильевна, как вы себя чувствуете?

— Борис Маркович, вы простите мое самоуправство? — ответила она вопросом.

— Что сделано — сделано, — пожал плечами Розенберг и посмотрел на Мирослава. — А вы как?

— Так, — он спокойно повернул рукой, — «Благо оном ко рано полуди, њему цео живот у весељу прође»¹, — он широко улыбнулся и добавил: — Хорошо.

— Я готов нести всю полноту ответственности за то, что произошло, — горячо заговорил Розенберг. — Это по моей вине...

¹ «Благодно человеку, который рано сойдет с ума, тогда его жизнь пройдет радостно». (сербск.)

— А что особенного произошло? — удивилась Юлия. — Мы сами забрели сюда посмотреть, что здесь находится. Просто нам хотелось понять, что чувствует человек при телепортации.

— Дело в том, что вы довольно долго бродили, — аккуратно подошел к волнующей теме Розенберг.

— Долго? — еще больше удивилась Юлия. — Как долго?

— Вы путешествовали четыре дня, — вздохнул Розенберг. — Произошел сбой системы, потому вы находились в безвременном состоянии...

— Как четыре дня? — перебила Юлия. — Мы четыре дня находились на станции в Знаменске?

— Нет, сейчас вы находитесь в восьми километрах от Знаменска. И телепортация, собственно, состоялась. Но время остановилось для вас...

— Мы же с вами сейчас в двадцет првом веку¹? — осторожно поинтересовался Мирослав.

— Разумеется! Разве я говорил о больших перемещениях во времени? Мы еще не занимались такими вещами, это очень сложно, поверьте! Преодоление даже короткого промежутка времени, как вы смогли убедиться, весьма непросто для организма человека. Потому у вас и возникло непреодолимое желание спать. Но зато вы теперь хорошо выспались!

— Да уж... — Юлия недоверчиво посмотрела на Розенберга. Значит, конференция уже закончилась?

¹ В двадцать первом веке (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Конечно, закончилась, — на лице ученого появилась догадка. — Вы, наверное, переживаете, что у вас просрочена командировка?

— Ну, конечно, — согласилась Юлия. — К тому же, я хотела написать: «Я присутствовала при этом, я видела это...», а у меня не так уж и много фактов. Я начала записывать на диктофон, — Юлия принялась рыться в сумочке, — но где он, я теперь не знаю.

— Думаю, если бы его нашли, то вернули бы вам обязательно. Но я могу вам предложить брошюру моего коллеги по заявленной проблеме. О, он бездна премудрости, и вам понравится его книжица, хоть она и не из разряда газетно-журнальной периодики. Согласны?

— Спасибо, я с удовольствием ее прочту. А я еще обещала приехать к отцу в Ростов, он меня ждал, но теперь надо возвращаться в Мурманск.

— В Мурманск, так в Мурманск, как скажете. Об этом вам тревожиться не надо. С командировкой мы все уладим, и вас доставят немедленно. Меня только волнует ваше самочувствие. — Розенберг заерзал на стуле и выразительно заглянул в глаза Мирославу. — Может быть, вы расскажете, где витали все это время?

Тот потупил глаза и, прикрыв ладонью рот, зевнул.

— Все просто, — безразлично ответила за него Юлия, — мы спали.

— Спали? — недоверчиво переспросил Розенберг.

— Ну, да. Лично я, когда дверца машины закрылась, прислонилась щекой к ее панели, задышала и, почувствовав плавное движение вниз, моментально

заснула. Странно, но обрушилось невероятное желание заснуть. Этот сон невозможно победить.

— Вам что-нибудь снилось?

— Я не помню, какой-то длинный и тревожный сон,

— Юлия улыбнулась. — Может, что-то из юности...

— К сожалению, далеко не у всех воспоминания юности вызывают только приятные чувства, — согласился Розенберг.

— Но я все время чувствовала, что машина несется с запредельной скоростью, и мне это нравилось, — Юлия села на кровати. — Сейчас только пить хочется.

— Голубушка, выпейте-ка воды, — Розенберг с готовностью вскочил к столу. — Потом присядете к столу, а пока не стоит вставать.

— Да я отлично себя чувствую! — возразила Юлия и, выпив залпом стакан воды, выпрямилась.

— Я вижу, вы отлично держитесь! — поставив пустой стакан на стол, Розенберг резко повернулся к Мирославу. — А вы Мирослав, как вы спали?

— Добро! — улыбнулся он. — Очень мало видел своего деда. Очень мало, потом опять шел спать.

— Ваш дед, как и отец Юлии, ждет вас? — осведомился Борис Маркович.

— Мислим, да, ждет, — Мирослав осторожно улыбнулся. — Но не сейчас — он давно упокоен.

— Он умер, а вы виделись с ним? — насторожился Розенберг.

— А может...

— И все-таки виделись?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Я спал, а во сне все бывает в прошлом. Дед иногда снится мне, а сутра¹ меняется вриемэ...погода, так?

«Где он был? В своем детстве?» — Розенберг понял, что Мирослав не хочет делиться своими впечатлениями, но решил не настаивать. «Скорее всего, у него какие-то обрывочные впечатления, из которых не следуют выводы о временном перемещении». Розенберг успокоился и вслух спросил его:

— Думаю, что вы тоже опоздали на самолет?

— Моя авиакарта... она в органайзере, — он достал свои документы и протянул билет Розенбергу.

— Минутку, — Розенберг удрученно покачал головой. — 20 июля 2007 года... Билеты придется менять на новые, вы должны были улететь позавчера.

— Где я могу скоро все оформить? — засуетился Мирослав. — Деньги не вернут?

— Не волнуйтесь! На самом деле, я не вижу в этом проблему, — успокоил его Розенберг, — и возьму на себя оформление ваших документов. Вы вылетите сегодня же в Белград. Если, конечно, нормально себя чувствуете.

— Хорошо чувствую, — он мягко улыбнулся и произнес. — Срце вуче назад у домовину².

В дверь тихонько постучали, а потом на пороге возник крепкий, довольно приглядный паренек в костюмчике официанта.

— Ваш заказ. Где сервировать?

¹ Завтра (сербск.).

² Сердце тянет назад домой.

Когда стол был готов, Розенберг выдохнул и поднялся.

— Ну, вы пока кушайте, а я, чтобы не терять время, займусь вашими документами и билетами. До скорой встречи!

Он еще раз бегло мазнул их колким взглядом и вышел, затворив за собой дверь.

— Господи, даже жалко такую красоту разрушать! — вдохнула аромат кушанья Юлия.

— Живели! — поднял фужер Мирослав.

— За здоровье! — улыбнулась Юлия и звякнула о его фужер краешком своего.

В этот момент ей послышалось, что кто-то стоящий за дверью тихо удалился. Она поднесла палец к губам и прошептала. — За нами следят.

— Он понимающе улыбался, кивнул головой и так же тихо ответил.

— Знаю, — потом прибавил голос и предложил. — Этот сыр, пробай! Он је божанствен, са орасима је!¹

— Французский или голландский?

— Не знаю, он не говорит! — улыбнулся Мирослав.

— Да, действительно, божествен с вином. Что мы пьем? — она повернула бутылку к себе и прочла. — «Амра» по-абхазски означает «солнце». Вино «Амра» — солнце в бокале. Изготовлено из отборного винограда европейских красных сортов...

Она многозначительно посмотрела на Мирослава:

¹ Он божествен, он с орехами! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью, — потом с испугом посмотрела на него и прошептала. — А его пить можно?

Он пожал плечами и громко сказал:

— Я не мислим, что опет¹ встречу вас здесь!

Она окинула его серьезностью и удивлением темных глаз:

— Я тоже не думала.

Юлия ткнула вилку в бифштекс и посмотрела на стену, ища взглядом видеокамеру. Мирослав, дотроновшись до ее ладони, отрицательно покачал головой, а потом сказал:

— Мы оба сделали красивое путешествие.

— Если бы вы меня тогда не обняли...

— Када я вас уже обнял? — он искренне удивился.

— Ви се шалите!²

— Я-то не шалю, и не думала даже! А вы даже не помните, как обняли меня? — удивилась она.

— Сожалею, но нет.

Он достал блокнот с ручкой и написал ей: «Вы были в Србии?»

«Боже мой, как в психиатрическом кабинете: «Соблюдайте тишину, вы здесь не одни, они вас слышат!..»

— В Србии я была бог знает когда. Вы не хотите повторить ваше приглашение? — она быстро написала ответ в его блокноте: «Неужели вы были в Србии?»

Мирослав быстро кивнул и вслух произнес.

¹ Опять (сербск.).

² Вы шутите! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— А бифштекс добар — так? — его рука лихорадочно записала на той же странице: «Я жил там всю жизнь, а ви?»

Она отрицательно помотала головой и записала вопрос: «Свою?»

Он произнес.

— Како моего деда!

— Деда? — вслух переспросила она.

— Да, — подтвердил он.

— Вы говорите глупости! — изумилась она.

— Нет! — настаивал он.

Потом на цыпочках подошел к двери и резко отворил ее.

— О, Солдатов! Изволите, уђите!¹

— Нет-нет, я на посту, — чуть смутившись, ответил Солдатов. — И не думайте, тут нет ничего детективного!

— А мы и не думаем, — отозвалась Юлия. — Напротив, мы очень благодарны вам, что терпите нас здесь!

— Не стоит преувеличивать! У меня такая работа.

— И все-таки, нам спросонья столько еды просто не съесть, — настаивала Юлия. — Прощу вас, садитесь с нами.

— Ладно, только пить не буду!

— А вы водички!

— Водички можно.

— Я Мирослав.

— Я Юлия, а вы?

¹ Входите, пожалуйста! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Я Виктор.

— И правда, какое может быть имя у солдата? Только «победитель»! Значит ли Виктор, что ваша служба победила время?

— Это можно сказать, только принимая желаемое за действительное, — широко улыбнулся он. — К сожалению, люди еще вынуждены проживать свою жизнь с положенной скоростью, из часа в час, из минуты в минуту.

— А в конце сказать, — продолжил его мысль Мирослав, — жизнь прошао у секунди¹!

— А разве не достаточно понимать важность своего нынешнего существования? — осторожно спросила Юлия.

— Конечно, Юлия, — согласился с ней Мирослав, — мы живимо, и историја се на нама не завршава².

— Только вот посмотрим на нее так, будто главное уже сделано, — включился в диспут Виктор. — А ведь наша наивность не позволяет нам увидеть целое из частей наших жизней.

— Вы уверены, — торопила Юлия, — что кажущаяся нам определенность и законченность не является таковой?

— Ну, конечно, — согласился он. — Вот вы, Мирослав, совершив путешествие, как я полагаю, в прошлое, теперь знаете, что можно было бы там изменить?

— Мислим, ја сам ћак... ученик, да? Идем поред деда... рядом с дедом.

¹ Прошла за секунду (сербск.).

² История на нас не заканчивается. (сербск.)

— Мужчины, вы заблуждаетесь! Для этого существуют нормы морали, которые стоят на страже нравственности и духовности. Надо лишь их соблюдать и жить спокойно своей жизнью. Даже если мы делаем что-то не так, мы ничего не сможем изменить в том, что прожито полностью. Тем более в прошлом!

— Нет, Юлия, — попытался урезонить ее пыл Мирослав, — ты не понимаешь...

— Кстати о вечных духовных ценностях. — Виктор решительно положил локти на стол. — Наши неудачи и подъемы в конце жизни оцениваются совсем по-другому. Тупик нередко оказывается главной дорогой, и наоборот.

— Дорогой без дорожных знаков? — вскинула брови Юлия.

— Зашто? — искренне удивился он. — Можно и знаки расставить.

— Я понимаю не све,¹ — засуетился Мирослав. — Как это «знаки расставить»?

Солдатов беззвучно рассмеялся.

— Мы говорим, что история может повторяться дважды по определенным правилам. Но в этом ее линейное движение и ограниченность. Но разве она не способна повториться еще раз, но уже в совсем другом варианте?

— Вы думаете, — Мирослав смотрел на Солдатову, как на Илью пророка, — дать людям возможность жить дольше не в счет будущего, а в счет прошлого?

— Непривычно, да? — улыбнулся Солдатов.

¹ Не все (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Интересно! — воскликнул Мирослав. — Но зашто в прошлое, а не в будущее?

— Потому что людям проще преодолеть барьер в прошлое. Они никогда не расстаются с ним по-настоящему и всегда боготворят его. Вот вы, Юлия, — Виктор посмотрел в ее глаза, — под влиянием своих ошибок разве будете совершать их в другой жизни?

— Я часто совершаю ошибки, и знаю, что для исправления их надо признать и никогда не повторять, — она махнула рукой и улыбнулась. — А потом опять наступаю на те же грабли. Каждому Бог дает свою судьбу, поэтому меняй-не меняй, а проживешь, как Богом положено.

— Как Богом положено, — повторил Солдатов. — Но разве не печальный Христос пытался утвердить нас в мысли о движении вверх к тому благу, которое мы не замечаем?

— Да, но он же и ограничил наш мозг теми знаниями, которые мы имеем. В частности, знаниями о своей жизни. И уж тем более ни одна религия не понимает движение вверх, как движение в прошлое.

— Не согласен с вами! — решительно заявил Виктор. — Знаниями о жизни вооружено животное, потому оно борется за жизнь. Человек знает не столько о своей жизни, сколько о своей смерти, и это знание сковывает его страхом.

Юлия перебила его.

— Но человек не трепещет, уподобляясь животному, а вместо этого испокон веку старается победить смерть. Об этом и говорит христианство, о победе человеческого духа над телесной смертью!

— Это метафизика, которая разделяет человека на «светлое высокое» и «темное низкое», — согласился Виктор. — Но вы-то уже попробовали выйти за рамки этого символического набора. Ваше тело превращалось в «свет», значит, вы должны были понять, что нет и «темного низа».

— Я не понимаю ничего! — отрезала Юлия.

— Нет, Виктор, говоритэ, это чрезвычайно интересно! — произнес задумчиво Мирослав. — Так я и чувствовал себя. С помощью силы — внешней и принудительной. Как!¹

Мирослав достал из блокнота визитку и протянул Виктору.

— Я дам вам свою визитную карту, и я хочу, чтобы вы стали моим прижателем² и гостэм в Србии.

— Спасибо. Мирослав Дьяконович, — Виктор прочел визитку и сунул в карман брюк. — Знаете что, ребята, я сейчас пойду сделаю себе чаю. Может, и вы выпьете?

— Да-да, — охотно согласился Мирослав. — Я попьем чаю!

Солдатов удалился, оставив приоткрытой входную дверь.

— Не слышала, чтобы сербы хотели чаю! — удивилась Юлия.

Мирослав заговорил взволнованно и приглушенно.

— Чай идет, когда болезный, но я попью его.

— А, так вы его специально отослали!

¹ Сильной! (сербск.)

² Другом (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Он сам себя отослал. А вы, Юлия, смиритесь и говорите, пожалуйста, мало. Слушайте Виктора!

— Не хватало, чтобы вы мне делали замечания! — возмутилась Юлия. — «Говорите мало!»! Вы вообще плохо говорите по-русски, неужели я должна ждать, пока вы сформулируете вопросы?!

Мирослав разочарованно смотрел, как красивая женщина с нежной улыбкой принимает чужой облик.

— Вы сейчас нэ похожи на рускиню! — ему захотелось убрать с ее лица вздорную прядь волос.

Юлия дернула головой.

— А как, по-вашему, выглядят русские женщины, в медвежьих шкурах и с покорно опущенной головой? — в голосе ее появились литавры.

— Думал, что вы паметна!¹ — в сердцах воскликнул Мирослав.

— Нет, вы мою память не трогайте! Я прекрасно все помню!

— Я не про вашу память говорю...

— ...а еще помню, как вы вцепились в меня в той самой машине, потому мы с вами и вырубались, черт знает на сколько. Как только живы остались от этих физических экспериментов, а не впали в летаргический сон, не понимаю!

— ...говорите тише!

— Да не собираюсь я шептаться с вами и слушать всякие бредни! — она выскочила из-за стола.

Он тоже встал и попытался загладить конфликт.

¹ Умна (сербск.).

— Юлия, вы не слышите меня! Вы же приехали узнать правду о...

— Я уже знаю всю правду дурацких путешествий в прошлое!

— Знаете?

— Разумеется, я не так малограмотна, как вы! Я слышала про холотропное дыхание и гипервентиляцию легких!

На пороге появился Виктор Солдатов с чайным подносом. Улыбаясь, он разглядывал их обоих.

— Только холотропное дыхание здесь ни при чем! — обратился он к Юлии. — Мы физики, а этим занимается Гроф.¹

— Да? — заносчиво усмехнулась Юлия. — Ой, как я устала от всего этого кошмара!

Солдатов спокойно разливал чай в чашки.

— Борис Маркович уже на подходе, — спокойно ответил Солдатов. — Скоро вы уедете и забудете «весь этот кошмар» навсегда.

— Мы в отель, а потом на аэродром? — спросил Мирослав, помешивая сахар.

— Нет, вы сразу поедете в аэропорт. Ваши вещи давно находятся здесь, Виктор отхлебнул чаю и повернул свое невозмутимое лицо к Юлии. — А вы скоро все забудете, не сомневайтесь!

— Это почему? Вы подлили мне в чашку лекарство, которое отшибает память?

¹ Современный американский психиатр Станислав Гроф, изобретатель особой техники гипервентиляции легких, т.н. холотропного дыхания.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Вообще нет! — Виктор неожиданно перешел на шепот. — Все, что нам не хочется помнить, мы забываем скорее. Изменитесь вы, изменится и ваше отношение к событиям прошлого, настоящего и будущего.

— Вы видите их заодно... вместе? — поинтересовался Мирослав.

— Почему бы и нет! Жизнь — это своеобразный транспортер. На одну и ту же ленту накладываются события прошлого и настоящего, что закономерно обуславливает будущее.

— Вот видите, закономерно! — не успокаивалась Юлия. — Значит, без дополнительного вмешательства жизнь должна идти своим чередом!

Неожиданно в комнате разлился мягкий баритон Розенберга:

— А я предлагаю из всей вашей цепочки слов, уважаемая Юлия Васильевна, оставить «жизнь должна идти». И мы, ученые, работаем именно над этим смыслом.

Все невольно встали со своих мест.

— Ну, что же вы так заторопились! Самолет в Мурманск для Юленьки мы обеспечили со своего аэродрома, а Мирославу — сначала надо лететь в Москву, а только потом в Белград. Итак, проверьте свои вещи, и прощу к выходу. Юлию Васильевну проводит Солдатов, а я проеду с вами, Мирослав, до Волгограда.

— А обещанная книжица? — облегченно вздохнула Юлия, думая о быстром возвращении домой. — Или обещанного три года ждут?

Розенберг быстрыми шагами подошел к шкафу, приютившемуся в углу комнаты, открыл дверцу и присел на корточках, разыскивая нужную книгу.

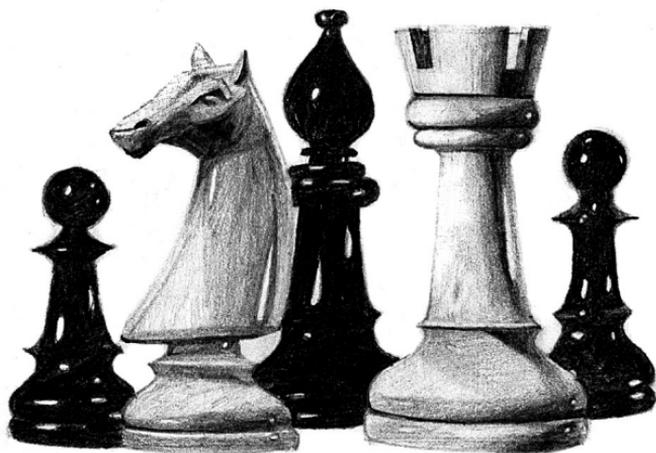
— Вот, — радостно выпрямился он, — думаю, вам будет любопытно прочесть Карасева.

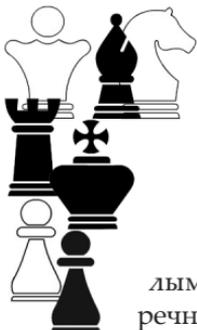
— «Смех в будущем» — прочла на обложке Юлия.
— А как связана эта работа с вашими научными экспериментами?

— Напрямую, голубушка моя!

Глава V.

*О чем не говорилось
раньше*

*«Коснувшись цветка, ты
потревожишь звезду».*

Фрэнсис Томпсон¹

Юлия застыла у окна, наблюдая за белым вихрем снежинок, роившихся над сумеречным фонарем: «Опять метет!» Всеобщая немота городского дома заскулила грустью: «Веселое людское кишение задавлено камнем. Бетонный Вавилон угомонился, и мы, его постояльцы-квартиросъемщики, пронизанные электрическим полем, находимся между небом и землей. Снег метет, снег стеной, лавина снега накрывает воспоминания и забытые адреса. Нам уже не сойти на землю, не плотничать карнизы и галдареи, не умиляться узорочьем окон, флюгерами и мезонинами родительских изб. Не тешить души игрищами в снежки. Не ставить самовары для незваных гостей... Мы гордо стяхнули с себя стариковский прах и высокомерно не видим красоты деревенского дома. А потому и сны приходят к нам странные».

Сон ее не отпускал, удерживая ирреальностью и странной отчетливостью. Он впечатлял осмысленностью и последовательностью. Будто она высунулась в открытое окно деревянного дома и надала голосом по-волчьи. Рядом волчица взвыла за ней. Дверь дома открылась, а весь двор волками взят. Штук десять, а то

¹ Английский поэт (1859–1907).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

и больше. Волки окружили каких-то мужиков, и не дают им пройти в ее дом. Сама она у входа с ружьем наперевес, целится в своих обидчиков и произносит:

— Вот кто во дворе моем обитается! — показывает стволом, а палец на пусковом крючке держит.

Мужики замерли в героических позах, не шелохнутся. А волчьи хвосты двинулись рысцей к их ногам, ушки наострили. Один мужик скукожился, мякенько так: «Куть, куть, куть».

— Ведьма, убери своих тварей, — предупредил другой. Но как зверь к его ноге подошел, так он затих.

Тут она опять дала волкам какой-то особенный звук. Волки остановились и присели.

— Теперь идите, пока я их держу, — скомандовала она мужикам. — Но не знаю, долго ли удастся.

Мужики пошли сначала на цыпочках, а потом дали дёру. На поляне осталась одна волчица, и Юлия выстрелила в воздух. А потом почувствовала жгучую боль и проснулась, вспотев и учащенно дыша. Некоторое время после пробуждения она не могла осознать, сон это был или явь.

«Видимо, сны нужны, чтобы не скучно было спать», — предположила она.

Юлия Васильевна Жанкина вернулась из Знаменска иной женщиной. Не той, с которой встречались на площадке соседи, говоря «здрасьте»; она кивала головой с достоинством королевы и, чуть улыбнувшись, приветствовала: «Доброе утро!». Она не торила дорогу правды и справедливости, вступая в жаркие дебаты в

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Мамочка, подхватишь Женечку на недельку, а? Мы собираемся с Виталиком в Египет. Сейчас самые дешевые путевки.

— Так ведь жарко там сейчас, а?

— Ну и что, мам!

— А дело твое к защите готово уже? Ехать собралась!

— Договариваться на работе все равно придется. Если суд, по результатам которого мне надо сделать большой материал, назначат примерно на август, я все успею. Хотя может быть всякое. Нельзя исключать и мировое соглашение между сторонами. Вдруг потерпевшая сторона подумает-подумает, прикинет, какие хлопоты взваливает на лето, а нервовтрепок сколько! Ну, выручит она за моральный ущерб тысяч пять-десять, не больше, и что дальше? Проблема-то все равно останется. Взвесит все это и откажется судиться.

«Потерпевшая сторона»... — Юлия не переставала думать о новом деле дочери, переданном ей в работу — об одном школьном скандале. Девочка позвала мальчика-ровесника погулять. Бродили-бродили, забрели на какое-то озеро. А там — как не искупаться! Дети, как дети, бултыхались в воде, а потом, непонятно все-таки почему, мальчик утонул.

— Да, мам, ты права, дело неприятное — свидетелей нет, так как события происходили в будний день, когда отдыхающих мало. Тяжких телесных повреждений у погибшего мальчика нет, чтобы можно было сказать о насильственной смерти. Значит, это несчастный случай. Но теперь все зависит от потерпевшей стороны, жаждущей справедливости и возмещения

«морального ущерба» — публичная казнь нынче в моде.

— А ты как думала, что мать погибшего пацана поплачет и замолчит?

— Да ничего такого я не думала и не думаю. Я ведь разговаривала с этой девочкой, когда мы приходили к ним со следователем.

— И что эта девочка?

— Вполне адекватный ребенок, не слишком робкий, не зануда, не задира. Переживающий ребенок, понимаешь?

— Почему же тогда ее дружок оказался одинок в своей беде?

— Не знаю, мам. Может, он не хотел спастись? Бывает же и такое, нервные срывы бывают. А у кого их нет? Вон как наша соседка недавно на дочку орала: «Квартира у нас маленькая, перегородки гипсокартонные и слышимость бешеная. А она все у компьютера сидит. Я говорю: «Что у тебя там за игра на компьютере, пальба сплошная! Голова распухла от шума! Сделай потише!.. Не можешь или не хочешь?.. Я твой компьютер с балкона выброшу!!!». Дочка, кстати, тоже обычная девочка, не сумасшедшая какая-то. Ну, это их проблемы, и они их сами решают.

— Твои-то соседи решают, а мать погибшего мальчика в полицию обратилась.

— Не согласна с формулировкой «несчастный случай».

— Хочет обвинить родителей?

— Но доказательства вины нет! Испугался ребенок и прибежал домой. С другой стороны, по-честному:

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

хочет выяснить все, как было на самом деле. И если уж совсем честно, то тогда надо дело отправить на доработку, а не передавать в суд. А потом и защиту надо строить, чтобы потерпевшая сторона не стала жалкой жертвой. Заварили кашу, расхлебывайте! Все-таки интересный у меня ракурс работы, не панегирики писать или новости экономики, а разбираться в людских судьбах.

— Вот и надо разбираться, а не в Египет тащиться.

— Так я же быстро: туда-сюда.

— Ты бы лучше «туда-сюда» сделала бы запрос на исследование дна этого самого озера.

— Дна озера? Хм... Зачем это? Такая дорогостоящая процедура...

— Знаю, а ты все-таки добейся ее проведения, поняла? И до своего отъезда в Египет.

— Все равно ясно, что наш шеф загулял. Интересно, это у него серьезно?

— Не преувеличивай его способности, Маша! — Юлия насмешливо посмотрела на коллегу, наблюдающую в окно за отъезжающей машиной главного редактора. — Он обыкновенный лентяй! Потому и меняет машины. Приезжает на «Хюндае», потом пересаживается в «Опель», а вернется сегодня часам к пяти. Из дому, скорее всего.

— Как раз, когда рабочий день заканчивается...

— Да, именно тогда Душечкин с удрученным видом начнет интересоваться выполненной работой.

— Вот я и говорю, что он весь день с кем-то проводит.

— Ну что ты такое говоришь! Кто будет с ним целый день, кстати, рабочий, развлекаться!

— А что вы думаете, Юлия Васильевна, все женщины работают, как мы с вами?

— Думаю, не все. Ты, как ни крутись перед ним, тебе все равно придется работать. И не верти ты эту фоторамку! Это обычный сувенир, положенный после командировок в дальние страны. Причем для сохранения собственного респекта туриста.

— Ну, я ведь ему не жена, чтобы получать дорогие подарки! — покраснела Мария.

— Тихо радуйся этому обстоятельству и ищи подходящую партию!

— Партию! Вы как скажете!

— Ну, тогда не ищи, а радуйся самой себе. И я скоро видно буду радовать сама себя. — Жанкина с полуулыбкой вопросительно посмотрела на Машу. — А тот панегирик про его приятеля из областной Администрации, он не тебе ли передал?

— Не знаю о таком материале. А что?

— Я ведь отказалась писать.

— Почему?

— Не могу подобрать хорошие слова, и все.

— Ой, Юлия Васильевна, сколько таких материалов уже написано! Все понимают, что это банальный заработок денег. Нормальных людей этой структуры на передовице не бывает. Надо все фильтровать, не задавая лишних вопросов главному редактору.

— Ты еще скажи: «Кто читает нашу газету?»

Дверь приоткрылась, и огромная фигура журналиста Балесика в распахнутом пальто и ярко красном галстуке показалась в проеме.

— Южанкина, ты не в курсе, когда Петр Алексеевич вернется?

— А ты? — вернула вопрос Юлия, не отрываясь от компьютера.

— Черт, не попал к нему сразу...

— У тебя что-то срочное, Славик?

— Ну, как срочное... тут Бобровой плохо. Надо человека хотя бы до остановки проводить.

— Да? — женщины одновременно подняли брови.

— А что с ней? — поинтересовалась Юлия.

— Давление подскочило, как обычно.

Балесик закивал головой.

— Юль, ты вот что. Передай шефу, если спросит, что я пошел провожать Боброву, ладно? Плохо человеку, что делать!

— Ладно, передам. Но может, «Скорую» вызвать?

— Да не надо. Она не просит.

Балесик вышел. Маша позвонила по внутренней связи в отдел, где трудится Людмила Боброва:

— Люд, у тебя давление что ли?

— Да, — громко ответила трубка, — немного голова побаливает.

— А то Балесик говорит, что тебя надо проводить до остановки? Может, я тебя домой отвезу, а?

— Да не надо меня куда провожать и отвозить, я что, сама не дойду?!

Южанкина с трудом сдерживала смех.

— Люд, — не унималась Маша, — пусть Балесик все-таки проводит!

— Да он уже ушел!

— Балесик — чудо! — определила Юлия. — Вы обе до сих пор не поняли, что ему надо раньше уйти? Вот и предлог нашел!

— Нет, а почему прямо не сказать, что надо уйти? — возмутилась Маша. — Кто его держит?

— Не кто, а что — имидж сострадальца. Надо не просто уйти, а показать, что ты о людях переживаешь!

Вошла обескураженная Боброва.

— Девочки, а давайте и мы сегодня пораньше уйдем!

— Всем гуртом?

— А давайте! — азартно согласилась Жанкина. — И как загадочные феи на дверях оставим записку: «Будем завтра в 9.00!»

— Нет, подождите, — засуетилась Мария, — а шеф спросит, почему мы ему не позвонили?

— А мы, как и Балесик, передадим через Петрушевского, что пошли...

— Может нам еще письменный отчет составить? — подняла брови Юлия Васильевна. — Пошли! Нам ведь терпения с горы никто не прикатил.

— Как интересно вы, Юлия Васильевна, про Сизифа высказались — «терпения с горы никто не прикатил», — повторила Маша.

— Ой, да это же старая истина, — почему-то смутилась Жанкина. — Кажется, так говорил один знакомый сербский журналист.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Кстати, Душечкин собирается в Сербию. Туда приезжает наш Патриарх. Ну, а как же без нашего шефа! — Боброва очень похоже передразнила манеру главного редактора. — «Нам надо пошуметь! Неважно, что мы далеки от этого события, мы должны эту тему взять на знамя и размахивать им подольше!»

— Юлия Васильевна, — охнула Мария, — так, может, он и вас возьмет с собой, у вас там родственники!

— Меньше всего, девочки, — холодно ответила Жанкина, — я хотела бы оказаться в Сербии.

Никто не удивился, что Мирослав задержался в России. Наоборот, спрашивали, почему не нагулялся по Москве, а был только в незнакомом поселке. Где фотография у Кремлевских стен? Почему не запечатлел себя у стен монастыря? «Некогда было! — коротко отвечал он. — В другой раз».

Кому расскажешь, что вместо русских исторических красот он попал в совсем другой мир — ломаного времени и времени единства со своим родственником. «Дед и внук» — вертелось в голове. Жутковатое сходство образа выглядывало то назиданием, то inferнальной пародией на святую неразрывную связь.

«Кажется невероятным, но мой дед мог не выжить в водах Дуная. И тогда жизнь всей нашей семьи потекла бы совсем по-другому! Не родился бы мой отец, а потом и я. Но ведь я же родился в этой самой семье! Я продолжаю свой род и род Гаврилы в том числе. Значит, его спасение все-таки было предопределено. Кем? Богом? Но чей дух должен был спасти

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

тогда его, чтобы дать жизнь моему отцу и мне? Его собственный! Выходит, я был «квартирантом» в его теле рядом с его духом. Мне было позволено увидеть его сущность. Позволено кем? Теми учеными? И всего за четыре дня. Но я видел недозволенное Богом? Но и это не так. Если бы телепортация подобного рода была массовым явлением, тогда — да. А поскольку и я, и та женщина вышли за рамки рядовых событий, то можно ли считать случившееся с нами чрезвычайным уроком? Почему бы и нет... Можно компенсировать потерю тела, но Бог не любит повторений! А это только его ведомство».

Через минуту он записал в своих анналах: «Мы очень долго ратовали за коллективную и общинную культуру. Человек как личность перестал существовать. Один походит на другого, приходя к типажу. Очевидно, что единой государственной машине типаж нужен для подмены, замены, ремонта... С этой целью человека открыто стали именовать винтиком, болтиком, гвоздиком и подгонять по формуле: «Незаменимых людей нет!» И вот уже народ не мыслит себя порознь, только массово. Толпой. Примитивные железяки не могут поодиночке! Даже отдавая на автотрассе заработанные горбом копейки, они кивают: «Ништа нам нје тешко!»¹

Слова замерли, будто окаменевший трактор на фотографии деда. Было движение, и остановилось. Он все еще помнит звуки запечатленного на снимке момента, а уже не слышит их.

¹ «Ничего нам не тяжело!» (сербск.)

Мирослав еще раз взглянул на написанное и энергично порвал лист: «К чему многословие, когда главное уже написано! Вот Махатма Ганди истоки насилия описал в семи словосочетаниях: «Богатство без работы, удовольствия без совести, знание без характера, бизнес без морали, наука без человечности, молитва без жертвы, политика без принципов».

Такой невероятный шанс возвращения в прошлое своего рода был дан не всем, а мне. Мой дед никому никогда не говорил, что после войны хотел бы вернуться в Сербию и посадить рощу. Дед хотел так, но никто, кроме меня, не смог бы это подтвердить. Я сделался частью его прошлого, слышал его душевную молитву, значит, должен исполнить задуманное им. А иначе я стану разбойником, спрятавшимся в ветвях генеалогического дерева и подслушивающим чужие разговоры».

Достав заложенную в середину гроссбуха ручку Parker, Мирослав написал:

Александр Дьяконович, рожденный в воскресенье 22 мая 1925 года, умер 10 ноября 1998 года.

Перед смертью он видел сны, будто, спотыкаясь в полумраке о какие-то железяки, он бродит в заводской мастерской, потом выводит из небытия какой-то спянный и брошенный здесь грузовик. Видит, что от него осталась поржавевшая зеленая будка да рама, все остальное отвинчено и куда-то выброшено или украдено. Он упрямо находит потерянные детали, ставит их на свои места, и

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
машина сразу преображается. Он отчетливо слышит ее гул, хлопанье дверцы. И вот он уже колесит по грунтовке, руками ощущая дрожь рулевой баранки.

«На једна врата улазиш, на друга излазиш, где сам био не знам»¹ — любил повторять он любимую поговорку своего отца Гаврилы.

— Папа, ты опять во власти прошлого? — замечает Братислав знакомую кожаную тетрадь перед отцом.

— Там...

— Кстати, давно пора придать летописи электронный вид.

— И начнутся проблемы — что-нибудь исчезнет, не откроется какая-нибудь глава...

— Думаю, что девяносто процентов этих проблем сидят обычно перед монитором и имеют имя Миле. И все-таки, я хочу тебя вытащить из прошлого!

— Слушаю тебя.

— Я сделал предложение Биляне!

— Вот это новость! Судя по твоему восторгу, она согласилась?

Братислав подтвердил кивком головы и спросил:

— А разве у меня плохой вкус?

— Редко, кто сомневается в своем вкусе.

— Я же обещал, что ты удивишься! — удовлетворенно воскликнул Братислав.

У Биляны одна мать. Отец бросил их, и теперь живет и работает в Италии. Несомненно, выбирая Братислава, она раздумывала, хватит ли ей на модельные

¹ «В одни ворота ходишь, в другие выходишь, где был не знаешь». (сербск. пословица)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
туфли и поездки по Европе. Она окончила что-то среднетехническое.

«Но разве будет работать такая блондинка, как Биляна, по технической специальности? Чушь, она не будет работать никогда! А внешний вид, конечно, нужен, так как другой муж в принципе не исключается».

— Когда вы решили сыграть свадьбу? — спокойно спросил Мирослав.

— «Вы»? Что значит, «вы», папа? Мы будем играть свадьбу. Мы все вместе! Позовем много людей в хороший ресторан. Возьмем фиакр, запряженный двумя белыми конями...

— Ты не назвал дату свадьбы!

— А! Через месяц.

— Ты уже собрал нужную сумму денег для этого? — Мирослав уставился на сына с видом созерцателя давно проигранной битвы.

— Как ты скучен, отец! «Деньги, деньги...» — сейчас все берут кредиты, а деньги находят потом.

Братислав второй год трудился в автомастерской, пока на хозяина, но думал, что скоро откроет собственное дело. То допотопное барахло, что находилось в ремонте, выглядело реквизитом киностудии Кустурицы, но исключительно генетическое желание «приносить пользу людям», ремонтируя их машины, вдохновляло молодого человека. И кто знает, возможно, у него все получится. Мирослава озадачивало только нежелание сына продолжать обучение. В университет он ходил в лучшем случае на десять лекций.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— А зачем мне долго постигать какие-то там скрытые смыслы, — говорил он, — если от них нет никакой пользы!

— Хорошее образование создает человека.

— Ты имеешь в виду документ об образовании, папа? Его можно купить.

— Не перефразируй меня! Я имею в виду ценности другого рода.

— Ну, и какие ценности, например, по химии или физике мне могут пригодиться, даже если у меня по этим предметам «пятерки»? Как с их помощью я могу зарабатывать деньги и делать карьеру?

Мирослав подумал, как незаметно быстро пришло в упадок общество: никто не стимулирует технически или интеллектуально способных молодых людей. И они предпочитают управлять чужими деньгами, чем медленно растить свои собственные. И как же рано распалась их семья с уходом жены и матери Братислава! Какое тепло ушло из их дома!.. Он посмотрел на сына и миролюбиво произнес:

— Ладно, как знаешь. Судя по тому, как Биляна говорит о еде, она умеет стряпать, может быть, и мыть посуду. Пусть бы она приходила к нам по понедельникам и четвергам, а? Скажем, за четыреста динар?

«Господи, ну как же ему сказать, что Биляна не блещет умом. Сказать об этом, значит, признать, что и он сам простофиля, раз выбрал ее в жены. Так ведь где выбирал? В спальне. Захотел быть мужиком. Что ж, ответственно! Но учитывая его возраст и потребности, он на достигнутом явно не остановится».

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Папа, она любит меня, — обиделся сын. — И обещает подарить мне двоих детей.

«Отлично! А чьих, она еще не сказала?»

— Сын, — не выдерживает отец, — ты не успел заметить, что она... недалекая? Это же написано у нее на лбу!

— Ты о Биляне?

«Значит, не заметил. И это понятно, лоб у нее закрыт челкой!»

— О ком еще!

— Папа, не называй ее так! Это единственная девушка, которая меня по-настоящему зацепила.

«Единственная! Значит ли это, что Биляна дура, каких мой сын встречал мало?»

— А я и не называю, — произнес Мирослав, внутренне полыхая. — Просто неважно себя чувствую.

— Ты плохо себя чувствуешь? — почернели и расширились зрачки Братислава.

— Нет, сынок, я в порядке! — очнулся Мирослав.

— И правильно! Ты еще так молод!

— Когда я с тобой разговариваю, то чувствую себя Лиром!¹

— У тебя легкая походка, нормальный аппетит и хорошее зрение. И ты считаешь себя старым? Посмотри на Димковича! Он еле таскает ноги, а ему сорок два. Знаешь, он сейчас судится с конторой по очистке города, о возмещении морального ущерба за укусы бродячей собаки.

— Думаешь, он инсценировал укусы? — поинтересовался Мирослав.

¹ Шекспировским королем Лиром.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Это неизвестно, но он настаивает, чтобы ему выплатили не то пятьсот, не то тысячу динар. Он находчив!

Мирослав отвернулся к окну и посерьезнел:

— Что ты хочешь! Люди остались без социальных гарантий.

— Заметь, многие остались. Но не все следуют его примеру.

— Конечно.

— Потому что не умеют организовать добычу денег. И все!..

«Добыча денег — и все! И никому нет дела, кем были их предки. Их интересует твоя полезность», — отметил Мирослав.

— Скажи мне, — перебил он сына, — почему из твоего дома позавчера вечером выходили пьяные Марко и Душан в сопровождении еще каких-то парней?

— А с чего ты взял, что пьяные?

— Ну, как с чего! Не станут же люди ни с того, ни с сего выяснять отношения с уличными кошками или заборными столбами?

— А! Да, немного выпили ракии.

— Вот я и спрашиваю, чему был посвящен этот гала-парад?

Братислав ударил ладонью по колену.

— 11 ноября! Это был день Победы в Первой мировой войне.

— Да? — удивился Мирослав. — Теперь молодежь отмечает удаленную историческую дату с таким размахом? А от испанки в тот же период умерло еще

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

больше народу. А геноцид армян в султанской Турции? Их не забыли помянуть?

— Папа, откуда у тебя эта старческая любознательность? Ну, посидели с друзьями...

— И сколько?

— Литра четыре. А что? Миллион двести тысяч сербов погибли...

— А начали?

— С десяти, в час разошлись. Ночью каждый спал в своей кровати. Ничего страшного!

— Ничего, если бы вы не орали. Или орали там, где вас не слышно.

— Скажи, отец, в твоей практике были такие примеры?

— У нас все было красиво!

— И молча?

— Нет, у нас не было гаджетов, и мы не были молчаливо прикованы к экранам. Но мы понимали, что хорошая ракия не сразу дурманит, а плохая доводит до «героического» состояния моментально. И не брали плохую.

— Понятно, но почему ты сейчас борешься с жертвами Сливовицы? Это все равно, что не выплатить Димковичу положенную плату за укус чужой собаки. Мы выпили — факт. Я отвечал на вопросы друзей о личной жизни. Строил наши дальнейшие отношения с ними, когда я стану женат. Считаю, что мой брифинг получился излишне... энергичным.

«Мысль, что хватит пупки надрывать и подвигла настырного государственника на поиски ценной добычи непосредственно из рук ее собственников. Ферзин добро делил по-царски на ломберном столике: деньги и собственность. Деньги — это деньги, а собственность — это недвижимость. Делился доходами по государственному: руководителю — сорок процентов, а другим четверым — по пятнадцать. Соглашались единогласно, не то отымет...».

Душечкин тряхнул напечатанными листами в воздухе. Его глаза выдавали, что вчера онпил «в зюю».

— Что это? Южанкина, к чему этот обличительный пафос?

Юлия Васильевна молча смотрела ему в лицо.

— «Ломберный столик», «по-царски», «отымет»... — что за архаичный язык? Ты бы еще Ферзина через фиту¹ написала!

— Информация достоверная, — уточнила Жанкина.

— Ты же не думала, что я подпишу это в печать? — шеф саркастически усмехнулся и принялся медленно рвать страницы текста. — Юлия Васильевна, может, правда, хватит пупки надрывать?

— Вы же не читали, Петр Алексеевич, а вместе с материалом порвали и мое заявление.

— Где оно? — Душечкин нагнулся к мусорной корзине.

¹ Фита — буква кириллицы, похожая на перечеркнутую букву О.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Да мне не сложно еще раз написать, — улыбнулась Жанкина.

— А куда уходите, если не секрет? — выпрямившись, поинтересовался шеф.

— На выслугу.

— Не понял, что, уже на пенсию?

— На льготную, уже можно. Документы я оформила.

— Да? А я даже не заметил... Так надо же проводить вас, как положено.

— Думаю, такой нужды нет. Я занята переездом в Ростов-на-Дону.

— К отцу собираетесь вернуться?

Юлия Васильевна кивнула и добавила:

— Да, и работать! Книги писать буду.

Шеф кашлянул и отпил воды:

— А я вот на пенсии буду вставать утром и смотреть, как бедные люди на работу идут. А ты, значит, писать будешь?

— Я об этом мечтала с семнадцати лет.

— Это хорошо, когда мечтаешь, и мечты сбываются. Хоть и в пятьдесят. Только вот мечта эта, я имею в виду литературу, кормить-то будет?

— Может быть, в перспективе...

— Ну, все-таки перспектива, — шефа озарила меланхолическая улыбка. — А я тебе деньги платил! И как ни верти, деньги — это сегодня моральный авторитет.

— ...и аргумент довольства жизнью для многих.

— А разве нет? Кто не мечтает получать побольше денег!

— Самые большие деньги, Петр Алексеевич, платят в наркобизнесе...

— И что, ты хочешь сказать, те, кто там работает, не могут себе позволить править миром?

— Конечно, они могут позволить себе то, что не могут другие. Правда, сегодня, но не всегда.

— Люблю разговаривать со свободными людьми, — шеф благосклонно улыбнулся. — Их мало, ведь это подвиг. Недавно умер один мой друг, так и не напечатав завершенных трудов. А он талантливейший романист! Вот тебе и денежный аргумент.

— Хорошо, что вы, Петр Алексеевич, были его другом, — лицо Юлии стало непроницаемым, — вы издадите его! С вашими-то возможностями.

— Да-да, — не стал оспаривать Душечкин и вернулся к началу разговора. — А за материал ты на меня, Южанкина, не обижайся, ладно? Сейчас и так, что ни передача, то борьба с коррупцией. Вроде правду говорят. Ну, и что дальше? Какая от этого польза? Послушают борцов-героев, а потом разгонят. В общем, я не готов пока принять на себя роль искупителя грехов человеческих.

«Зачем читать морали, когда всё пятится со светлой тропы?» — думала бывший журналист газеты «Город «М» Южанкина.

2013 год грозно назван годом Змеи, хотя встретили его ростовчане весело и с размахом. Не все, а только те, в чьих домах царила дружеская семейная атмосфера.

Для одиноких же граждан утро, как и полагается, заглянуло в окна пасмурным светом и томящей тишиной. За пять лет жизни в Ростове Юлия обзавелась новыми друзьями, и ее писательская практика не давала скучать. И все же иногда, вспомнив, что дочка Анечка живет далеко, и как она там, а в новогодний праздник все семейные знакомые собираются у домашних очагов, сердце ее наполнялось грустью.

— Чтобы умереть, достаточно открыть окно, — Юлия посмотрела из окна десятого этажа на колышки дворовых палисадников. Ледяной соблазн полета был своеобразной игрой с самой собой, и не более того. Ясная и жуткая картина все-таки казалась ей пошлостью. — Девять утра, еще рановато открывать окно. Как-то зябко.

Неожиданно зазвонил телефон. «Отец, в такую рань? Как почувствовал мои мысли...»:

— С Новым годом, папа! И я тебя... И я тебе... Нет, была дома. Почему дома? Так ведь это же домашний праздник. Одна была... Как «почему одна»? Я у тебя неудачная дочка, разведенная...

Голос отца стал настороженным, и Юлия чувствовала, как двигаются его губы и на виске бьется жилка:

— Придешь? — спросила она. — Сейчас? Ну, давай.

Она заправила кровать и поправила прическу. Потом смахнула крошки со стола и рядом с мандаринами поставила гранатовый сок.

Стрелка часов на деление дернулась, и сразу звякнул колокольчик.

Дверь, спружинив, закрылась за Василием Михайловичем.

— Я вот шампанское принес и еще кое-что, — выпалил он с порога. — Праздновать будем.

— Ладно, ты давай проходи, поедим сначала, — умерила дочь его пыл.

Новогодний завтрак прошел незатейливо и нечванливо. Отец постоянно возвращался к некоему сюрпризу, который он приготовил для дочери. Наконец, из клетчатой сумки он достал старый проектор и командовал убрать с комода «хахаряшки», чтобы расчистить стену.

— Господи, папа, где ты разыскал этот раритет?

— А ты думала, что я его оставляю новым хозяевам дачи? Это ты мне тогда: «Оставь этот хлам!» А я все вывез домой. Все нужное, полезное и памятное. — Отец опять насторожился и непривычно мягко спросил. — Юля, скажи, ты думаешь, мы правильно с тобой сделали, что дачу продали?

— Правильно, папа. С инфарктом на даче работать нельзя, и мне некогда постоянно в грязи ковыряться. Как приедешь — вечный беспорядок. Отдыха-то нет, одна работа, конца и края которой не видно, — Юлия залпом допила свой бокал. — И добираться туда тоже не ближний свет.

— Да? А говорят, что на свежем воздухе надо больше находиться.

— На свежем воздухе! Так ведь находиться, а не вкалывать, как сумасшедший. — Юлия убрала недопитую бутылку шампанского со стола и осторожно спросила. — Как ты себя чувствуешь сейчас, сердце не беспокоит?

— Да как... ничего.

«Укатали Сивку крутые горки, — подумал Василий Михайлович. — Сердце то и дело молотом грохочет, будто бы напоминает: тогда выкарабкался, теперь смотри. Вот так бьешься, бьешься... бьешься, бьешься, а второй инфаркт — и как-то придет». Чтобы не обнаружить свою слабость, он, снимая кожуру с мандарина, непринужденно добавил:

— А я вот думаю, что мы с тобой еще и вовремя дачу продали. Твоих мурманских денег на хорошую квартиру в Ростове точно не хватило бы. И к тому же в самом центре, на Ворошиловском проспекте. А так, кто знает, какие цены сейчас на дачи и на квартиры были бы.

— Тебе одному не скучно? — грустно улыбнулась Юлия. — В праздники.

— Дык — я вот и пришел, чтобы не грустить, — бодро заключил Василий Михайлович. — Да! И принес кино.

Небольшой проектор тихо жажужжал. На импровизированном экране засветились старые семейные фотографии, «слайдированные» в забавный и трогательный фильм. Кадры семейной хроники пестрели горизонтами и стенами, отражая вековой поток времени.

— Это же наши фотографии из старого альбома, что я искала когда-то! — воскликнула Юлия. — Я думала, он давно потерян. Спрашивала его у тебя, а ты сказал, что не знаешь, где он есть. Я уж грешила на твою очередную пассию.

— Вот при переезде с дачи все и нашлось, — отец царским жестом махнул на стену. — Но того альбома,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
 действительно, нет, а на этой пленке они все и остались.

— А кто их сканировал на эту самую пленку, папа?

— Да я же и отдавал это делать своему соседу по даче. Лет пятнадцать назад. Он, наверное, тогда и не вернул наш альбом. Зато вот! Видишь, какое чудо получилось!

«Действительно, чудо! — думала Юлия, прикидывая, кто мог бы помочь перенести изображение с пленки старого образца на CD-диск. — И фотографии теперь где-то у чужих людей валяются, да, они, конечно, их давно выбросили».

— Папа, а сосед твой по даче жив-здоров? Где он живет?

— Ты не таракти, а смотри, вот кто это, узнаешь?

Изображение на стене временно задержалось. Женщина лет тридцати, с гладко зачесанными назад волосами в расшитой блузке держала за руку малышку, настороженно глядящую исподлобья в объектив неизвестного фотографа. Дежа вю!

— Кто это, папа? — насторожилась Юлия.

— Мама маленькая с бабушкой, не узнала? — весело отозвался отец. — Какая здесь Машенька забавная, да? А вот тещу свою и тестя я не знал.

Юлия заворуженно всматривалась в дом, согласно ландшафтному дизайну похожий на российский дачный домик. Вокруг него не высится привычный пограничный забор, уступив охрану живой ограде низкого кустарника, обвитого обильно цветущими сиреневыми колокольчиками. Она представляла усаженный

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

георгинами пригожий двор перед домом благоухает рассветным ароматом. Справа с севера на юг за невысокие деревянные брусы цепляются зеленые ветви полудикого винограда, обустроившего семейство кузнечиков. Поодаль высокий «журавлик» старинного колодца.

Дом добротен сложен из камня и накрыт покатою камышовой крышей, выступающей над входом, как огромный козырек. Пол под козырьком аккуратно уложен разноцветной мозаикой так, что образовалась большая веранда. На веранде простой деревянный стол и массивные лавки. Непривычно маленькие окна выходят по обеим сторонам дома и напоминают плитки шоколада.

Рядом с домом украшение — дворовая печка. У нее необычный вид. Само ее побеленное каменное тело грушевидной формы с отверстием посредине, прикрытым чугуной дверцей, находится под деревянной крышей, которую буравит черная труба, смотрящая в небо. Всем своим обликом печка являет уменьшенную копию сказочной избушки. Деревянный конек на крыше печки хранит романтичный букетик полевого сухоцвета... «Моя бабушка... Каким-то образом я ничего не знаю о ней!»

Отец, продолжая комментировать другие снимки их небогатой на яркие события жизни, оживился — тут, оказывается, и на теплоходе катались, и песни в компании пели, танцевали. Он блаженно развалился на кресле:

— Я когда первый раз пленку эту посмотрел, даже мурашки по телу забегали — не такая уж и беспро-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Так Люба знает? — ревниво закусила губу Юлия.

— Конечно, знает. Я думал, она тебе рассказывала..., — удостоверил отец Юлины мысли, — как пыталась найти свои родовые нити. Но все, что из этого получилось — замужество с этим... Кантовичем. Так я и знал, что увезет он ее туда с концами. Было бы поближе, можно бы навещать. А так... И далеко, и неловко. А зачем же ты тогда туда ездила?

Юлия нетерпеливо оборвала интерес Василия Михайловича:

— Да бог с ними, с Кантовичами, пусть живут! Ты мне скажи, почему вы оба говорили, что мама родом из Новосибирска? И даже, по-моему, в ее паспорте был указан этот Новосибирск!

— Юля, но в ее жизни Новосибирск сыграл очень большую роль. Ее как талантливого химика... А она была даже лауреатом международной премии в области химии. Это было очень почетно для нее. И для нас всех...

— Папа, не отвлекайся от темы. Об этом потом.

— Да, так вот ее пригласили на работу именно в Новосибирск. А ты знаешь, какой там академический истеблишмент!

— Но на самом деле, она родилась... Подожди, я сама тебе скажу: она родилась в Сербии, — осторожно предположила Юлия.

— Все верно. Твоя бабушка умерла в самом конце войны, и мама попала сначала к каким-то дальним родственникам, а потом в интернат. Но эти обстоя-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
 тельства не помешали ей окончить университет и владеть русским языком. А потом мы встретились.

— Интересно, каким образом вы могли встретиться, живя в разных странах?

— Она была приглашена в Москву на конференцию.

— А Новосибирск-то откуда взялся?

— Ты разве куда-то торопишься, спешишь?

Юлия помотала головой.

— Дело в том, — пожевав губу, продолжал Василий Михайлович, — что в Московском университете в то же самое время проходила и другая конференция, по архитектуре. В общем, съехалось много разного ученого народу, и все мы жили в одной гостинице, одни узнали друг друга раньше, другие позже. Но именно под крышей этой гостиницы мы и познакомились с твоей мамой.

— В Москве? Вы поженились в Москве?

— А вот это и была закрытая тема. Понимаешь, мы не сразу поженились. Твою маму пригласили работать... наши специалисты. Ну, и конечно, посулили реабилитацию ее эмигрировавшим в Гражданскую войну родственникам. И пригласили они ее на базу именно Новосибирского университета. Она была таким винтиком, без которого не могла тогда вертеться очень важная тема.

— Чем же она там занималась? — беспокойно заинтересовалась Юлия.

Чем больше отец рассказывал, тем больше возникало у нее вопросов.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Ох, когда я туда приехал и нашел ту лабораторию, в которой она трудилась, я сразу понял, что ее надо оттуда забирать.

Василий Михайлович поведал дочери о невзрачном с виду особнячке, мимо которого он несколько раз прошел, не предполагая, что это может быть серьезная контора. Потом оказалось, что контора не только серьезная, а еще и суперсекретная. Такая, что охрана хотела его сразу же отвадить, но он оказался настырным. Убедив охрану в своей лояльности, молодой жених тут же предъявил все права на встречи с будущей супругой. Они даже ухитрились пожениться. Спустя некоторое время, на вопрос: «Маша, какую работу ты там выполняешь?» Мария Андреевна отвечала уклончиво и совершенно непонятно: «Я не могу тебе сказать все, как есть. Мы исследуем человека. Но не совсем человека. А после его смерти исследуем структуры мозга. Больше я ничего тебе не скажу, потому что ты очень далек от понимания этой проблемы».

«Человека, но не человека... Роботов они что ли создают?» — недоумевал Жанкин.

После нескольких лет работы Марию Андреевну Жанкину «отпустили» на химфак в Ростовский государственный университет. Правда, зарплата у нее уменьшилась в разы и сама работа совершенно никакого удовлетворения не приносила. Зато все радости принесла родившаяся дочка Любочка.

Доподлинный и красочный рассказ отца про новорожденную девочку Любочку продолжался бы еще,

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— А это самое живое общение для старшего поколения не реально?

— Ты не понимаешь, что я имею в виду. Нам все время твердили: ждите-ждите, будет лучше. И мы ждали, пока ни пришла старость и ни раскидала всех нас по своим норам. Пойми, чем старше становится человек, тем реже он встречается с родными людьми. И если бы не ноутбук, я бы совсем перестал общаться со своим братом, который живет в Австралии. Туда не дойти, не доехать в наши годы, зато можно нажать комбинацию из нескольких кнопок, и компьютер спойненько тебя доставит, куда надо.

— Ты с дядей Геной в Скайпе разговариваешь?

— И в Скайпе и в Фейсбуке, — уверенно подтвердил отец. — Мы шлем друг другу фотографии и письма, делимся всякой информацией, которую, конечно, не передашь обычным почтовым письмом.

— И столько там всякой чуши несусветной! Интим, политика и рецепты котлет. С комментариями! То, что раньше можно было обсуждать только за закрытыми дверями, теперь вышло наружу. Не просто вышло, а манифестирует на сотнях веб-сайтах. Я удивляюсь твоему интересу!

— Чушь, как ты выражаешься, можно не читать и не писать. Конечно, в такой толпе людей всегда найдутся пошляки и дураки. Но ты ведь можешь удалить таких собеседников со своей орбиты. На кнопку нажала, и чуши нет. А что ты имеешь против манифестаций? Это и есть демократия. Кстати, почему тебя нет в числе моих друзей?

— Ой, папа! Мне хватает «Одноклассников».

— Нет, ты скажи, почему мы с тобой не являемся друзьями в Фейсбуке?

— А с Любой ты там дружишь? — поинтересовалась Юлия.

— Давно. И с ее детьми тоже. Мы все в Фейсбуке.

— Опять она меня опередила! — всплеснула руками Юлия.

— На то она и старшая сестра, — обронил Василий Михайлович. — А ты присоединяйся. Знаешь, как там зарегистрироваться?

— Соображу, — миролюбиво согласилась дочь.

Вечером 1 января 2013 года Юлии не захотелось по долгу смотреть в окно и, лелея свои грустные мысли, записывать их в новый роман. Когда отец ушел восвояси, она переместилась к компьютеру, покопавшись в своих социальных сообщениях-поздравлениях, зарегистрировалась в Фейсбуке, нашла страничку отца и без труда отправила предложение о дружбе Василию Михайловичу Жанкину.

Дружественные письма и возможные сводки о возможных знакомцах сыпались на Юлину электронку с бешеной скоростью. Мужчины, женщины, знакомые и незнакомцы — Юлия Васильевна всех щедро одаривала своею дружбой. В их число попали и бывшие сослуживцы, и те, с кем она стояла в афронт, и совсем незнакомые люди. Писал редко кто, в основном «лайкали» ее фотографии и мудрые статусы. Отозвалась и сестра Люба:

Юлька, привет! Наконец-то ты сподобилась написать! Нельзя же так долго дуть губы друг на друга. На-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

деюшь, что, на самом деле, ты не такая злопамятная и поздравляю тебя с Новым годом! Сама нажелай себе всего-всего-всего, а я помолюсь, чтобы задуманное тобой исполнилось!

Привет от Эмануила, Иосифа и Сашеньки. Увидела, какие мы все теперь стали?

Пришли свою электронку и адрес Скайпа.

Твоя сестра Люба

Юлия подумала, что телефонный или визуальный разговор с сестрой в таком ключе сейчас ее бы, пожалуй, взбесил. Но оказалось, расстояние имело какие-то другие мерки. Она только усмехнулась и быстро набрала дежурный ответ. В конце, не удержав эмоции, приписала постскрипту:

P.S. Дети ваши выросли, не собираешься приехать в Ростов, навестить маму?..

Потом Юлия снова принялась рассматривать фотографии белградских родственников, пытаясь найти сходство сестриных детей со своей матерью, и, наконец, удовлетворенно поняла, что абсолютно похожих людей не бывает. Причем Кантович сыграл в этом убедительную роль. Но семья сестры смотрелась вполне rispetабельно, если не считать... Впрочем, rispetабельно, и все.

Сообщения от сестры шли непостоянно, но изобиловали вопросами насчет личной жизни Юлии — «ве-

Были у меня и Олег, и Глеб был. Неплохие парни, мои brave ухажеры.

Олега ты, наверное, помнишь. Он — парень видный. Водил на прогулки, дарил колготки... И жизнь виделась ему — тянущаяся за сто лет. Я все переживала: «А вдруг он не полюбит меня! Вдруг бросит!» Страшно было оказаться в дурочках.

Три года я подводила его к мысли о законном проживании на одной территории. И каждый год он откладывал на потом. «Семейная жизнь, — говорил, — дело ответственное. Как ты думаешь, почему мы с тобой не ссоримся? Потому что мы не делим деньги и территорию. Как только это самое разделение появляется, так и кончается вся романтика». — «Олег, — говорю я, — ты в абортарии когда-нибудь был?» — «Не передергивай, — отвечает, — до этого дело пока не доходило». — «Вот с этого дела я и не хочу свою романтику убивать!»

Бросила я его. Сначала думала, что надо было еще потерпеть, а вдруг прозреет? А сейчас, встречая в городе (он, кстати, все там же, на Буденновском живет!), даже на другую сторону не перехожу: «Привет, романтик! Как жизнь «опять холостая»? Родительское имуществу с женой разделил?» Женился-развелся. Такой вот он неповторимый.

Глеб другой. И это был триумф надежды над плохим опытом! Чопорный, похожий чем-то на твоего Кантовича. Врач тоже. Говорил «это хорошо», а «это плохо». В мире опровергнутых суждений, когда ни «хорошо», ни «плохо», так надежней. На длинные ноги не оглядывался. А начитанный был! Цитировал любого автора.

Я думала, он-то знает жизнь, не то, что я живу в своем придуманном мире. Соглашалась с ним, думая, что у него опыт. Видел все-таки смерть, значит, жизнелюб. И я пыталась смотреть на жизнь его глазами.

Уехала с ним в далекий Мурманск. Дочку родила.

Жили в однокомнатной квартире. После развода с женой ему досталась только такая, ну, и бог с ней. В хозяйстве он, конечно, мог все, пока не начинал что-то делать. Но это, на самом деле, для меня было не главное, при случае, я нанимала профессионала.

Но вот однажды поняла я, что есть и другое понимание хорошего и плохого — «интересно» и «неинтересно».

Была я в служебной командировке, в Москве. Решила сделать сюрприз, вернуться пораньше. Думала, войду тихонько в комнату и грохнусь на кровать. Подошла к двери, слышу, музыка играет. Думаю, прекрасно, не спит еще Глеб. Вошла в дом — и запах пряный от женских духов. Я не хотела думать ни о чем таком. Но потом лифчик прозрачный на спинке кресла, а трусики у нее на ступне дергались. Голова запрокинута, руки в мой диван упираются. И музыка красивая, но стонов ее заглушить не могла. Потом, скосив глаза, она меня увидела, наконец. Рванулась от него и смутилась. Он встал, тяжело дыша, и неуклюже засмеялся. Она, прячась за него, тоже начала хихикать.

А я не знала, что делать. Надо мной смеялись два голых человека, а я молчала и тряслась от нетерпения схватить топор и убить кого-нибудь из них на фиг! Меня как будто держал кто-то за руки и за ноги. Не смогла я... Смешная карикатура?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

«Прости! — говорил он потом. — Не знаю, как объяснить тебе это помутнение. «Глупость человеческая»...», — начал было он своим величавым штилем. — «Я ухожу», — сказала я. Он даже не отреагировал. «И Аню я заберу с собой. Здесь ей делать нечего!»

Куда только делся его интеллигентный прикид?! «Убирайся! — сжимал он кулаки. — Обиделась, бедная девочка! А что ты давала такого особенного, что я только одну тебя должен любить? Ты статусная? Или молодая? А может, ты думаешь, что я пожалею, что ты уйдешь? Нисколько не пожалею! Ты еще поплачешь о том, что натворила!»

Я плакала. Лежала и думала: «Как же я так особенно должна была любить его?». О даром прошедших годах ревела. О своем наивном желании покончить с одиночеством. О том, что я баба, и каждый мужик может меня лягнуть. Сама не пойму, почему осечки в личной жизни происходят только со мной? Бог не верит в меня?

Оказалось, выход есть! Работа — и ты думаешь только о ней.

Мое место менеджера в подписном отделе газеты — во всех изданиях вакантное. Потому что там нельзя определить, что важнее, начать или закончить. Ни конца, ни края не видится из-за амбиций руководства. «Жанкина, где еще 13 процентов?» — «Так ведь одна реклама осталась. Читать нечего!» — «Тогда сядь и пиши сама, чтоб газета была публичной!» Так я превратилась в «Южанкину» — слила имя и фамилию в псевдониме. Газета публичная, профессия публичная... — появился в этом высоком слове какой-то сомнительный смысл. А теперь вслушайся в стиль: «Личность директора управления федеральной

почтовой службы не может не заинтересовать. Деликатность, внутренняя культура характерны для человека, назначенного Москвой...» Ну, кто усмотрит здесь диверсию! Из простого «почтальона Печкина» получился денди-Онегин. Или: «У министра культуры эффектная внешность, стиль и обаяние. Напиши ее портрет художник — у полотна стояли бы часами...». Скажешь, журналистский штамп? А знаешь, что тираж удвоился, и ничего не скажешь.

Учу людей радоваться мелочам! И сама радуюсь, получая зарплату. Мелочь вовремя — всегда приятна.

Хорошо, что к выходу на льготную пенсию определенный авторитет набрала и некоторую сумму на сберкнижку отложила. А то сейчас бы перебивались с отцом. Все-таки мои двадцать пять тысяч, да его пенсия — жить можно.

Жениха, говоришь, ты мне подыскала? Осторожно, Любаша! Это раньше мне не везло с мужчинами. А теперь вряд ли мужчинам повезет со мной...

Когда письмо улетело в космос, Юлии хотелось вернуть его назад, изменить, переписать. Но хочешь, не хочешь, а оно у адресата.

По всем канонам Фейсбука, на страничке сестры Любы, в маленьких клеточках на левой стороне, собраны фотографии актеров, писателей, музыкантов, которые числились ее друзьями. «Все сербы. Кроме отца и ее австралийского дяди. Лучше бы однокласс-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

ников своих дружить позвала или институтских сокурсников!» — подумала Юлия и, вопреки ожиданиям увидеть сплошных незнакомцев среди сестриных друзей, она увидела знакомое лицо. «Господи, да это же тот самый собрат-путешественник! Мы тогда так быстро разъехались из Знаменска! А я ведь не забыла то приключение. Вернее, чувствую, что со мной что-то теперь не то, а что — не пойму...».

Она нажала на фотографию, и сразу выплыла страница Мирослава Дьяконовича. Справа крупное фото, на котором ее знакомец с журналом в руках. «Читаем, кто он такой: редактор журнала, пишет прозу. Прекрасно, коллега! — Юлия уверенно отправляет дружеский запрос. — Тогда он слушал мнения всяких идиотов, и делал вид, будто побывал в прошлом. Надеюсь, у него не вошло это в привычку». Во всяком случае, на его странице не было никаких обсуждений пространственно-временных перемещений. «Судя по коллекции фотографий, жены у него нет. Тоже неплохо!» — решила Юлия, и отправила ему симпатичный смайлик.

Но внезапный телефонный звонок ее отвлек, она судорожно закрыла компьютер и умчалась на деловую встречу.

Подтверждение дружеского контакта последовало незамедлительно, она нашла его сразу, как только вошла в свою почту. К тому же под фотографией Юлии красовался комментарий Мирослава Дьяконовича:

РУСКА ЛЕПОТИЦА!¹

Она тоже поспешила с ответом. Вежливо и по-русски:

Спасибо! Вы меня помните?

...Конечно, помню! Можно я буду писать вам? — деликатно спрашивал он по-сербски.

...Я — за! — с удовольствием отвечала она.

...«За» — означает одобрение переписки или это надежда?.. — интересовался он. Просто так.

...«За» — это знак продолжения нашего знакомства, — игриво парировала она и при этом думала: «Социальные сети меня никогда не затянут».

...Очень рад, что снова встретил вас, мою дорогую рускиню, — написал он почему-то.

Почувствовав, что она его интересуется, Юлия ответила: «Сердцеед!»

В таком разряде я себя не вижу, — смутился он, раздумывая о ее свободном нраве.

Значит, невольный сердцеед, — извинилась она желтеньким смайликом. На всякий случай.

Это почти людоед! Если хотите обвинить меня в каннибализме, учтите, у меня не синяя борода, — шутил он в ответ двумя смайликами.

Вероятно, мне, как писателю, придется написать о вашей импозантной бороде, — гадала она, давая понять, что не лыком шита.

— *Вывешиваю белый флаг!* — ответил он с картинкой белых роз.

¹ Русская красавица (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Но я успела прочесть в Фейсбуке ваш послужной список, и поняла, что у вас много поклонниц. Почему именно мне вы дарите эти розы? — настаивала на откровенности она.

— Если мне очень нравится писательница, я дарю букет цветов, — ответил он.

— Я очень рада! — впечатлилась она.

— Чему? — не дал посягнуть на свою независимость он. — Цветы писательнице!

P.S. Можешь обращаться ко мне Миле — все близкие меня так зовут.

Короткие письма-реплики, не прерывающие ни точку тонкого флирта, сменили письма более пространные. Они стали обмениваться ими по вечерам. Только вот двухчасовая разница заставляла Юлию жить скорее. Когда у нее начинался следующий день, у него было еще 22 часа.

Переведенные на русский язык в Гугле письма Мирослава выглядели иногда расплывчато и даже комично, и Юлия старательно пыталась разобраться сама, вникая в сербскую речь. Язык оказался очень похож на русский, а многие слова вообще не требовали перевода. Правда, писать по-сербски она совсем не могла.

...Я пишу тебе по-русски, но переживаю по поводу незнания сербского языка. Понимаешь ли ты меня? Я прочла в интернете, что раньше школьники Югославии изучали русский язык. Это правда?

А я своим словарем сербского похожа на Эллочку из знаменитого романа «12 стульев» Ильфа и Петрова (тебе, наверное, знакома эта книга). Ей хватало 30 слов, но она была очень красива, и мужчин не интересовал ее словарный запас. Но я вот тревожусь...

И еще. Я знаю, что Сербия в 20-х годах прошлого века приняла нашу белую гвардию — 70 000 русских изгнанников, в том числе донских казаков. Есть ли среди твоих знакомых их потомки?

Ну, вот, перед сном я опять тебя загрузила вопросами. Что поделаешь?! У меня профессия такая.

Целую (я ведь еще и женищина)!

Юлия

P.S. Я не буду уменьшать твои имя. Мне нравится: «мир» + «слава».

Страшнее всего ей казался Скайп. И не потому, что боялась непонимания, она знала, что Мирослав хорошо говорит по-русски. Юлию весьма волновало ее естественное изображение на экране ноутбука. Без ретуши, которую сделал хороший мастер фотоателье для фотографии Фейсбука. «В двенадцать ночи, уставшая, с ввалившимися глазами и призрачным цветом лица. И... «прощай навсегда».

Но общение затягивало искренностью, и она охотно и подчас наивно рассказывала о себе, делилась своими мыслями, все больше и больше располагая к себе человека с большим опытом чувств. На что она надеялась? Вряд ли на что-то серьезное. Просто возникло предчувствие: делай так.

Драга моја Јулија!

Жаль, что ты не хочешь общаться со мной в Скай-пе. Я уверен, мы бы отлично понимали друг друга. Ведь русский язык я учил восемь школьных лет, а потом в университете, на отделении русской књижевности¹. Поэтому можешь не волноваться, я хорошо понимаю и пойму тебя.

Нашу семью всегда называли русофилами, и не только за дружбу с семьей русских эмигрантов. Они были замечательными людьми, но, к сожалению, их уже нет в живых. Мой отец, слыша на вокзале русскую речь, сразу приглашал туристов к себе домой. Потому у нас неделями гостили москвичи, ленинградцы, киевляне... А знаешь, какие у меня есть самовары? Огромный десятилитровый и миниатюрный на одну чашечку!

Приезжай пить чай!

Мирослав

«Я и не надеялся, что на горизонте моего времени опять зазвучит такая мелодия приязни, — думал Мирослав, глядя на фотографию, которую сделал заставкой своего мобильного. — Казалось бы, что такое простая переписка! А она заставляла собирать ключи от дверей своей жизни, растерянных по притворным дорогам респекта».

Письмо Юлии Мирослав читал по несколько раз, потом переносил в особую папку «Юлия». Ему нравилось писать и отвечать этой женщине. Последнее время они были обстоятельными и настоящими, со-

¹ Словесности (сербск.).

всем такими, какие писали друг другу люди, когда не было самолетов. О том, как прошел день и что снилось ночью, что обещают красные сполохи заката, как тихо сыплется снег и осторожно заявляет о себе грядущая весна. Многим читать такие письма было бы скучно, только не ему.

Они писали друг другу так, будто находились в одной комнате.

Драга моја лепотице!

У нас уже полночь. Все спят, и в мое окно смотрят только звезды. Самое время помолиться о сокровенном, а я думаю о тебе!

Смотришь ли ты в небо, Юлия? Особенно ночью. Видишь ли его звездность? Днем, когда мы смотрим себе под ноги, то не замечаем, сколько возможностей дает нам Небо! Иногда оно бывает затянуто тучами, и кажется, что глухо и безразлично к нам. Но как только ветер разгонит тучи — вновь видны звезды. Как мне хочется звездной ночью смотреть в небо вместе с тобой!

Я доверился Небу, не искал в тебе идеальную женщину, просто увидел такую, какая ты есть, и ты стала идеальной.

P.S. Никто из юношей не знает этой простой небесной истины...

Jeep Wrangler только что набрал скорость на трассе, уводя Мирослава туда, где он был давно в мыслях, как зазвонил телефон:

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Да, Иван... В дороге, но говори...

На том конце линии напомнили о его неосторожной аварии и долгом восстановлении здоровья.

— Ну, что ты! Я же гонщик в душе, и меня не изменить, — возразил Мирослав.

В конце восьмидесятых для автолюбителей власти Югославии организовывали ралли. «Друг на дороге» — это не просто банальная гонка, это ощущение близости таких же рискованных, стремительных и устремленных, как ты, умеющих хорошо ориентироваться на сложной трассе и стрелять из ружья. Из Карловцев заявили об участии Мирослав и еще двое парней, в том числе инструктор, который обучал его вождению, а всего ралли собрало триста пятьдесят авто. Двести километров с препятствиями предстояло пройти на скорости, да еще и показать удалство на стрельбище. Мирослав занял тогда 7 место, и только потому, что ему досталось плохое ружье. А вот его инструктор был сто каким-то там...

Мысли водителя джипа ясно следовали дорожным знакам, а нога на педали газа держала постоянную сотку.

— Все в силе, как и договаривались. Жду тебя в субботу... Нет, без женщин. Как почему? У меня есть женщина, но она далеко, когда приедет, тогда... Почему ты думаешь, что утопия?.. Увидим...

Шел май, и хотелось верить. По приезде домой он поднялся в свой кабинет и быстро включил компьютер и увидел письмо от Юлии:

Здравствуй, Мирослав!

Чувствую себя Шахерезадой, рассказывающей султану перед сном разные истории. На этот раз будет история про мою работу.

Дело, которое я выбрала, сначала казалось мне престижным. Я — журналист! Я писала обо всем, что мне поручалось редактором. И постепенно оказалась в перевернутом мире: проявляешь гибкость — получаешь гонорар. Принципы не в счет. И жила, словно меня поставили с ног на голову.

Себя не обманешь! Что я получила? Я вляпалась в очень трудное занятие. Оно, как шахматы, только играть приходится всегда «черными».

Окунувшись в эту «игру», я почувствовала, как причудлива наша жизнь и во многом зависит от наших настроений и желаний. Если мы определяем некоторые ситуации, как реальные, то эти ситуации реальны в своих последствиях... А последствиям свойственно долголетие.

Мои неудачи сделали меня человеком замкнутым, и самым большим моим желанием стала писательская практика. Мои романы — это мои исповеди! Хорошо, если бы ты их прочел! В них я вся. Повзрослевшая...

Помню, как отец учил меня размышлять, играя в шахматы. Я расставляла фигуры, а две пешки прятала за спиной: левая или правая, выбирай! Белую выбирал, или черную, он переходил в наступление. А между делом спрашивал меня о моих планах. Скоро я научилась играть лучше него, и долгий разговор не получался. Тогда он злился, глядя на фигуры, барабанил пальцами по доске и уходил от

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
поражения: «Ну, что ты затеяла шахматы среди дня! Не до них сейчас!»

Мой новый роман о шахматной игре, которая не кончается целую жизнь, хочешь играть или нет, выигрываешь или проигрываешь. И почему, если мастерство гроссмейстера растет, партии только усложняются?

Такой длинный монолог об эволюции профессионала, наверное, уже утомил тебя. И после его прочтения ты зевнешь и будешь спать.

И это правильно!

Желаю тебе спокойной ночи, свободной от философских размышлений. Пусть утро будет радостным!

Твоя Юлия

P.S. А где-то на уровне солнечного сплетения пульсирует мой эгоизм: «Хочу, чтобы все твои женщины навсегда улетучились! Не хочу делить тебя ни с кем!»

Душа была на пределе, казалось, не могла больше терпеть, пыталась приспособиться, терпя неудачи. Он думал, вдохновение иссякло, и говорил себе: «Все, что осталось — это писать журнальные очерки, работать автоматически, зарабатывая на жизнь и не посягая на высшее творчество духа. Но именно дух оказался ненасытен, он требовал продолжения: «Радуйся тому, что имеешь, и пиши!»

Трудно было начать сначала — уединиться в своем кабинете и заставить себя сесть за письменный стол.

Случайная переписка вселила надежду, что он не бесчувственен. Душа реагировала на тепло. И даже в его метаниях нашлась польза, он не предал в себе то,

что искал, а обрел ясность желаний. Теперь его нельзя назвать благонаравным мужчиной, который изо всех сил пытается быть собой. Исповедь вернула его на родную территорию.

Добро вече, срећо моја!

Интересную штуку сотворил с нами Всевышний. Сначала разлучил нас с нашими любимыми. Дал хорошенько помучаться от собственных комплексов. А потом толкнул в какой-то странный водоворот виртуального мира и, отодвинув на дистанцию 2200 километров, заставил поверить в близость друг друга.

Странно, но я чувствую, что твоя душа постоянно вращается возле моей, будто мы знакомы целую сотню лет. Твоя родная душа всегда рядом. Видишь, я не отпускаю тебя даже в мыслях!

Как приятно просыпаться утром, зная, что и ты думаешь обо мне!

Как я хочу обнять тебя, мой мудрый шахматист. Как было бы хорошо, если бы ты сейчас была со мной... но придет тот день, с нетерпением жду его.

Пусть твоя ночь будет спокойной, а день вслед за ней принесет радостные события!

Твой Мирослав

P.S. Тебе не надо беспокоиться обо «всех моих женщинах». У меня было много тех, которых я любил и в которых глубоко разочаровался. Но это давно сыгранные партии. Можешь быть уверена, что я ни с кем не делю свой сон. Я весь твой.

Ноги Юлии отяжелели и не слушались, но она продолжала подниматься вверх. «Пора-пора-пора-пора» — стучит в висках, а за спиной тянет: «Кому какое дело, что за пора?» Вдруг только она занесла ногу — бабах! Оглянулась, за ней только небо, а перед ней пропасть. Удержалась, остановилась на каменной игле. Два моста через эту пропасть покачиваются, то рядом смыкаются, то качелями разлетаются. Море, а не пропасть, а идти придется, хоть мосты змеятся в километровую даль.

— Что хнычешь, тоской подпираешься? Иди туда! — слышится ей с белого моста.

Мост белый, как саван, как лента неизвестности.

Черный мост тянет жаром горячего мазута:

— Дура-дура-дура-дура... Иди давай.

Душа выгибается, как эти мосты. Вот бы вернуться назад, но тело не слушается, не поворачивается, надо куда-то ступить ногой. А ступишь, сразу поймешь, туда ли ты пошла.

Вот уже оба моста забиты какими-то черно-белыми фигурами. Лица скрыты масками, она вглядывается в них, пытаясь найти настоящее лицо: «Откликнись! Не разделяй меня на всех. Слышишь? Ты все-таки существуешь или нет! Если бы я в тебя верила, мне было бы легче. Милый, выгащи меня отсюда. Я скучаю!»

— Чаю-чаю-чаю-чаю..., — маски поочередно оборачиваются, кривляются, лопочут, не хочет ли она чаю.

Через их шум пробивается детский мультяшный голосок:

— Если хочешь найти настоящего принца, тебе надо поцеловать сто жаб!

«Зачем это?» — думает она, отыскивая глазами, кто бы это мог сказать. «Это же сказка, детская сказка!» — догадывается она. Но сказка оживает разнобоям голосов мужских и женских низких, бархатных, резких, ноющих, каркающих, шамкающих.

— ...у одного глаза косые, у другого уши глухие, у третьего ноги кривые, у четвертого карманы пустые, у пятого ума нет, от шестого недобрый след, над седьмым уж могильный крест...

— Не хочу никого!

Но голоса продолжают надсадно перечислять пороки. Она стискивает ладони на ушах, но дикий хор не умолкает, и ей слышится и тембр голоса матери. Она не может разобрать смысл, улавливая только рифмы: «...родная... прощая... Дуная...». Мать вместе со всеми этими странными фигурами куда-то зовет и назидает к решительному шагу.

Тут же фигуры деревянными шахматами начинают падать в пропасть. «Как было бы хорошо улететь вместе с ними, и избавиться от надоедной телесной оболочки... Ты уже там? А я еще здесь. Все уходят и никто не спрашивает: «Как ты живешь?»

Слова подхватывает музыка. Она льется нежнее и увереннее, разгоняя мелодию знакомыми английскими словами:

*Though we've got to say goodbye for the summer,
Darling, I'll promise you this
I'll send you all my love
Every day in a letter sealed with a kiss¹*

Песня стала нестерпимо назойливой, разрывая ключьями сновидение. Юлия, пытаясь сопротивляться пробуждению, застонала и сжала веки. Но сон улетел в никуда, и реальное ощущение комнаты окончательно прервало оцепенение сна. Она схватила свой «Samsung» и услышала в трубке голос:

— Алло! Мне нужна дочь Василия Михайловича.

— Я слушаю, — моментально в сознании вспыхнуло предчувствие беды.

— Ой, Юлечка, — заныла женщина, — не узнала сразу. Это Полина Кузьминична из 44 квартиры. Нам без вас не обойтись.

— Что случилось?

Ответ Юлия почему-то знала, и душа опустилась в пятки: «У отца опять инфаркт».

— Юлечка, надо, чтобы вы срочно приехали.

— Что с папой? — еле проговорила она.

— Приезжайте, говорю вам срочно. Он умирает. Я вызвала «Скорую». Мы вас ждем.

В ту августовскую ночь Василий Михайлович не мог заснуть. Все думал, надо переписать завещание. А мо-

¹ Jason Donovan:

Хотя лето разлучило нас,

Моя дорогая, обещаю тебе,

Я буду посылать всю свою любовь

Каждый день в письме, запечатанном поцелуем.

Юлия отрицательно замотала головой.

— Ну, смотрите. Держитесь! — она продолжала бойцовский тон. — Есть у вас кто-нибудь, кто поможет вынести тело в машину?

— Сейчас я попрошу соседа, — подхватила Полина Кузьминична, и, направляясь к выходу, перекрестилась: «Успокой его душу грешную, Господи...»

— Двоих просите, — руководила врач. — Он же один носилки не понесет.

На похороны семья собралась не в полном составе. Аня, дочь Юлии, приехала в тот же день, как позвонила мать, правда, без детей. Ее мальчики остались с зятем Юлии Васильевны. Семейство Кантовичей тоже оставило потомство на родственников.

Люба опустила на табурет возле гроба отца и сидела так, прикрыв своей ладонью восковую руку покойного, безучастно и удивленно глядя сквозь толпу, не слушая мерные слова священника.

«Забери меня к себе! Я так устала мучиться. Устала ждать, когда же согреется моя душа, наполнится любовью, радостью. Смерть, похороны... Мама, теперь ты... А я, когда я? Кажется, я знаю, что ничего хорошего там нет, и надо бороться за свою жизнь, а я боюсь одиночества, заброшенности, неприятия со стороны людей. Мне нужен такой мир, где есть доверие, сострадание, житейские радости. Как ты думаешь, смогу ли я когда-нибудь вымолить для себя такой мир? Или это иллюзия? И никакая сила в мире не способна уничтожить одиночество каждого. Каждого! Каждый

приходит сюда одиноким и таким же одиноким уходит. Каждый осваивает свою одинокую звезду, материализуя понимание, дружбу, любовь, свободу, обнадёживая себя, что это вечные блага жизни. И вдруг личное время наслаждения этими благами подходит к концу...» Эмануил возвышался над женой, держа ладонь на ее плече и периодически поглаживая ее, повторял: «Смири се»¹.

На унылой кладбищенской равнине, простертой под сияющими солнцем небесами, собралась многочисленная скорбная толпа. Бесконечным потоком люди проходили мимо гроба с траурными букетами роз и пожимали руки укутанным в черные ткани родственникам.

Эмануил не абстрагировался от горя, он думал:

«Вот такая наша жизнь. Не успеешь выбраться из одного долга, берешь другой. Мыслимо ли жить в долг? Друзья и родственники тоже ничем помочь не могут. Это все политики, они призывают подтянуть пояса вместо того, чтобы вывести страну из кризиса».

Поскольку похоронный ритуал был уже организован Юлией, еще не привыкшей к своему сиротскому положению и суетившейся по случаю поминального обеда, Кантович, чувствуя необходимость своего участия, вежливо и бессловесно взял ее ладонь и вложил две купюры по сто Евро. От его прикосновения Юлия сразу размякла, всхлипнула и дала себя обнять:

— Вы же не уедете завтра, да?

¹ Успокойся (сербск.).

Завтра собиралась уезжать Анечка.

— Мама, пойми меня, ради бога, у меня суд, а я все еще не разложила по полочкам это дело.

— Что там у тебя?

— Да что... очередное убийство. Может ты мне и поможешь, как тогда с разведкой дна озера. Ведь правда оказалась.

— А на сей раз тоже несчастный случай?

— Представь себе, самоубийство. Очевидно, что это самоубийство! Экспертиза проведена вовремя, запротоколирована. Цифры роста умершего, прочность веревки, высота потолка и тумбы сопоставимы.

— Ух ты, Анька, как жестко обо всем рассказываешь!

«А она стала совсем взрослая, — вздохнула Юлия.

— И я ей, как раньше, не нужна...»

— Я привыкла уже. Так вот. Акт о самоубийстве бухгалтера крупной фирмы был составлен на месте происшествия, и он же зафиксировал, что ограбления не было. Около места, где обнаружен труп, на полу лежала опрокинутая бельевая тумба. А вот вдова обвиняет в убийстве мужа его директора. Она и подала в суд, понимаешь? А я у директора буду адвокатом. Вот такие дела.

— Так почему же вдова обвиняет в убийстве его директора?

— Ее понять можно, она ищет виноватых в смерти своего мужа. Не верит, что он мог покончить счеты с жизнью.

— А почему ты веришь в самоубийство?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Понимаешь, интуиция подсказывает. Во-первых, покойника отпевали. Вот как дедушку. А что для этого надо было предоставить церкви?

— Я справку из морга приносила.

— Вот именно. И ей такую справку дали. Значит, в церкви она сказала, что будет подавать на расследование его убийства, иначе со справкой о самоубийстве ей дали бы от ворот поворот, ведь самоубийц не отпевают.

— Допустим, но это ее право, ты согласна?

— Конечно, согласна, мама. И, конечно, подзащитный не ангел. Документ о проверке управления финконтроля на своем предприятии показал мне неохотно. Вернее, пришлось из глотки вырывать. А там, нецелевые нарушения фирме выкатили на восемь миллионов. Но все равно это не повод убивать главбуха — в нецелевых расходах поучаствовали многие члены коллектива, и теперь все будут их выплачивать. Хотя, конечно, коллеги главбуха подтверждают неприязненные отношения между ним и директором в последнее время. Говорят не коллективно, а в ходе допроса одного за другим. Но сам подзащитный, то бишь директор фирмы, и не отрицает, что главбух подставил его перед проверяющими, и кроме рабочих разногласий между ними, ничего сообщить не может. Впрочем, может, и были какие-то финансовые дела, но в уголовщину все-таки не верится.

— Да фактом убийства и не прикроешь долги государству.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Вот-вот, а что касается главбуха, с его опытом и стажем профессиональной деятельности, он не мог принять так близко к сердцу результаты финконтроля. Даже если ему самому пришлось бы выплачивать эту сумму, он нашел бы возможность ее компенсировать. Вот потому и надо защищать директора фирмы от подозрения в убийстве и в доведении до самоубийства главбуха.

А что касается вдовы, то здесь еще надо подумать. Тело не предано земле, а она бежит с заявлением об убийстве. Только ради отпевания? Вот что странно. Не похожа она на богомолку, для которой так важен церковный ритуал. Да, похороны прошли чин-чинарем. И все-таки, что-то тут не так. У мужа неприятности, а она в Испании. Конечно, в квартире ее в тот момент не было, дверь пришлось взламывать, и приехала она только через три дня после его смерти. И не звонила перед приездом.

— Значит, знала, что бесполезно звонить!

— Нет, если бы она инициировала убийство, то она как раз названивала бы, чтобы обеспечить алиби. Вероятнее всего, они поссорились. Чем-то обиженная, она укатила за границу, а он остался с проблемами на работе и угрызениями совести. Ах, да! Еще окурки валялись на полу, где лежал умерший. Это немаловажная деталь. Неужели этот человек был так невменяем, что курил и бросал на пол окурки? Ведь в его рабочем кабинете, как говорят свидетели, всегда был полный порядок. А дома? Следственная группа зафиксировала, что на полу кругом валялись окурки. Кто должен был увидеть его душевное волнение?

— Так может, все-таки к его уходу из жизни как-то причастна жена?

— Вот эта мысль и не дает мне покоя. Даже сейчас. Ты уже меня прости, что я должна уехать, но обещаю звонить каждый день. А думать буду о тебе каждую минуту!

«Отсутствие какого-то несчастного звонка, и человек решает свести счеты с жизнью? — думала Юлия. — Трагедия, разыгравшаяся в чужой семье, суду кажется прозаичной. Сухие фразы отказа в возбуждении дела против обвиняемого и подтверждение факта самоубийства гражданина К.

Вдова, сложив руки на коленочках, отрешенно смотрит куда-то вдаль. О чем она думает? О принятии наследства по закону? Или о том, что не удалось доказать виновность гражданина А.? Чужая семья — потемки.

Да что там семья, когда весь мир переворачивается. Нет, чтобы на заводе дымить, мужики на чужое добро зарятся. А для молодого поколения очень заманчиво большое и быстрое добро. Кандалы за эту слабость теперь не вешают — свобода душе.

Смекалистые появились пацаны. Вот, например, нет такой вывески: «Скупка краденого». Зато есть: «Скупка золота», «Скупка антиквариата», «Скупка старинных монет». А там подумают-подумают, да напишут: «Скупка ветеранских наград». Чего им по коробкам пылиться и чернеть? Пошоркал щеточкой «За отвагу» да «Красную Звезду», чтоб блестели, да деньги выручил какие-никакие. За самолет подбитый или за

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Нам сказали, — продолжала она, — что никаких гарантий дать не могут, хотя будут стараться найти. Примерно через месяц пришел ответ, что гражданка Сербии, которую мы ищем, действительно, проживала в Сремских Карловцах, на улице Железничка, дом, кажется, семь, с 39-го по 43-й год со своим супругом Голиковым Андреем Васильевичем.

— Она умерла в сорок четвертом, — заторопила Юлия, — а наш дед, где он?

— Подожди, я же тебе сказала, что поиски не дали желаемых результатов. Голикова уехала оттуда, а не умерла. Сведений о ее смерти я не обнаружила ни среди списков арестованных и убитых фашистами, ни среди умерших. Она просто исчезла, понимаешь? — Люба немного помолчала, а потом продолжила: — А вот дед наш... этот есть.

— Он жив, что ли? — как-то машинально спросила Юлия, пугаясь своей догадки.

— Ну как он может быть жив, — нетерпеливо продолжала Люба, — если он на двенадцать лет старше бабушки. Ей сейчас был бы сто один год, а ему сто тринадцать. Живут обычно поменьше, — она запнулась и через мгновение продолжала ровным голосом, — особенно военные преступники.

— Этот факт — официальный?

— Да. Поэтому мы с отцом и не хотели распространяться на тему поисков, берегли твои нервишки.

— Ну, я бы не умерла от этого. Моим воспитанием, без военного преступника, занималось много хороших людей. — Юлия перевела дух и коротко спросила: — Его наши грохнули?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Нет, сербские партизаны, в сорок четвертом. За активное сотрудничество с фашистами. А вот она умерла, наверное, но где похоронена?

— А мама разве не могла вспомнить, где похоронена ее мать?

— Мама тогда была маленькая...

— Но она же выросла, а потом только уехала в Россию! Как можно было уехать из страны и не вспоминать собственную мать столько лет! — почти выкрикнула Юлия, но сдержала свои эмоции, глянув на растерянную сестру.

— Может, она и помнила о ней, — потупилась Люба, — мы же этого не знаем.

— А должны бы знать! — съязвила Юлия.

— Послушай, сестра, — произнесла Люба таким голосом, как когда-то в детстве «давай не будем ссориться», — твой тон удивляет меня и убивает. Ты умный человек, причем журналист. И должна знать, что существующая презумпция невиновности разрешает человеку не оправдываться. И это правильно. Отношения двух сестер, у которых не осталось родителей, перестают быть нормальными, когда одна из них начинает оправдываться. Я не совершала никакого преступления и оправдываюсь сейчас просто, чтобы угодить тебе.

«Конечно, ты виновата. Хотя бы в своей черствости по отношению к отцу. Он так и не увидел живьем своих внуков, — думала Юлия. — Но в одном ты права: надо постараться простить обиды ради самих себя. Ты не ведала, что создавая свою семью, ты разрушала созданную родителями. И ты не одна такая. Вот и моя

Анна не приезжает в гости с детьми. Спасибо, хоть на похороны деда приехала. На два дня. Какие сейчас мои внуки, я знаю по их фотографиям. Нужна ли я им?»

— Вот что, — спокойно ответила Юлия. — Я готова признать свою излишнюю нервозность. И готова согласиться с тобой, что не надо искусственно ничего делить между собой. Жизнь все разделит сама.

— Ну, что, мир? Давай свой мизинчик! Помнишь, как в детстве:

*Миришь, миришь, миришь,
И больше не дерись,
А если будешь драться,
То я буду кусаться.*

Эмануил, отстраненно листавший книгу, заулыбался. И тут Юлия обратилась к нему:

— Можно тебя попросить об одном деле?

Не вполне понимая ее вопрос, он все-таки закивал. На помощь пришла сестра Люба:

— Что ты церемонишься так! Конечно, можно.

— Мне надо найти одного человека в Сербии.

— О, ты знакома с кем-то из сербов?

— Скорее одной из полячек интересуется знакомая. Это Янина Топильска, — Юлия внимательно смотрела на сестру, вызовет ли у нее интерес это имя. — А год рождения 1903. Я напишу ее имя, а вы попробуйте проверить, жила ли эта женщина в Сремских Карловцах? Вы ведь уже знаете, куда обращаться с такой просьбой.

— Опять в Карловцах? И чего всех их тянуло туда?

— Не знаю, — засмеялась Юлия, неожиданно вспомнив о Мирославе, который тоже живет в Карловцах. «Вот ведь совпадение! А я и не предавала этому значения». И, не в состоянии сдержать улыбку, попросила:

— Поищите, а?

На литургии в соборе Пресвятой Богородицы, куда Юлия едва успела из аэропорта, ранним утром проводив Кантовичей, было полно народу. Примолкшие, все стояли со свечками, периодически крестясь и шевеля губами известные молитвенные строки и рефрены. Слезы не переставали душить ее. Где-то на алтаре слышался голос священника: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Она оглянулась по сторонам, и, не увидав ни одного знакомого лица, снова остро почувствовала свое одиночество: «Господи, как же я теперь одна-одинешенька...».

После она пошла в родительский дом. Она стала возвращаться туда каждый день, ложилась на диван с книгой, жадно листая первую главу, а потом смотрела, погруженная в раздумья, поверх страниц. «Отец говорил, что не чувствует себя одиноким, а только радуется уединению... И ему удавалось создавать оптическую иллюзию радости от одиночества. Я даже поверила!»

Часы в доме тикали, как и тогда, когда все были живы, согревая незримым присутствием бывшего счастья. Сначала она запирала дверь в спальню, вообра-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

жая там еле уловимые шаги и тени, потом, перечистив мебель, постирав шторы и перестелив белье, она почувствовала, что жуть ушла. Вместе с надеждой на возвращение самых близких людей. Свербящая мысль, что есть некая взаимосвязь ее беспечного общения с Мирославом и зловещей смертью отца, вела ее в этот дом, как маньяка на место преступления. «Как раз тогда, когда я начала думать о нем, с отцом случился второй инфаркт. Как наказание мне за то, что я мало заботилась о нем».

Сходила в церковь на исповедь. Так вот и сказала все священнику, что раскаивается в своей черствости к больному отцу. Старик не удивился, спросил только:

— Что же ты его одного помирать бросила?

— Да, нет же, батюшка, не бросала. Каждый день была рядом, если не у него дома, то по телефону справлялась. Да и помогала, когда требовалось.

— Только когда он просил тебя?

Юлия закрыла лицо ладонями и тихо заплакала, отрицая свою отстраненность от родителя. Потом подняла на него мокрые глаза и призналась:

— Но надо было все мысли о себе самой из головы выбросить, а я как девочка по вечерам письма писала, вместо того, чтобы с папой посидеть и поговорить.

— Ну, тогда не вини себя излишне. Господь забирает каждого в свой срок. И отца твоего забрал, не спросив тебя. Но ты должна думать, для твоего же блага. А Серафим Саровский знаешь как наставлял таких, как ты? — он поднес палец ко лбу и опустил глаза. — «Не употребляет Господь за пользование благами земны-

ми, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем».

Юлины письма перестали приходиться внезапно, и Мирослав думал, что умрет без них.

Драга моја Јулија!

Я давно не получал твоих писем.

Ты, возможно, уже спишь. Чтобы твой сон был ангельским, я послал к тебе своего Ангела-хранителя. А когда проснешься, сообщи мне, что ты по-прежнему рядом.

Драга моја Јулија!

Где ты? Твое молчание убивает меня.

Наконец, она отозвалась! Прочитав ее строки, он отворил окно и долгое время сидел, глядя в сторону горизонта, как будто приходил в себя после обморока.

Здравствуй, Мирослав!

Извини за долгое молчание!

30 августа я похоронила своего отца...

Знаешь, там, на погосте, я думала о том, как все коротко. Каких-нибудь несколько десятков лет...

И как же мы должны ценить каждый момент жизни!

Береги себя!

Твоя Юлия

Какой беззащитной казалась ему эта далекая русская женщина, которая в одиночку изо всех сил старалась справиться со своей бедой, и, в силу своей женской природы, поддерживала его своей верой в жизнь!

Драга моја Јулија, добро вече и лаку ноћ!¹

Наконец, ты нашлась! Сегодня я особенно тревожно ждал твоего письма. И не был уверен, что получу его.

У тебя сейчас очень трудный период. Мне знаком такой момент жизни, и знаю, что в голове у тебя сейчас мысли о прошлом и будущем.

Я рад, что ты думаешь о будущем. Пусть прошлое останется прошлым — в хороших и в печальных воспоминаниях. Но не закрывает собой продолжение!

Бог позаботился о нас, открыл наши глаза, чтобы мы могли увидеть друг друга и почувствовать энергию любви. Зрелая любовь лишена юношеского задора и эйфории, в ней больше честности. У нас говорят: «Старый дуб долго разгорается, но зато его угли горят долго и хорошо прогревают». Я рад, что встретил тебя среди такого количества людей в этом мире как раз тогда, когда начал терять надежду полюбить истинной и искренней любовью.

Теперь я благодарю Бога за вернувшуюся веру в жизнь!

Мирно спавај, срећо моја!²

¹ Добрый вечер и спокойной ночи! (сербск.)

² Мирного сна, счастье мое! (сербск.)

Заявившаяся на сороковой день и по случаю вступления в наследство 8 октября сестра Люба не вызвала у Юлии неприязненных эмоций. Сестра все-таки! Вхождение в новую фазу отношений сгладил сам покойный Василий Михайлович, написав еще при памяти завещание, согласно которому его квартира делится между сестрами поровну, а всеми вещами, находящимися там, распоряжается Юлия по своему разумению.

Расписавшись в нотариальном журнале, сестры решили передохнуть, а заодно и обсудить, как они будут дальше хозяйничать.

В соседней кофейне, расположившись за столиком у окна, они сделали заказ. Разговор то и дело возвращался к воспоминаниям о двадцати-тридцатилетней давности, пока Люба не предложила:

— Юля, я тут подумала. Может, мы с тобой не будем продавать эту квартиру, все-таки там прошло наше детство. Деньги разойдутся...

— Великодушно, — начала было Юлия, но осеклась на полуслове, посмотрела на сестру и грустно улыбнулась. — Почему ты хочешь оставить все, как было?

— Хочу. Неизвестно, как дальше жизнь сложится, а квартира — это крыша над головой, — она вздохнула и резонно предположила: — Может, придется и вернуться туда.

— Тебе вернуться? — уточнила Юлия.

— Допустим, — грустно проговорила Люба. — Только квартплата, конечно...

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Это как раз мелочи, мы ведь можем ее сдавать, правда?

— С вещами наших родителей?

— Ты стала сентиментальна, — продолжила удивляться Юлия. — Ты не хочешь ее сдавать? Но зачем квартире в хорошем бойком месте просто так стоять?

— Ну, хотя бы пока, давай не будем с ней что-то делать, — настаивала Люба.

— Я тебя не совсем понимаю, сестренка. Ты или договаривай все до конца, или давай приходиться к приемлемому соглашению. Я одна обе квартиры тянуть не хочу. Я живу сейчас фактически на два дома, бегаю туда-сюда. И каждый раз, когда вхожу в родительскую квартиру, сердце рвется на части. Да и резона нет. Мне хватает моей двушки. А на свою долю наследства я могла бы купить себе машину. А так я буду сидеть, как король на злате, да еще и тратиться каждый месяц на коммуналку.

— Машину, а какую? — удивилась Люба.

— Ну не стиральную же! Например, красенького «Пыжика»¹.

— А водительские права?

— Ладно уже, сначала скажи, что ты там планируешь!

— Скажу, что с деньгами на квартплату я тебе помочь не могу. Мне их взять неоткуда. Я не работаю, ты знаешь. А бюджет весь в руках Эмануила. Вот он-то как раз и сидит, как король на злате. Не хочу я у него просить деньги, понимаешь?

¹ «Пежо» (сленг).

— Понимаю, конечно, — согласилась Юлия. — Я из понятливых.

— Ну, вот..., — Люба отвела глаза в окно под подозрительным взглядом сестры, — я и думаю, не стоит ли мне пожить в этой квартире.

— Вы разводиться собрались, что ли? — догадалась Юлия.

— Ну, в суде вопрос еще не стоит, — Люба смотрела прямо в глаза сестре, и, казалось, в них мелькает тоска. — Терпение у меня уже иссякло. Надоело. Хоть он вроде бы и покладистый, но мы все время в напряжении. Деньги попусту тратить нельзя, потому что если наш дом вдруг рухнет, нам надо будет покупать другой; если нас обворуют, придется все приобретать сначала; если мы вдруг заболеем, может потребоваться немислимо дорогое лекарство; если мы вдруг умрем, понадобится очень большая сумма, чтобы нас закопали и помянули. Чтобы этот мир стал пригоден для жилья, требуется хорошая работа и очень много денег.

— Мне казалось, что он обеспечивает семью, — недоумевала Юлия.

— Обеспечивает самым необходимым. А дети? Их надо учить, и за это тоже платить. Книги, занятия, дневные расходы...

Ее планы на приобретение иномарки сразу рухнули и она с досадой подумала: «Вообще никогда ничего нельзя загадывать на будущее!»

— Сводим концы с концами, — признавалась Люба. — В Сербии сейчас кризис и безработица. Клиентов у Эмануила немного. Сама посуду, какой без-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Юль, — сестра будто бы прочитала ее мысли, — а давай я тебе оставлю свои права на эту квартиру? Если что, ты сделаешь все грамотно, я уверена.

— Люб, — Юлия совестливо сменила тему, — вы там женщину, о которой я тогда просила, искали?

— Ах, да, — оживилась Люба, — искали и нашли! Янина Топильская! Вот я тебе даже документ привезла с собой, который нам выдали, — Люба достала из сумочки файл со справкой. Решив, что вопрос с квартирой она решила, она повеселела и говорила уже другим тоном. — Такие справки у нас выдают бесплатно.

Юлия с нетерпением стала разглядывать ксерокопию стертой фотографии в профиль и анфас незнакомой женщины, с заглаженными назад волосами. Широкоскулая, с открытым волевым лицом. Славянская внешность — вот только чем она похожа на Светлану Райкову.

Пока Люба пила кофе, она читала:

Гражданка Сербии, Янина Топильска, урожденная Ямпольска, 1 июля 1903 года рождения, faharbayter¹ в столовой при комендантуре СС. Заявляет, что родственников на территории Сербии в настоящий момент не имеет, документы утеряны. Расстреляна за связь с коммунистами 20 ноября 1943 года.

Страшный документ, доставленный из прошлого времени. Встреча с незнакомой женщиной. Нет, напротив, ей известна она. «Расстреляна, значит, никого не сдала, — думала Юлия. — Эта бумага имеет

¹ Квалифицированная рабочая, получавшая на работе дополнительный паек (нем.).

прямое отношение к Светлане Райковой. Как тогда ее пронесло от проверок гитлеровских молодчиков в черной форме, с четырехугольником на рукаве в виде двух зигзагов молнии «SS» с черепом и костями? «Gott mit uns»¹ было выгравировано на пряжках их ремней. «Документы!» — в любой момент могли потребовать они. А лицо-то другое, и возраст не очень подходит, фальшивка.

Нет, Бог был тогда совсем рядом!»

— С ума сойти! — вслух произнесла она, раздумывая, что могло произойти, если бы ей кто-то не помог эти документы подправить. «Она же в комендатуре не смогла бы зарегистрироваться и ее бы расстреляли».

— Да, — отозвалась Люба, — информация для твоих знакомых неприятная. Но зато они теперь будут знать точную дату смерти своей родственницы. Кем она им приходится?

— Бабушкой, — коротко ответила Юлия.

— Героическая у них бабушка.

«И у нас тоже героическая, — удовлетворенно улыбнулась Юлия. — Только надо дальше искать не Голикову, не Райкову Светлану Александровну, а Янину Топильску».

— Ты надолго останешься в Ростове? — поинтересовалась она у Любы.

— У меня ж билет на обратную дорогу. В конце недели. Нет, ты все-таки скажи, — напирала Люба, — ты согласна ничего пока не предпринимать с родительской квартирой или нет?

¹ «С нами Бог». (нем.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Согласна, — успокоила ее Юлия. — Да мне и не хочется сейчас этим заниматься, если честно.

— Ой, Юлька, надо бы тебе и о себе подумать. Я твоё письмо прочла и наплакалась.

— Чего это вдруг?

— Ну, как чего! Воспитание наше — все романтики, любви ждем. Сейчас девушки мечтают не о принце на белом коне, а о «коне» на белом Prince¹.

— Нормальное у нас с тобой, русское, воспитание: люблю, значит, существую!

— А я вот думаю: любима, значит, существую.

— Значит, тебе этого хватает для полноты жизни.

— Юлька, а тебе хватает, признайся честно?

— Честно? Хорошая котлетка с жареной картошечкой ничуть не хуже.

«Что, если мне, правда, съездить в Сербию к Мирославу?»

Здравствуй, Мирослав!...Я решила съехать. Билеты взяла с 19.10. по 26.10. (с субботы по субботу). Про визу в интернете написано по-разному. Но когда получу загранпаспорт, сканирую и вышлю тебе его. Говорят, что надо так. Рейсов прямых из Ростова-на-Дону нет, есть с пересадкой в Москве. И знаешь, самолеты в Белград прилетают очень поздно, в основном в 22.30 по московскому времени, и улетают тоже примерно в 24.00. Я чувствую, что создаю для тебя хлопоты. Будешь терпеть?..

Твоя Юлия

¹ Тип «Мерседеса».

Билеты она взяла на удивление быстро, пришла в первопопавшуюся кассу и через полчаса вышла уже пассажиркой Авиалиний. А вот загранпаспорт оказался просроченным. Когда-то она пользовалась услугами расторопной дамы, которая обычно назначала встречу на лавочке возле паспортного стола, вынимала из сумочки сложенную газету и тихонько шептала цену услуги. Но телефон той дамы уже не отвечал, и Светлане пришлось идти самой.

В паспортно-визовой службе на всех банкетках сидели люди. Люди в помещении, люди на улице. Едва получив электронный талон, останавливались и надолго задерживались в проходах между кабинетами. Электронный голос взывал к ожидающей толпе: «Номер А14Е, пройдите в кабинет 1», «номер Б21Г, пройдите в кабинет 3».

— А участникам войны без очереди, — рвался кто-то в кабинет.

— Да хоть участник революции, здесь электронная очередь! — сопротивлялся склочный коридор.

— У них скоро перерыв, всех выгонят из помещения, — бесстрастно произнесла сидящая у двери сухонькая старушка. — А меня уже дочь ждет в Германии.

Очередь заволновалась:

— Так написано, что технический перерыв пятнадцать минут.

— Почему выгонят?

— Им же надо поесть, вот и выгонят.

— Так они же могут закрыть двери в кабинеты и спокойно пообедать.

— Нет, так они не могут. Они выгонят. Как вчера. Вчера выгнали всех на полтора часа, а потом снова запустили. Господи, хоть бы сегодня уж пройти всю эту катавасию! Пропадет ведь билет.

— А вы вчера не успели?

— И вы, скорей всего, не успеете. Видите, охранник уже идет выгонять всех на перерыв.

В центре холла выросла фигура солидного мужчины:

— Граждане, у нас перерыв до четырнадцати часов. Идите все в парк, — скомандовал он.

Вопросов никто не задавал, просто молча двинулись к выходу, а на улице, перед входом в контору, разбились на мелкие группки в ожидании конца трапезы служащих.

— Нет, граждане, — организовывал охранник надоевшую толпу. — Здесь стоять не надо, в парк идите, на скамеечки. Отдохните там, а потом придете.

— Но до парка идти минут тридцать, и столько же обратно. Мне легче здесь постоять, — сопротивлялась приказу стойкая старушка.

— А вы, наверное, поговорить сюда пришли!

Потом все-таки осекся, махнул на нее рукой и захлопнул дверь.

«Вот-те, на! — переживала Юлия Васильевна. — Сегодня я свой загранпаспорт могу и не получить. Месяц прошел! Надо было сначала паспортом заняться, а потом билетами.

Видно, боятся наши компетентные органы, что я не вернусь».

Забыв совсем недавние «хождения по мукам», 19 октября в четыре часа утра Юлия села в такси и полусонная отправилась в аэропорт. Она смотрела в окно и ни о чем не думала, как будто не умела думать, а могла только смотреть. Водитель «Рено», ловко проскакивая на желтый свет, привычным ростовским акцентом делился своим профессионализмом:

— Женщины не могут логично объяснить, где их встречать. Буквально вечером звоню клиентке на Космонавтов и спрашиваю: «Вы где?» Она: «Я здесь». Ну, где «здесь»? Народу полно, куда воткнуться — не знаю, стою на габаритах и спрашиваю ее: «Вы в чем?» Она мне: «Я в кроссовках». — «Только в кроссовках?» — «Нет еще в джинсах и куртке». Ну, не дура?

— Может, и дура. И ведьма, может. И принцесса, — зевнула Юлия. — Что сразу увидите, то сразу и получите! — Глядя прямо перед собой, она ткнула пальцем в окно. — Какую красивую гостиницу построили!

Ее реплика авансировала таксиста на продолжение монолога:

— Не понимаю я, что вам нравится. В Ростове, может быть, и найдется пара зданий интересной архитектуры, но настоящей архитектуры нет. Взять хотя бы Северный микрорайон. По названиям улиц район поистине космический — Волкова, Добровольского — в честь космонавтов, Королева. А если проехать на Орбитальную, то в том районе имеется даже улица Млечного пути! А какая там архитектура? Прозаическая. Я, конечно, не специалист. Но как человек, побы-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

вавший в разных городах, говорю вам, что в Ростове архитектуры нет.

— А кто вы по специальности? — очнулась от сна Юлия.

— Я — таксист во втором поколении...

— Это семейное дело или специальность?

— Получилось, что дело.

— А пришли в него?

— Из кардиологии.

— Вы были врачом?

— Нет, я лечился в кардиологическом отделении после прежней работы. Летчиком был.

— А-а-а, — протянула она. — Так вы над городом летали?

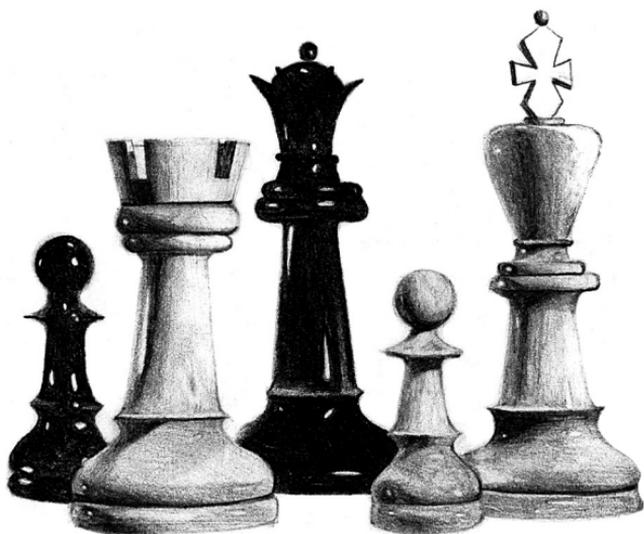
— Ну, можно и так сказать.

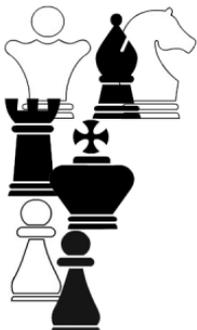
— Барашковые облака намного лучше улиц и домов?

— Скоро увидите, — ухмыльнулся таксист.

Глава VI.

*По принципу
инерции*

*«Я очень, очень тебя люблю.
А за что, знаешь? За то, что узнаю,
узнаю тебя и все никак узнать не
могу».*

*Алексей Арбузов,
«Иркутская история»¹*

Бурый пес породы кане-корсо рывком поднял голову. Услышав шаги хозяина, он не по-стариковски шустро вскочил на ноги и побежал навстречу. Вскинувшись на задних лапах, он припал на грудь Мирославу, туда-сюда виляя хвостом.

«Что, соскучился за день, цукела?»² — хозяин хлопал его по боку. Собака, умирая от наслаждения, зашлепала языком, стараясь лизнуть своего дорогого друга в губы. Собачья пасть раздвинулась до самых ушей, придавая морде смеющееся озорное выражение. Маленький щенок не умер в старом животном, иронично названным Босс. «Он мой хозяин, — объяснял выбор имени Мирослав, — не я его». Пес отпрыгнул в одну сторону, потом в другую, призывая хозяина к игре. Мирослав наклонился, поднял пустую пластиковую бутылку и швырнул ее в глубь аллеи. Босс молниеносно метнулся за ней, достиг, и довольный

¹ Советский драматург (1908–1986).

² Никчемный (ласкат., сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
приподнятым хозяйским настроением, принялся ее жевать.

Мирослав вывел машину на дорогу, вернулся, чтобы закрыть ворота, и наказал своему другу:

— Охраняй, старик! Я скоро приеду, и ты встретишь добрую женщину!

Пес с пониманием улегся у ворот и покорно положил голову на лапы: «Мне и с тобой хорошо...».

Мирослав приехал в аэропорт «Никола Тесла» за час до прибытия российского самолета. Народу было много. С сумками, чемоданами на колесиках говорливый людской поток находился в постоянном движении. При этом свободных кресел для ожидания искать не надо было — садись и жди.

— Здраво, Миле, дружище, ты кого-то встречаешь? — раздался голос сверху, как только Мирослав опустил глаза в газету.

Мужчина в ультрамодном наряде с короткой блондинистой бородкой, улыбаясь, уже присаживался рядом с ним. Вальяжная внешность не рождала никаких ассоциаций с его серьезной работой — в Белграде он был директором крупного издательства.

— А, Петар! — отложил в сторону свое чтиво Мирослав, искренне радуясь встрече с бывшим сокурсником. — Рад тебя видеть! Ты изменился, похож на поп-звезду.

— Думаешь? А я и хочу меняться, хочу быть с каждым годом моложе и моложе, — засмеялся Петар, — чтобы опять стать студентом нашего факультета.

— Вижу, что и ты не изменяешь традиции, с первого курса бороду носишь, не бреешь! — Мирослав

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
 погладил рукой свою бородку. — Да... хоть борода осталась, а то время уже не вернешь, — грустно улыбнулся Мирослав.

— Почему? — с серьезным видом спросил собеседник. — Надо собраться и поехать в Венгрию. У тебя, думаю, есть возможность, и у меня такая работа, что я легко могу собраться в дорогу. А там бы потолковали и о душе, и о деле, а?

— Может и так, — согласился Мирослав.

— Кому предназначена эта роза? — кивнул на алый цветок Петар.

— Все тебе расскажи!

— Я могу и догадаться, если хочешь: ты встречаешь девушку, ловелас эдакий!

— Все серьезнее, чем ты думаешь: я встречаю красивую русскую женщину. Завидуй!

— Уже завидую! Как же зовут ту, которая покорила суровое сердце литературного фаната?

— Юлия.

— Красиво. Русская, говоришь? Знаешь, у моего деда была русская пассия. Ты знал, что у меня русский дед?

— Нет, конечно. А он тебя посвятил во все свои любовные дела или ты прочел его дневник? Вообще, богатая тема для новеллы! Почему бы тебе не взяться за нее, Петар?

— Ну, не такая уж и богатая, на самом деле. Если только не додумать больше половины того, чего не было.

— А что, для тебя проблема додумать? Ты пишешь сейчас?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Только договоры и расписки, дружище! Вся романтика — в воспоминаниях. «Паметан пише, будала памти»¹, да? — Петар усмехнулся. — Я решил, что надо записывать только то, что опасно забывать.

— А я не забыл твои новеллы о женщинах.

— Приятно, Миле. Женщины меня любили, и я платил им тем же. Как и дед, который нарисовал портрет той, которая его любила. Понимаешь, это своего рода гонорар.

— Ты заплатил гонорар многим, а он только одной женщине?

— Да нет же, — опять рассмеялся Петар. — Дед разделил наследство всем четверым внукам поровну, но мне досталась самая интересная — «Светлана». Придешь как-нибудь и увидишь, ее портрет в моем кабинете. Жена категорически отказалась вешать его в гостиную, там у нас одни пейзажи.

— Заревновала?

— Это ее чопорность. Не хочет объяснять гостям, что дед нарисовал свою русскую любовницу. А почему у него, вот как и у тебя, Миле, не могли быть любовные дела? К тому же, он женился на немке, а у них все страсти строго по расписанию.

— Да, банальная история...

— Ну, я пойду встречать, — Петар посмотрел на табло. — Мои Ленка и Марко прилетают из Италии. Вот она — жизнь и мои портреты.

— Марко, наверное, совсем большой?

— Смеешься! Марко уже хозяин своего дела, возил мать на отдых, представляешь? — он хлопнул

¹ «Умный пишет, дурак помнит». (сербск. посл.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Гул толпы встречающих приближался, и у нее появилась внутренняя дрожь. «Только не показывать вида, что схожу с ума! — уговаривала она себя. — Господи, помоги!»

Яркий свет холла. Улыбающееся лицо незнакомца, другое лицо. Юлии кажется, что все люди только и смотрят, что на нее. Она не видит его лица...

Мирослав осторожно берет ее за руку и поворачивает к себе:

— Здраво! — сверху вниз смотрят знакомые улыбающиеся глаза.

— Здравствуй! — произносит она, отмечая про себя, как он естественно красив.

Они стоят и смотрят друг на друга:

— Сейчас я такой! — снова говорит он.

— А я такая! — вторит она.

Они не сдвигаются с места, не отводят глаз друг от друга:

— Я рад тебе!

— И я рада тебе!

Они говорят, как два союзника только окончившейся Второй мировой войны.

Он притягивает ее к себе и целует в щеку:

— Я ждал тебя! — его глаза становятся влажными.

— И я! — отвечают ее пересохшие губы.

«Какой же он притягательный, — восхищается Юлия, крепко держа его за руку и пробиваясь к выходу. Но понравилась ли я ему?»

«Несмотря на прорву лет, — отмечает он, — мы равнодушны друг к другу!»

— Это мое авто! — кивком показал он, а потом открыл багажник и одним движением сунул туда ее чемодан и поспешил открыть переднюю дверцу. — Садись!

Они двинулись в дорогу, объезжая стороной город Белград.

— Не бойся меня! — произнес он, и, улыбаясь, показал открытую ладонь. — Ты будешь, как капля воды, что надо пронести и не разлить.

Она улыбнулась в ответ, испытывая новые ощущения и не переставая внутренне дрожать. Рядом находился брутальный мужчина, которому ей хотелось нравиться, но уверенность ее во взаимности его желания куда-то улетучилась. И куда-то подевалась раскованность. В один момент она почувствовала свою незащищенность и свой возраст: «Вот когда надо было к Кантовичу на пластику ехать, а я дура в тридцать пять». Правда, в парикмахерской она помолодела на десять лет. Ей хотелось открыть сумочку, достать зеркало и посмотреть на себя, но она только провела руками по волосам, вороша их.

Он увидел ее жест:

— Красива коса¹!

— Была коса у меня. Обрезала, — показала она двумя пальцами.

Он заглядывался на нее и улыбался тихой улыбкой.

— Так удобнее, когда покороче, — она попробовала прямой взгляд.

¹ Волосы (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

«И проблем меньше: состригая волосы, состригаешь проблемы. Но чтобы все мои проблемы состричь, надо стричься наголо».

— Моя коса тоже кратка, — показал он на свои волосы.

— Понятно, — наконец, догадалась она, — коса, значит, волосы?

Он кивнул и опять улыбнулся.

Она отвернулась к окну и ругала себя за то, что сидит сейчас, как клуша, и не может поддержать беззаботный разговор, а надо было хотя бы сербский разговорник приобрести.

По загруженной трассе Мирослав вел машину уверенно, без рывков и внезапных торможений, ловко протаскивая свой джип в образовавшиеся просветы между автомобилями.

За окнами не видно ни пролеска, ни холма. Убранные поля, желтеющая трава, и лишь отдельные вереницы деревьев вдоль дороги напоминали о разнообразии растительности. Юлия сказала:

— Как в Ростовской области — поля. Не чувствуется, что это совсем другая страна.

— Да, у нас в Воеводине все ровно. Где је Фрушка Гора, биће брдовито¹.

— Как?

Он провел рукой в воздухе волнистую линию:

— В низине Фрушка Гори будет так. Мы едем туда.

Проехав час по равнине, а потом еще полчаса по холмистой местности вниз, они приехали в Карловцы.

¹ Где Фряжская гряда, будут холмы (сербск.).

«Как же здесь чисто! Здесь нет тех, кто пачкает свежепокрашенные стены домов, двери подъездов, оставляет пивные бутылки возле скамеек? А наши многострадальные водосточные трубы, обклеенные объявлениями! Кажется, что они сделаны из папье-маше. Неужели здесь начисто извели варваров? Или перевоспитали их?»

— Красиво и чисто, — произнесла она вслух и для верности повторила. — Я говорю: очень чисто!

— Понял-понял, — отозвался Мирослав, а потом покачал головой. — Штраф вэлики за порчу државного имущества. А так бы...

— Где-то здесь у меня жила бабушка, — призналась Юлия.

Признание было столь неожиданным, что он резко повернул к ней лицо:

— В Карловцах твоя баба?

— Да, — охотно подтвердила Юлия и подумала, что нашла еще одну точку соприкосновения.

— Ты не говорила об этом.

— Она умерла. Очень давно.

«Она хочет навестить ее могилу», — предположил он и вслух спросил:

— Ты хочешь узнать о ней?

— Хочу.

— Будет время.

Они подъехали к изящному дому, фасадом напоминающему о феиных сказках с эльфами и гномами. Окруженный живой изгородью, дом бледно-розовой штукатуркой выделялся среди оголенных деревьев, будто освещая занимаемое пространство.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Ворота распахнулись, обнаружив в проеме воинственного пса.

— Он — Босс. Мой друг и твой, — погладил его Мирослав.

— Босс, она же наша! — предупредил его хозяин, и увлек Юлию за собой. — Не бойся его, он не обидит, он очень стар и паметный, поняла меня?

— Паметный?

— Умный будет, по-русски.

«Надеюсь, что этот волкодав без намордника бежит за мной, чтобы спросить, как мои дела».

Дверь закрылась. Юлия осмотрелась и подумала: «Как у него уютно! Роскоши нет, и это даже лучше. И хорошо, что нет лишней мебели».

— Здравствуй, благородный дом! — собственный голос кажется ей чужим.

— О, я говорю ему просто: «Здрaво!»

Юлия устроилась в кресле, находя удобное положение:

— Мой приезд тебя удивляет? — она начинает говорить быстрее, ускоряя освобождение от неловкости. — Я и сама удивляюсь себе. Наверное, не надо было мне первой. Но я хотела тебя увидеть и попросить прощение за тот наш разговор в Знаменске, помнишь?

Он поставил столовые приборы и ароматно дымящееся блюдо:

— Помню. И сожалею о той ссоре день и ночь!

Как они выглядят, счастливые люди? По-разному. Одни щебечут без умолка, другие ругаются и мирятся, третьи улыбаются и становятся немногословны. Но

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Твой сад?

— Нет, не сад. Сад — это ябуке, крушке¹... А я сажал двеста деревьев, чтобы была...

— А, чтобы была роща? Ничего себе! Ты один посадил двести деревьев?

Он улыбнулся:

— Двеста.

— Разных пород?

— Да, там хростови, тополе, багреми, сибирски брестови!²

Юлия подошла к посадкам:

— Господи, да здесь и дубы, и акации, и тополя... Это твоя земля?

— Нет, это градска земля...

— Земля принадлежит городу?

— Да, али овде општина нема плана за дуже време³. Не будут строить ничего там.

Позапрошлогодние саженцы уже надежно укоренились в земле и скоро возьмут свое. Еще года два, и дом Мирослава не будет виден с северной стороны, от любопытных глаз его закроет зеленая роща.

Уже сейчас соседи испытывали трудности обозрения территории, на которой стали раздаваться два голоса вместо одного мужского. Они привыкли, что Дьяконович, по настроению, говорил и тогда, когда один: «Босс, как бы ты поступил на моем месте?» В итоге он уходил в дом, скорее всего, поесть или поспать.

¹ Яблоки, груши (сербск.).

² Дубы, тополя, белые акации, сибирские вязы (сербск.).

³ Да, но здесь у общины нет планов на ближайшее время. (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Очень вкусный кофе, спасибо! — воскликнула Юлия, поставив чашку на стол.

И сразу вся комната зашумела:

— Нема на чему! Драго ми је што вас видим! Како сте?¹

Пустились глядеть в будущее. Про то, как не стало СССР, а потом «всем захотелось». Хотя и фашистскую гадину вместе раздавили, а это ни себе чего. Про Грецию, что в Евросоюз вступила, и Сербию, что собирается. А диктатура американцев — не шутка. И про то, как в мире все дешевет, у нас все дорожает. Про ту самую сторону, на которой все хорошо, а на другой-то обязательно мы находимся.

Так за столом и обеда дождались.

Ништа не смеэта!² — хозяева никак не хотели отпустить гостей из дома.

После вопроса «Что для вас Ленин?» Мирослав взял быка за рога:

— Так, все! Пошли Юля! — и, обращаясь вежливо к родне, церемонно раскланялся. — Пријатно!³

— Здраво, Миле! — гласно звенит утром голос Жарко, родственника по отцовской линии. — Приходи к нам на јагње и гибаницу?⁴ Один не приходи. Веди рускиню!

¹ Не за что! Рады вас видеть! Как дела? (сербск.)

² Никакого беспокойства! (сербск.)

³ Приятного настроения! (сокр. сербск.)

⁴ Слоеный пирог (сербск.).

— А тамбураши¹ будут?

— Как без тамбурашей, будут!

Мирослав прояснил лицом:

— Вечером пойдем в гости! Зовет троюродный брат по случаю выхода на пенсию. Будет ягне и тамбураши.

— Фуршет, что ли, планируется?

— Кой фуршет? Не люблю я эти фуршеты, — жестикулируя, Мирослав изобразил в одной руке вилку, в другой тарелку и натужную улыбку и позу. А потом заключил: — Ягне надо есть сидя.

Запах дыма и жареного мяса чувствовался далеко от ворот дома. Гости были уже тут как тут, но их уста сковывала робость перед новой гостьей. Она вошла в распахнутом светлом пальто, подчеркивающим темный блеск платья, лежавшего на высокой груди, и переливы жемчуга на глухом вороте. Не зная, как себя с ней вести, они окружили печь, на которой в легком дымке от перегоревших поленьев жарился барашек. От густого соблазнительного запаха и шипенья капющего жира у присутствующих появился кураж, и они принялись подначивать Жарко, наливавшего гостям ракию в маленькие рюмочки.

— Жарко, тако у вранянцев и пирочанцев²!

— Како?

¹ Тамбура – музыкальный инструмент. Тамбураши – музыкальная группа, исполняющая застольную и народную музыку. (сербск.)

² Вране и Пирот – города на юге Сербии, где жители славятся своей прижимистостью.

Тут же вспомнили и анекдот про кофе, когда врачанец пришел к пирочанцу в гости, и тот ему подал чашку горячей воды и два раза окунул в нее привязанное за ниточку кофейное зернышко. Когда наступил черед пирочанца испытать гостеприимство, то врачанец привязанным зернышком только провел над чашкой, дескать, «тогда был очень крепкий кофе».

Когда добра ракица маленькими порциями начала падать в желудки, да еще сдабриваться тонкими кусочками соленого мяса, так языки сразу развязались, и последовал тост за повара.

— Кувам, перем, пеглам и чекам поштара!¹ — повеселевшими глазами хозяин осмотрелся по сторонам и, не увидев рядом жены, прищурился.

— Жарко, зашто ти чекаш поштара?²

— Да ме кресне да будем комплектна домаћица³...

Его ответ прервался шлепком влажного полотенца подошедшей сзади супруги Милицы:

— Шта говориш?⁴

Пол-литра ракии хватило только на один тост, и гости потянулись в натопленный уютный дом, где дух барашка смешался с ароматами разносолов, напитков, фруктов, выпечки. Все уселись за длинный стол, облепив его, как пчелиный леток. Позвякивали рюм-

¹ Готовим обед, стираем, гладим и ждем почтальона. (сербск.)

² Почему ждешь почтальона? (сербск.)

³ Чтобы домохозяйка была в полном комплекте. (сербск.)

⁴ Что говоришь? (сербск.)

ки, вилки, и от кулинарного изобилия у всех на душе стало спокойно. Чествовать хозяина дома, пять лет назад вышедшего на заслуженный отдых, собралось человек тридцать. Гости кивали с разных концов стола, Мирослав успевал только комментировать, кто есть кто: стрина, брет, кћерка, братанац, зет¹...

Хозяева усадили Мирослава и Юлию поближе к себе, стараясь всячески угодить.

— А кромпир, а краставци!²

— А туршија, а ајвар?³

Довольные, разгоряченные, словно вернувшиеся с важного задания, гости уже и не вспоминали тему чествования пенсионера. Перебивая громогласные разговоры, Мирослав без всякого перехода объявил:

— С вами сидит Юлия, она пишет книги об отношениях между людьми и о красивой любви!

Юлины книги никто не читал, но не в этом дело. Народ вежливо удивился, и перед Жанкиной тут же легла стопка хорошо сохранившихся книг — «Анна Каренина», «Герой нашего времени», «Стихи А.С. Пушкина», «Белая гвардия» и сверху «Избранные произведения В.И. Ленина» на сербском языке.

— Вы это читали?

Хозяева заулыбались и закивали головами.

Потом опять начали болтать и предлагать друг другу кусочки из дальних тарелок. Мирослав, выпив

¹ Тетка (жена брата отца), брат, дочь, сын брата, зять. (сербск.)

² А картошку, а огурцы? (сербск.)

³ А квашеную капусту, а соус из печеного болгарского перца? (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

еще рюмку ракии и пощипав бараньи косточки, опять всех перебил:

— А вы знаете, у Юлии в Сербии живет сестра с мужем, а раньше у нас в Карловцах жила ее бабушка!

Все одобрительно загудели, но стали опасливо поглядывать в ее сторону, как бы чего лишнего не сказать. А потом разговоры опять выплеснулись из берегов. О чем они говорили? Да еще так живо! Юлия, едва улавливая суть, наблюдала, как кто-нибудь из гостей изображал какое-нибудь событие в лицах. Но если бы она знала, о ком или о чем идет речь, ей было бы так же весело, как и всем остальным. Периодически Мирослав спрашивал: «Тебе понятно?» Чтобы никого не смущать, она попросила полистать буклет и тут же сообразила, что совсем не обязательно впяливаться в глаза говорящим, достаточно поглядывать, дружелюбно улыбаясь, и ситуативно вставлять «Да-да», «конечно» или что-то в этом роде.

Проще стало, когда появились музыканты и зазвучала своеобразная переливчатая музыка, перемежающая славянские и восточные гармонии. Скрипка, гитара, контрабас и аккордеон в руках цыганских исполнителей звучали то бравурным танцем, то задумчивой песней.

— Джюра, певай «У младости»! — попросил хозяин и, отогнув край скатерти, положил купюру.

Джюра певал под свою гитару сипловато и рыдалисто, унося душу Жарко неизвестно куда. Раскачиваясь телом, хозяин слушал, плакал, смеялся, заказывал еще песню, откладывая купюры тамбурашам. Вечеринка двигалась самоорганизованно, без тамады и ве-

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■
леречивых банкетных тостов. Застолье сопровождало хоровое «Живели!»¹ со звоном бокалов.

В небольших паузах между разговорами и едой к Юлии подходили, жали руки, одобрительно кивая Мирославу: «Она је лепа!»

— Нико не воли жену гадну, и суботу радну!² — отшучивался Мирослав.

— Я — Степанов, — кивнул подошедший гость. — Русский, но језика нэ знам.

— Это Владимир, он художник, — пояснил Мирослав. — Зять моего двоюродного брата.

— Мои предки живут в Србии два века, а я был в Москве только в том году. Два дана³ — и все понимал по-русски. Я ёш поеду у Москву! — казалось, он выплеснул все знакомые русские слова, чтобы представиться «своей рускине», но его перебил сочный мужской голос, который тут же утонул в хоре других зычных голосов:

— *Расцветали яблони и груши...*

Сидя нерушимой хоровой цепью, сербы исполняли «Катюшу» нисколько не хуже российских ветеранов, наизусть знали все четыре куплета и вели мелодию, как задумал композитор.

После кто-то сказал:

— Руси су победили у рату и живе у миру⁴.

¹ Будем живы! (сербск.)

² «Никто не любит жену некрасивую и субботу рабочую». (сербск. посл.)

³ Дня (сербск.).

⁴ Русские победили войну и живут в мире. (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

Взволновавшаяся толпа в очередной раз прилежно затихла, и глаза обратились к Юлии.

— Нет, воюем до сих пор! — раздумчиво произнесла она. — Теперь словесными и печатными пощечинами.

— А! — махнул рукой Мирослав. — Так воюет весь мир!

Тамбураши заиграли сербскую песню. Печальная и протяжная, она разразилась устами всех присутствующих. «Проклета Америка», — задумчиво пели женщины и мужчины.

— О чем эта песня? — прошептала Юлия в ухо Мирослава.

— Америка когда-то забрала у нас много молодежи. Они уезжали на заработки, — приглушенно стал объяснять Мирослав, прервав пение. — Семьи разделились, и старики стали одинокими.

Оцепенение продолжалось недолго. Тамбураши понятливо взяли нужный лад:

— *Лажем себе, да могу без тебе. Лажем мајку и све око себе...*¹

Празднество перевалило за полночь.

— Я принесу кафу!² — предложила хозяйка.

— Нет, — загалдели гости. — Давайте пить, что пили — ракию!

— Они не собираются расходиться? — спросила Юлия.

¹ Обманываю себя, что могу без тебя. Обманываю мать и всех вокруг себя... (сербск.)

² Кофе (сербск.).

— Не хотят, — пожал плечами Мирослав, радуясь возвращению в уют родственных посиделок.

Тамбураши выпиливали смычками так, как душа заказывала. А молодежь снова и снова затевала столбовой хоровод.

*Лепа је ко сан, име јој не знам, не могу без нје, без незнанке те...*¹

— Какое два сата по поноћи! Док је рускиња ту, ја не идем!² — отбивался от жены один из гостей.

Смысл его дальнейших пререканий с супругой сводился к тому, что он так и ляжет спать обутым и не раздетым. Но он так и хотел, нарядным встретить утро.

— Ты понравилась ему, — прокомментировал Мирослав. — Вон, как он смотрит.

— А тебе нравлюсь?

— Мне больше! — он заговорил в ее ухо, и оно покраснело от стеснения.

— Здраво, Мирослав! У Славко умер отец. Похороны в двенадцать, приходи.

Славко — старый приятель Мирослава, они учились в одной школе, потом часто встречались по работе. Не пойти никак нельзя. Мирослав должен идти попрощаться с отцом Славко.

¹ Красивая, как сон, имени не знаю, не могу без нее, без этой незнакомки... (сербск.)

² Как два часа ночи! Пока русская здесь, я не пойду! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Скажи, что у вас положено говорить в таком случае, — спросила Юлия по дороге на погост.

— Ничего особенного, иди за мной! — радовался он ее готовности следовать за ним даже на такое дело. — Пожмешь руки стоящим у гроба родственникам, и скажешь: «Саучествујем!»¹ и больше ничего говорить не надо. — И на всякий случай добавил. — Он был очень хороший человек!

На кладбище возле капеллы, строгого одноэтажного прощального дома, похожего на мавзолей, толпился, казалось, весь город. Они зашли внутрь, где на постаменте возвышался гроб с телом покойного, окруженный в изголовье печальной родней. Отпевание уже состоялось, а церемония еще не закончилась, и люди небольшими группам собирались на улице, поминая ракией, вином или водой того, кто прощался с миром.

Славко все же нарушил обычай, предписывавший родственникам в последние минуты скорби никуда не отходить от покойного, и вышел на улицу. Он нашел взглядом Мирослава с его спутницей и быстро подошел к ним:

— Ви приехали из Советского Союза? — он пожал Юлии руку.

— Из России, — поправила она.

— Из великой Руси! — уточнил он и продолжил. — Я немного говорю по-русски. Учил в школе. Я люблю Русию и мой отец тоже любил Русию, жаль, что он не встретился с вами. Спасибо, что пришли к нам!

¹ Сочувствуем! (сербск.)

— Я помолюсь за него! — соболезновала Юлия.

«Господь! Помилуй раба твоего!..»

Следующий день — прохладный и сырой. Воздух пропитан запахом влажной земли и прелых листьев. Поредевшие и порыжевшие тополя молча смотрели на дорогу, ведущую в город Нови Сад. Встреча с другим городом ничем не напоминала предыдущую. Оставив машину на стоянке, они направились к мосту, не тронутому американскими бомбежками.

Под ним грозным серым потоком бурлил широкий Дунай. Его берега опасно обрывались в темные воды, словно предупреждая о суровом характере волн, и не сулили безмятежного прибрежного отдыха. Высокий мост, удаляя от темных осенних вод, вел к Петроварадинској тврђави¹ — старинной крепости с большими круглыми часами, на вершину которой пришлось долго подниматься по каменным ступеням.

Они шли, взявшись за руки, как дети, изредка прикасаясь друг к другу плечами, то и дело останавливаясь, обращая внимание на какую-то мелочь, и смеясь, снова шли вперед.

Компенсацией за крутое восхождение послужил красивейший вид на Дунай, который панорамно прорезал жилые кварталы города, уходя в дали горизонта. Туда, где река разделялась на причудливые ветви и отливала старинным серебром среди необозримых полей и плантаций.

¹ Петроварадинской крепости (сербск.).

— Какая красота! — прошептала Юлия. Пейзаж покорила ее сразу, а Мирослав был счастлив, что она оказалась здесь впервые вместе с ним. Он следил за изменчивым выражением ее лица, поворотами головы и думал: «Всякий раз, поднимаясь сюда, я видел известные мне края. И все же теперь знакомая до подробностей картина представляется совсем иной, будто она изменилась вместе со мной. Странное дело, знаешь каждую дорожку, каждый придорожный камень, и вдруг наступает мгновение, когда знакомые места предстают по-новому, обретают новые прекрасные формы». Губы его дрогнули, и он прерывисто прошептал:

— Ты мне очень нужна! У меня такое чувство, будто мы всю жизнь были вместе.

Шквал чувств, как порыв ветра, толкнул их в объятия друг друга.

— Да, и мне так кажется. Только вот через три дня...

— У нас еще целых два дня!

— Да, ты прав, не будем считать минуты, будем радоваться им.

К вечеру они были голодны, как волки. С чувством удивительного облегчения были проглочены ароматные ћевапи¹, выпито легкое светлое вино, и, настроенные на домашний лад, они отправились в обратный путь.

— Нет, подожди, — Мирослав резко остановил машину на одной из улиц. — Зайдем сюда! — Они во-

¹ Особым способом приготовленное мясо (сербск.).

Деревянные столбы веранды, некогда увитые виноградом, оголились, оттолкнули слой зеленой краски и почернели. Отдельные плитки мозаичного пола веранды вывалились, как старые зубы, и блестящий на солнце узор затянулся ползущей травой. Колодец исчез вовсе — видно, иссяк, прогнил и завалился в сильный шторм.

Благоухавший некогда разноцветьем сад оказался запущенным. Никому не нужные цветы росли, как попало, пробиваясь через высушенную траву, которая окружала и дом, и замызганную сажей дворовую печку, наползая на стены и расползаясь по дорожкам.

Юлия нерешительно остановилась посреди всего этого упадка и с горечью произнесла:

— Теперь здесь никто не живет...

— Да, — согласился Мирослав, — в саду давно никто не работает.

Вдруг дверь дома приоткрылась, и в проеме показалась чья-то фигура. Человек устало уперся в косяк двери и развязно прошамкал:

— Шта тражите ту?¹

Вздрогнув, Юлия быстро подошла к двери дома и заговорила:

— Здраво! Здесь жила Янина Топильска. Она умерла?

Худое тело покачивалось, он сопел и молчал, глядя на нее, как на привидение.

Мирослав медленно и внятно задал вопрос по-сербски и, услышав тягучий ответ, посмотрел на Юлию:

¹ Что вам тут надо? (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Он говорит, что здесь живет его семья и он не знает никакую Янину.

— А Светлану Райкову знает? — спохватилась Юлия.

Теперь оба мужчины смотрели на нее подозрительно. Подбирая простые слова и жестикулируя, она начала втолковывать, что Янина, она же Светлана, только ей пришлось жить с чужим паспортом.

— Другой пасоп¹? — попытался уловить Мирослав.

— Да, она боялась немцев и взяла другой паспорт, — кивала Юлия. — Но могла жить в этом доме и под своим именем.

Мирослав снова спросил хозяина, знает ли он Райкову. Тот тряс головой, твердо отрицал, еще раз повторив, что это его дом, и кроме него и его семьи здесь никто не живет и не жил.

— Как не жил?! Он обманывает. Она много лет назад умерла, а раньше жила здесь. Я же вижу, что это ее дом. Я помню этот дом, помню.

Прекращая надоедливый разговор, хозяин шумно захлопнул дверь.

— Ну, я же помню! — крикнула она в закрытую дверь.

— Хочешь, я покажу тебе, где стоял колодец? — запальчиво предложила она Мирославу. — Он стоял вон там! И если мы с тобой сейчас туда подойдем, увидим следы от него.

Мирослав взял Юлию под локоть и повел прочь из сада:

¹ Паспорт (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Не надо спрашивать. Он пьян. Вероятно¹, не помнит ничего.

— Но ведь есть же какая-то управа, в которой содержатся сведения о домовладельцах? Полиция, например. Можно хотя бы попробовать!

— Можно попробовать, но... нет, не в полиции, — Мирослав отрицательно покачал головой, а потом показал рукой на другую сторону улицы. — Комшија² может знать.

Двор соседа хорошо просматривался из-за полуголых деревьев. Молодой мужчина сидел возле огромного черного казана литров на двести, чудом удерживаемого аккуратной печью. Юлия догадалась, что там происходит какой-то сложный химический процесс, поскольку от крышки казана свисала трубочка, заставляющая булькать нечто в посуде, стоящей рядом с печью.

Сосед быстро обернулся на окрик Мирослава и, оставив свою работу на мальчика-подростка, быстро подошел к калитке. Жестикулируя и кивая в сторону дома напротив, он отрицательно вертел головой и говорил «не знаю». Потом улыбался, и опять «не знаю» и что-то еще.

«Может, я перепутала? — начала сомневаться Юлия. — Вроде бы этот дом...»

Короткий разговор мужчин перешел в другое русло. Мирослав, показав на горячий казан, спросил хозяина дома о ракии. Тот заговорил о доброй кајсији и

¹ Вероятно (сербск.).

² Сосед (сербск.).

Утром шестого дня за дверью загалдели, зашумели, шаркая сменой обуви. Голос Мирослава кого-то знакомого радостно приветствовал в холле. «Кто это, на ночь глядя?»

Дверь распахнулась.

— Это мой сын Братислав, а это Юлия, я говорил тебе.

— Драго ми је¹, — по-сербски приветствовала она. Глаза Братислава тревожно улыгнулись.

Он сел на диван, подтянув одну ногу на колено другой, и заговорил с отцом. Речь беглая, порывистая, со смешками, в лицах. Глаза в глаза с отцом. Но не глядя в сторону гости.

К самоуверенным молодым щеголям Юлия относилась без особой симпатии. Она не раз видела, как такой вот папенькин сынок, развалившись в машине и включив проигрыватель на полную мощь, ожидал, пока отец, пыхтя и заливаясь краской стыда, объяснял ей, что его чадо ни в чем не виновато, и какой он, на самом деле, домашний ребенок. «Только несправедливо приговорить незнакомого мне парня к числу эгоистов, только на том основании, что он молод и красив.

«Улыбаться и терпеть». Это тоже шахматная партия, как когда-то учил отец. Достоинно жертвуешь своей фигурой, получаешь выгодную позицию. Может, даже выигрываешь партию.

¹ Очень приятно! (сербск.).

Ей хотелось играть. Честно и напористо. И нет ничего невозможного.

— Братислав, ты любишь литературу, как и твой отец?

Он повернул лицо:

— Шта?¹

— Ты пишешь, как и Мирослав?

— Юлия спрашивает: «Ты книжевник?», — переводит Мирослав.

Глаза Братислава снова смотрят поверх голов:

— О, тата, још морам купити машину за прање посуђа и фрижидер².

— Нет, у него бизнес, — отвечает отец за Братислава. — Как у вас скажут, ремонтовано. Он рассказывал, что сделал ремонт кухни у себя и покупает все новое.

Братислав допивает стакан воды. Поднимается, жмет руку отцу и здоровается с ним:

«Господи, меня не существует. Я стала молью?»

Мирослав спокойно провожает сына, обнимает его, говорит «приходи».

Юлия с трудом подавляет эмоции:

— Мирослав, я не понравилась ему, да?

Он пытается успокоить, говорит, что она не должна об этом думать. Братислав живет своей семьей, отдельно, у него своя жизнь. Почему не приходил в день ее приезда? Был занят, освободился и пришел. Да, ха-

¹ Что? (сербск.).

² О, папа, еще я должен купить посудомоечную машину и холодильник. (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

рактеры разные. У Братислава такой. Но он добрый и хороший парень!

Возможно, он упустил свой шанс жить по-другому. Но уже ничего изменить нельзя. В Европе так. Второй шанс — это очень большая удача, практически нереальная. Раньше можно было чуть не каждый день менять себя и начинать все заново. А сейчас одной ошибки достаточно, чтобы потерять все. Все знают и тебя, и твою семью. Чем бы ты в дальнейшем ни занимался, твои ошибки всюду следуют за тобой.

— Я понимаю его настрой, и ты должна понять, — убеждает он. — Это самый близкий для меня человек на Земле. Сын, понимаешь? У нас говорят: «Сваки чоће да буде бољи од других људи, само од свога сина чоће да буде гори¹». Это значит, что каждый мечтает быть хуже только своего сына.

Но внутренний голос Юлии настойчив: «Это семья, маленькая и прочная. Парень никогда не примет мачеху. Ни-ко-гда, и не надо иллюзий!» Она натужно произносит вслух:

— А если я приму твое предложение и вот так сваюсь тебе на голову?

— Как это, сваюсь?

— Перееду к тебе. Сюда. В этот дом.

— Правильно!

— Но этот дом Братислав, наверное, считает своим наследством?

— Так и есть. Этот дом будет принадлежать ему, так у нас по закону.

¹ «Каждый человек хочет быть лучше других, и только хочет быть хуже своего сына». (сербск.)

Стремление к правде вынудило ее деформировать образ Мирослава и создать совсем другой. «Все правильно, надо наслаждаться жизнью, пока все живы», — тут же подумала она и спросила:

— А если ты встретишь другую женщину, то я должна буду...

— Почему ты думаешь о том, чего нет? — удивился он.

Вечерняя поездка в Палич отодвинула тревожные моменты. Палич как райские кущи напоследок пребывания в Сербии. Он в десяти километрах от границы с Венгрией. Курортный городок вдоль берега красивейшего озера, казалось, построен для того, чтобы показать, какой красивой может быть архитектура в сочетании с природным ландшафтом. Или наоборот: как человек, создавший своими трудами это озеро, может украсить свою жизнь!

Лучшее место для влюбленных! Нет, оно не может быть тихим в летнюю пору, а сейчас, поздней осенью, это настоящая поэтичная долина.

Внушительный зал прибрежного ресторана собрал за каждым столиком говорливых посетителей. Шумно, гуляют славно, от души. Подпевают тамбурашам¹, танцуют. «Станите дани, станите ноћи²...» — поет баритон, витиевато обводя голосом длинные ноты.

¹ Музыкантам, исполнителям народной музыки (сербск.).

² Остановитесь дни, остановитесь ночи (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Мы нужны друг другу, да? — губы Мирослава вздрагивают. — За нас с тобой!

— За нас! — с надеждой вторит Юлия.

Почти стемнело, и столики начали пустеть. Наконец, они остались совсем одни.

— Давай, ты возьмешь и переедешь ко мне, — попросил он, с трудом сдерживая волнение.

Она кивнула как-то безучастно.

— Что с тобой? Ты не хочешь?

— Нет, все в порядке, — отозвалась она. — Но все-таки мы подождем.

Он смотрел на нее с удивлением, замечая, что она чувствует себя не в своей тарелке. А ведь еще утром она светила счастием.

— Что произошло? — настаивал он.

— Жизнь заставила меня верить только тому, что видишь своими глазами, — медленно заговорила она. — А я вижу, что могу стать для тебя обузой.

— Обузой? Как это?

— Это таким камнем, который придавит тебя к земле.

Он вдруг увидел, что она едва сдерживается, отводя взгляд в сторону, а в глазах появился блеск слезинок.

— Ты не представляешь, как я счастлив с тобой!

— Представляю.

— А ты?

— И я.

Они сидели напротив друг друга, держась за руки, словно срослись пальцами и взглядами.

Прижавшись к забору напротив знакомого дома, она увидела, как из двери, что в глубине сада, выскакивают один за другим цыганские ребяташки. Трое, четверо, семь, одиннадцать. Одиннадцать детей! Окружив жилистую цыганку, разодетую в пестрые тряпки, вся ватага шумно покати́лась по улице.

Почти над ее ухом зазвучал старческий голос:

— Ајде брже!¹

Вздвогнув, Юлия повернула голову.

— Что?

Потом решительно повернулась к нему и спросила.

— Вы давно здесь живете?

Старик закивал и заулыбался.

— Здраво! Добро дошла!² — он щелкнул пальцами и сам себя перевел на русский язык. — Здраво, добро пожаловать!

— Здраво! Вы немного говорите по-русски?

— Так..., — он тут же покрутил ладонью. — По-мало³, мало. Я говорю, — он махнул рукой в сторону цыган, — пошли работать в Нови Сад.

— Работать? Просить деньги, наверное?

— Они все работают. Все!

— Где их отец? — спросила Юлия. — Он говорил мне тогда, что живет здесь всю жизнь.

— Ко зна⁴? Видел его один, два... раза.

¹ Быстрее идите! (сербск.)

² Здравствуйте! Добро пожаловать!

³ Немного (сербск.).

⁴ А кто знает? (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

— Его «Кармен», — Юлия показала на безымянный палец, намекая на брачное кольцо, — такая маленькая, худая, как же она смогла их всех родить?

— Ко?

— Жена его.

— Рада? А! Работает...

— Рада? — переспросила Юлия.

Он кивнул.

— Сколько ей лет?

Он выпрямил четыре пальца:

— Четырдесят¹.

— Сорок?

— Так...

— А старшему сколько?

— Ко то зна²... Дети так, — он показал рукой наклонную линию. — Так... И еще родятся. Это... цыганская игрушка.

— Это от бедности, — уверенно произнесла Юлия.

— От света, — широко улыбнулся он.

— ? — она развела руками, не понимая, что он хочет сказать.

— Свечицу зажгут — вышел ребенок, другую — второй, третью — третий... Мушкарац кричит повитухе: «Гаси свечицу, они летят на свет».

Он засмеялся, и сквозь смех, замахал ладонями: «Как бабочки».

— Так легко, — улыбнулась Юлия.

Он покачал головой и сказал, увидев подходящего к ним Мирослава.

¹ Сорок (сербск.).

² Кто это знает... (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Не так легко. Для всех нас. Это зло.

— Дети — зло? — переспросила Юлия.

Он продолжал настаивать на своем, и Мирослав, к ее удивлению, соглашался с ним.

— Они ходят ко всем! У Пайи, — махнул рукой куда-то вдаль, — взяли... папуче... тапки, у меня пальму. Она је тако тешка¹, нас трје смо несли буре из куће у башту². А они дети. Дети? Это зло, — опять повторил он. — Код комшије, — большой палец выразительно показал назад, — су украли живину... кокошку, дошли су сутра, сутра и показују на петла. Комшија: «Шта радите?» Они: «Мајка је скувала добру супу. Хоћемо још! У ову кућу су дошли по зеца, а одавде — узели врата³. Это зло!

— А полиция куда смотрит?

— А! Полиция! Они дети, что работать с ними? Как они к нам пришли, живот је постао гори⁴.

— Цыгане, — задумчиво произнесла Юлия, думая о своем. — А можно я посмотрю, как они живут?

Мирослав потянул ее за рукав к машине, но она выдернула руку и решительно пошла по дорожке к дому.

Сосед неопределенно пожал плечами и осторожно поплелся за ней в цыганский дом. Отодвинув за-

¹ Такая тяжелая (сербск.).

² Мы троим несли бочку из кучи в сад. (сербск.)

³ У соседа украли курицу. Пришли назавтра и показывают на петуха. Сосед: «Что делаете?» Они: «Мама сварила хороший суп. Хотим еще! В этот дом пришли за кроликом, а из того — унесли двери. Это зло!»

⁴ Жизнь стала хуже. (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

сов, она заглянула внутрь. В доме царил беспорядок, но она успела заметить, что обитатели натаскали из соседних церквей дарственные святым угодникам подношения прихожан, и потому на убогих стенах красовались иконы в старинных окладах, а на столе стоял недорогой, но оригинальный подсвечник. Очевидно, именно таким образом хозяева пытались контактировать с Богом, хоть бы из-за боязни расстроить отношения с органами правопорядка. И все же результат кражи был налицо — плохо прикрытые старой ветошью в углу комнаты лежали резиновые покрышки.

— Чью-то машину «разули», — Юлия затворила за собой дверь и направилась к подобию калитки.

— Есть у нас и домаћи¹ цыгани, — подхватил ее мысли сосед. — А эти нет. Пришли из Румунии, и никто их не выгонит.

— Значит, они заняли пустой дом?

— Шта?

— Я говорю, они взяли этот дом себе?

— А ко отдаст свой? Взяли, кой был.

Юлия выразительно посмотрела на Мирослава:

— Видишь, значит, здесь все-таки жили другие люди!

— Думаешь, твоя баба?

Юлия молча покачала головой и произнесла:

— Сначала думала, а как внутри посмотрела...

Снаружи дом очень похож.

Мирослав тут же предположил:

¹ Домашние (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Но такова была малая кућа и у моего деда Гаврилы. В Постире.

— В Постире? — Юлия побледнела, вспомнив что-то такое, что постоянно ускользало от нее.

«В этом самом Постире я когда-то... Она узнала то время!

Жизненная пленка стремительно отмоталась назад, и подробности отдаленных событий вспомнились, как вчерашние. Там была она и не она. Будто некий профессиональный кинооператор так искусно расположил изображения на кинопленке, что они не накладывались одно на другое, а составляли единое целое. «Вот по этой дороге мы ехали на извозчике — это моя бабушка ехала. Там мы жили в Карловцах — какие интересные у меня были прадед и прабабка. Гимназия — я тоже первый раз влюбилась в школе. Постир! Господи, я еще и угодила на собственные похороны...»

— Мирослав, я сейчас сойду с ума! — промолвила она.

— Что ты говоришь!

— Я не выдержу этих воспоминаний, понимаешь?

Казалось, он понял, о каких воспоминаний идет речь, когда произнес:

— И Раду вспомнила?

— Да, все вспомнила! Этого не может быть! Зачем выдумывать еще одну жизнь? Чужую!

— Не совсем чужую, Юлия, так ведь?

— А как я должна это понимать, а?

— Я понял, позже, как посмертную волю.

Юлия хмыкнула: «Вот как!»

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

«А мне и правда нужна таблетка *от* головы. Убрать бы эту голову на перезагрузку!» — подумала Юлия и нашла ответ соседке:

— Не стоит. Это, наверное, линзы в глазах.

— Так надо снять их, — предложила соседка. — Я слышала, что они часто вызывают дискомфорт.

— Ничего, я потерплю, — нетерпеливо ответила Жанкина.

Глядя на объемные громады облаков, Юлия думала о своих «линзах», которые снять не получится никогда, и они будут постоянно демонстрировать ей уникальное кино. Совершенно немислимо эти «линзы» — от Бога или Люцифера — дали ей ощущение вечности.

«Странная какая-то жизнь стала — увеличилась в размерах, в людях, в событиях! Появилось чувство того, что все жизни записаны каким-то гением на длинную кинолентку. Где, интересно — в Небе? Эту пленку можно взять, как из архива, и посмотреть. Изменить нельзя, а посмотреть можно. Причем без купюр, без намеренных недоговорок — как на духу. Вот так, наверное, на Страшном суде пойдет просмотр жизнедеятельности каждого, а мы-то думаем, что прожили свои мелкие ошибки и большие успехи, и никто их не заметил!

Господи, да ведь я же, наверное, и Светланину жизнь развернула на сто восемьдесят градусов! Что я принесла в строгий порядок их семьи? Свои обиды, нелюбовь, ревность? Проблемы, с которыми сама не справилась? Я не дала им прожить жизнь по их правилам...

А кем я являюсь сейчас, после двойной жизни? Райковой или Жанкиной, если дух всегда следует за мозгом и телом? Спокойнее осознавать себя Жанкиной, ведь я жива, а Райкова вместе с ее временем ушла в небытие. Дочь, внуки, сестра, родные, знакомые, друзья знают меня такой, какая я им кажусь. Или есть. Ну, как им объяснишь, что я знаю, что родилась в начале двадцатого столетия? Спросят, доверяю ли своим метрикам? А я дальше: все, что со мной там произошло, сделало меня счастливей от мысли о бессмертии, а сейчас вообще я живу с наслаждением, что являюсь победителем жизни, для которого все складывается хорошо!

...Спорить прилюдно никто не станет. В лучшем случае, не поверят. Аня испугается. А в худшем, если зять или умный Кантович настоят, замигает огоньками Юлии Васильевне Жанкиной психиатрическая клиника.

Выхода два: молчать или писать роман в жанре фэнтэзи. Только это королевский подарок!»

«Мои длинные светло-русые волосы струятся по плечам, я откидываю их назад, невольно замечая поседевшие концы и досадуя, что вместо парикмахерской должна двигаться совсем в другом направлении. Но я бессильна перед действительностью, меня безжалостно обворовали, а признавать проигрыш мне не хотелось.

Здание № 28 на проспекте Ворошиловском, куда я стремительно лечу, почти все принадлежит Кировскому отделению полиции, но задолго до прямого назначения использовалось по-другому. Вот она, любопытная страница дореволюционной истории памятника архитектуры, разделяющая его на левое и правое крыло — фасадные скульптуры. Со второго этажа мне подмигнула обольстительно танцующая дева, медальон с изображением которой так и притягивал взор, а с третьего — она ощутила властный взор красавицы, задрапированной в греческие складки одежды, не скрывающей женских прелестей.

Еще один примечательный штрих был укрыт от простого обывателя во внутреннем убранстве этого здания. Давнишняя характерная черта как бы ни нарочно, но деликатно и настойчиво намекала на падения и взлеты слабой человеческой души, и длинная череда дверей разводила пакостные страсти Амура... по номерам. Нравственная сила добродетели и порядка, впоследствии выполняющая свое благородное предназначение, назвала эти помещения служебными кабинетами. Хрустальные люстры, мебелировка и живопись, составляющие колорит вальяжного убранства бывшего городского борделя, были незамедлительно уничтожены, но экспозиция персонажей на фасаде и после переустройства помещения все же оставалась прежней.

Я опускаю взгляд под ноги и вижу четкие черно-белые клетки. Простая геометрия коридоров уводит меня в бесконечную даль — черная диагональ на-

право, белая диагональ налево. На диагоналях мне на глаза то и дело попадаются сомнительного вида личности обоих полов, не кажущиеся ни благонаправленными, ни испуганными. Они вылетают то справа, то слева, а то и несутся прямо в упор, едва не сбивая меня с ног.

Вот дверь. Дежурный у входа в отделение беззвучно назвал мне этот кабинет. Теперь надо как-то договориться с полицейским, чтобы пришел и припугнул этих негодяев, которые не дают мне сыграть свою партию... Может деньги предложить? Рублей пятьсот? Кто его знает, сколько запросит. Правда, во второй половине дня люди стоворчивее. В своем белоснежном прозрачно-разлетающемся платье я тревожно присела на покачивающийся стул у входа в кабинет.

— Не надо овцой прикидываться, Ферзь! — послышался из глубины кабинета чей-то голос.

— Это незаконно держать человека в этом паскудном месте! Ни сплита, ни чистой воды, чтоб умыться — дерзко отвечал другой.

— Вас задержали по закону до полного выяснения картины нарушения правопорядка и в полном соответствии с правилами игры. А кондиционеров для побежденных у нас в изоляторах не водится. Вам мат!

— Черт! Вы знаете, что такое ночь в тюрьме?! И кто там сидит?! Это глупые пешки! — захныкал голос.

— Да, привередливый народ. Распишитесь здесь...

— И непредсказуемый, как и ваш обслуживающий персонал! Мы были только в одном месте, а нас

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
подставили. наших пешек заставили квартал прочистить, — запальчиво оговаривался мужчина, — «вымакивать», как приказал ваш слон.

— Где пьют, там и льют. А потом неизбежно за собой вы-ма-ки-ва-ют, — прокатился басистый смех.

— Да вы...

— Гражданка, забирайте своего ферзя, пока он не наукарекал тут чего лишнего. А то ведь в изоляторе можно задержаться не на трое суток, а до самого эндшпиля.

Послышался стукдвигающихся стульев, затем дверь настежь отворилась, и из кабинета вышла взъерошенная жертва, похожая на шахматного ферзя. Его длинная одежда зловеще свисала до пола, волосы, глаза и губы, нарисованные единым похоронным цветом, красноречиво протестовали: «Я живой среди вас, мертвых».

Ужаснувшись близости загробного мира, я отпрянула от двери, потом мой взор упал на складки собственного наряда — но он сиял белизной. «Как хорошо, что я в белом платье! У белых сейчас замечательная позиция», — подумала я, входя в зияющий дверной проем, ошарашено произнося вслух. — У нас ведь сильная атака?

Сидящий за столом полицейский оказался знакомым. Он снисходительно улыбнулся и размяк в кресле. Волосы на его руках были светло-рыжие, но взгляд из-под выгоревших от палящего солнца ресниц казался темным.

— Сильная, но опасная. А мы с вами живые среди мертвых.

— Правда? — я занервничала, думая уже о своем визите.

— Вам же нравится играть по-настоящему, — Белый король криво усмехнулся.

— Играть? — растерянно переспросила я.

Передо мной тут же возникла картина кладбищенской оргии с песнопениями, как если бы я сама принимала в ней активное участие.

— Козел! — ворвался в мою импровизацию взволнованный голос Короля. — И ничего с ним не поделаешь — никаких противоправных действий он не совершил, и все. Вот жизнь пошла, никто ни в чем не виноват!..

— Какая дикость! — строго прокомментировала я и участливо кивнула головой Королю, продолжавшему свои муторные рассуждения о подклассах социума.

— Ну, такие, как он, считают это борьбой с обществом, которое, видите ли, их затра..., извиняюсь, изнасиловало, — глаза Короля неестественно округлились и вперились в мое лицо. — А вас-то кто?

— Н-н-нет... со мной все в порядке, — я смущенно перевела взгляд на свои колени, стараясь прикрыть их юбкой. «Первый ход, наверное, я сделала неверно, теперь надо как-то выпутаться».

Шахматный король удивленно и вождеденно разглядывал контуры моей фигуры, отчего я еще больше засомневалась в правильности своего нахождения в отделении полиции и поспешно сообщила:

— У меня роман украли.

— Ну, вы даете, гражданочка! — изумился собеседник. — Заведите новый. Неужели без нас никак?

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Нет, вы не поняли. У меня украли прекрасную идею литературного произведения. У меня больше нет такой идеи.

— Выкладывайте скорее, кто вас там обворовал, соседи, знакомые? — Белый король поднялся с места и дал понять, что ему нужен небольшой антракт после стольких неприятных визитеров. — Заявление пишете по форме. Вот бланк. Идите, напишите и принесите.

Я схватила со стола листок и шустро выскочила вон из кабинета, прикрыв за собой дверь. Облегченно выдохнув, небрежно затолкала листок в сумку и заторопилась к свету в конце коридора...

Простыня, которой я укрывалась, казалась горячей, как и душный воздух давно наступившего утра. Анин голос перебил тревожный сон:

— Мама, вставай! Десять часов! Нам скоро в аэропорт, а ты все спишь и спишь. Я уже и радио погромче включила.

Ощущение нереальности еще не покинуло меня, как дочь, уцепив за шкурку белого кота, появилась в дверях:

— Вот! Забери своего любимого пакостника, — кот приземлился рядом со мной. — Опять надул на кухне. Пришлось мордой макнуть его в вонючую лужу.

Я села в кровати и погладила испуганного перса по имени Ферзь:

— Эх, ты, котьяра... Опять нахулиганил! Я тебе лучший кусочек отдаю, а ты! Видишь, теперь Аня с тобой как прокурор, разговаривает!

— А как его за эти дела не ругать?! Ну невозможно же каждый день подтирать!

— Кошка, наверное, какая-нибудь гуляет, а у него избыток чувств выливается.

— Избыток не сразу выветривается, — поморщилась Анна. — Так вся твоя квартира пропахнет его удоями, — она замахнулась полотенцем на пушистого хулигана и в сердцах выпалила: — Кастрировать его надо, чтобы ни о чем не думал! Или соседке отдать, которая им умиляется, что еще правильнее.

— Ладно тебе! Видишь, как он задрожал: понимает, что ты затеваешь. Для начала надо памперсы ему купить, и на ночь надевать.

— Ой, мам, личную жизнь тебе надо устраивать, а не кота ублажать, — она сосредоточенно посмотрела на вчерашний маникюр и продолжила: — Почему ты порвала с этим сербом? Мне кажется, это был твой шанс.

— Думаешь, последний?

— Из упущенных, судя по твоему настрою, не последний.

Умеет она всего одной мыслью увести от счастья и привести к депрессии. Адвокат!

Вернувшись тогда из Сербии, я засела за отложенный в дальний ящик роман о судьбе известного шахматиста. Кстати, прототип моего героя и подарил мне когда-то белого котенка по имени Ферзь. Так вот, анализируя события жизни этого человека, я непременно дорисовала его прошлое, обманывая других масштабом его личности.

Я думала о Мирославе. Думала и об отстраненных во времени и близких по переживаниям событиях. И тут пришла мысль, как хорошо сохранять расстояние в романтических отношениях. Как быстро улетучивается нежность и приходит усталость! Мирослав, конечно, не понял моих рассуждений, и наша переписка сама собой оборвалась. А если бы я согласилась на домик у реки и уехала бы к нему? Не факт, что мы сохранили бы духовную близость. Просто я не стала обманывать себя.

— Ань, давай не будем усложнять свое счастье! — предложила я дочери.

В ответ Анна широко улыбнулась:

— Не будем, мам! Вот я и тороплюсь домой, к своему счастью возвращаюсь. И тебе советую.

Из распахнутого настезь окна июнь грозил жарой.

«Странно, кому это я во сне пятьсот рублей пыталась всучить? Тоже мне, «белый король»! В райотделе! У моего кота, поди, родословная, богаче. Не хочу я быть его королевой, притом в шахматном хаосе. Может, зря я так скоропалительно отказалась от домика у реки?» — Ферзь мечтательно замурыкал в руках хозяйки.

Юлия включила Скайп и увидела, что огонек Мирослава Дьяконовича горит зеленым глазом.

Она позвонила, протяжные гудки возвестили абонента, и на экране тут же появился мальчик лет шести.

- Добар дан! — улыбнулась ему Юлия.
- Добар дан! — пропел он чистым голоском.
- Молим вас¹ Мирослава Дьяконовича? — обратилась Юлия по-сербски.
- Овде Мирослав Дьяконович².
- Ты, наверное, его внук? — растерялась она.
- Тата, — громко позвал ребенок. — Дошла је нека жена, она је нешто рекла³.

«Что за невезение! Почему не может подойти сам Мирослав?»

К экрану подошел Братислав.

- Тата, она тражи деда Мирослава⁴.
- Аіде ти⁵, — сдвинул его со стула отец, а потом сдержанно и чуть улыбнувшись, обратился к Юлии.
- Здраво!⁶

«Господи, что могло случиться с Мирославом?»

— Нет, нет, если Мирослава нет...

Братислав опять помотал головой.

— Где он? Почему его нет?

Братислав молча слушал поток русских слов, но Юлия почувствовала, как затеплился огонек доверия между ними.

— А? — спросила она глазами. — Он жив?

Братислав с горечью усмехнулся:

¹ Будьте добры (сербск.).

² Это Мирослав Дьяконович. (сербск.)

³ Папа, женщина пришла незнакомая, она что-то сказала. (сербск.)

⁴ Папа, она ищет Мирослава. (сербск.)

⁵ Давай, иди! (сербск.)

⁶ Здравствуйте! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Он је отшао да ратује у Украину¹.

— На Украину?

— Сјајно, а?²

— Но почему? — недоумевала Јулија.

— Ко њега зна! Он је сам свој газда!³

Јулија принялась лихорадочно листать свои анналы в поисках того, кто помог бы найти Мирослава. На украинской или на ополченской сторонах. Один знакомый договорился с другим, а тот с «эфэсбэшным» генералом, и за короткие двое суток, а возможно, и по счастливой случайности, «таковой гражданин Сербии был обнаружен среди Луганской армии ополчения». «Жив!» — облегченно выдохнула Юлија, и за следующие еще более короткие сутки успела поздороваться-пообщаться с еще десятком человек, чтобы, наконец, договориться о поездке в Луганск, и о том, чтобы ее доставили именно туда, куда следовало.

С билетами проблем не возникло, в основном, люди ехали в обратном направлении. Русско-украинскую границу Юлија должна была пересечь в Чертоково. Граница эта проходит по железнодорожному пути, а потом уж надо добираться до Луганска. Не предвиделось неприятностей и на безвизовой границе, хотя мужчин от шестнадцати до шестидесяти на Украину месяца три уже не пропускали. Но самая большая сложность состояла, главным образом, в доставке в пункт назначения. Договоренность имелась, но

¹ Он ушел воевать на Украину. (сербск.)

² Здорово, а! (сербск.)

³ Кто его знает! Он сам себе хозяин! (сербск.)

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■

кто знает, как сложатся обстоятельства? Встретят, не встретят? Но для нее выбора не было.

— Ты поаккуратней там! — напутствовали соседи, которых она попросила поливать цветы, «если что». А за спиной, конечно: «Она не в себе!»

— Я на неделю, не больше, — ответила она, поворачивая ключ.

И поздним августовским вечером села в рейсовый автобус, который за шесть часов, укачивая и встряхивая, довез ее до Чертково. В три часа ночи она оказалась на небольшой станции, перед железнодорожным вокзалом. «Огородили все до небес, как Китайской стеной, — оглядывала она незнакомую территорию, отмечая про себя, что через все пути идет высокий мост, тот самый, который соединяет Украину и Россию, населенные пункты Меловое и Чертково. — А по мосту ходит пограничник... Найти бы своего сопровождающего с машиной «Субару». Господи, не так себе, а на «Субару» будем пересекать рубежи бывших братских республик».

Юлия набрала нужный номер телефона, подъехала серебристая машина, как оказалось такси, и в они поехали в кромешной тьме. Времени прошло совсем ничего, возможно, они проехали метров сто, когда водитель остановился:

— Ну, вот вам и Украина. Железнодорожные пути открыты, поезда нет. Переходите аккуратненько, а там, — он прочертил лучом направление, — вас ждет Виктор, на черной «волжанке».

Поблагодарив, Юлия зашагала через рельсы, осторожно осматриваясь по сторонам. Ни охраны, ни

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

охранника. Пешком можно перейти, и ты уже на Украине.

Увидев распахнувшуюся дверь ожидавшего ее автомобиля, она плюхнулась рядом с водителем и перестала волноваться:

— Вы же знаете, куда ехать? — только спросила она.

— Угу, — кивнул он.

Не включая фар, они неторопливо выехали на асфальтовую дорогу и, прижимаясь к молодой лесопосадке, двигались со скоростью не больше восьмидесяти километров.

Никто не стрелял. Над головой зажужжал вертолет. Виктор резко затормозил и съехал на обочину, боком притулившись к тополям:

— В случае обстрела машины, открывай дверь и вылетай наружу, поняла?

— А потом куда идти?

— Вот потом и разберемся, не бойсь!

Она не успела опомниться, как в какофонию грохота мотора небесной машины вплелась артиллерийская очередь. Резко застучал пулемет, пронзительно демонстрируя свою губительную силу. В небе и в поле поднялось сумасшедшее движение.

— Прыгать? — крикнула Юлия.

— Сиди! — остановил Виктор.

Совсем рядом небо сотряслось громом, раздался взрыв страшной силы, и в поле зачадил черная точка. Юлия вжалась в сиденье, чувствуя сильный жар и не в силах пошевелинуться: «Судьба опять пригласила меня в фантастический, иллюзорный сон».

Грохотало со всех флангов. Как в Апокалипсисе, мчались жгучие ракеты, опять взрывалась и вздыбливалась земля, поглощая слух, разум и волю.

Вдруг все стихло, не задев обоих путников и их утлое суденышко, пытающееся вырваться из огромной военной игры.

Виктор в бинокль всматривался в стрелу дороги.

— Все в дыму, в пыли, ни черта не видно, — он сплюнул в открытое окно. — Ладно, поехали потихоньку.

На равнине миролюбиво блеснули дальние огоньки. «Здесь живут люди, грохот разбудил их, и они проснулись, — думала Юлия. — Возможно, раньше они сидели за одной партией, играли в одном дворе в войну, а теперь готовы встретиться друг друга свинцовым огнем. Одни дрожат от возбуждения, ставя на колени поселки и города, другие, вибрируя возмездием, отмечают их со своей территории».

На дороге показалась выгоревшая тушка БМП, а дальше в поле догорали обломки вертолета. Где эта линия разделения людей, их убеждений, их земель, наконец, их будущего?!

Машина деловито пробиралась по извилистым дорогам, выбрасывая из-под колес фонтаны просеочного щебня. Сквозь рассветные лучи сменяли один другой раздолбанные дочиста поселки, и в каждом дворе — вывороченная от снарядов земля, обрушенные стены, перекорезанные ворота, двери, окна. Лишь изредка встречались люди с бронзовыми лицами, тянущие покрытые парусиновыми чехлами груженные повозки. И опять поля, повсюду поля — сожженной

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □
кукурузы, вытоптанной пшеницы, взорванного под-
солнуха...

«Не верится, что полгода назад здесь стояла тишина», — думала Юлия, глядя, как вдалеке заблестела, переливаясь серебристыми красками, река.

— Неужели только река осталась красивой! — показала она кивком головы на водную гладь за окном.

Виктор улыбнулся уголками рта, поведя взором направо.

«Говорят, лишь третье поколение, выросшее без страха физического уничтожения, способно на активные действия, а если их избежать, то могут возникнуть условия для восстановления генетического обеспечения нравственности¹. Кончились набег татар на Русь, перестали русских выколачивать при Иване Калите, так его внук вывел войско на Куликово поле. Петр III выпустил Указ о вольности дворянства и через 60 лет в России — восстание декабристов. Отменили крепостное право, и опять закон сработал — Октябрьская революция. И сейчас также, третье «небитое» после Сталина поколение активизировалось. Все-таки дали втянуть себя в авантюру. Что это за агрессия?».

— Что это за река?

Виктор пожал плечами и произнес:

— Лугань.

И тут же машина резко свернула с шоссе и, закрипев повышенной передачей, перекатываясь с боку на бок по узкой пыльной дороге, поползла к

¹ Закон о третьем «небитом» поколении В.С. Ключевского. На каждое поколение отводится примерно 20 лет.

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

бак. — Ајде, улази, погледај у флашу¹. Там је что-нибудь. Хотя вода так топла², что рыба не хочет из нее вылезать...

Тут-то он, наконец, повернул свой седобородый профиль и застыл, думая, не померещилось ли ему видение Юлии.

— Мирослав!

Она побежала к нему по узкой тропке так, будто он сейчас скроется от нее в камышах или убежит вовсе. Потом внезапно остановилась в метре, будто ближе не разрешалось.

— Мирослав! Я пришла.

Он отложил удочку в сторону, медленно поднялся с земли и шагнул ей навстречу:

— Здраво! — он провел пальцем по ее губам.

Она обхватила его голову ладонями и смущенно сухо поцеловала его щеку:

— Как ты?

— Как я хочу! — он поприветствовал ладонью Виктора и коснулся Юлиной руки. — Пойдем в дом.

Пахло человеческим жильем. В довольно просторном помещении сельского домика, обстановкой больше похожего на гараж, тянуло вяленой рыбой, нанизанной за глазницы на провисший шпагат. В центре стола стоял пригорелый котел из-под паприкаша и вымытые тарелки. Вдоль стен, наподобие полок в бане, пристроились нехитрые кровати ополченцев, еще вчерашних шахтеров, тех, кто недолго отдыхал

¹ Давай... посмотри в кувшин. (сербск.)

² Такая теплая (сербск.).

Из их разговора Юлия успела понять, что украинские военные опять пытались взять их рубеж, что рассчитывают, видимо, на боевую технику с Запада, но «это дерево им все равно не по руке». И вообще лучше бы не заключать перемирия, о котором ходят разговоры, а идти дальше и дальше. «Киев все равно придется брать!», — как-то привычно произнес Виктор.

Мирослав отпил глоток, посмотрел в сторону Юлии и уставился в потолок.

— Зачем ты здесь? — быстро прошептала Юлия и огляделась.

— Так надо, — он стал скуп на слова.

— Воевать против ополчившейся Европы?

Он кивнул.

Мужчины продолжали терпкий разговор, не смущаясь присутствия женщины. Слезы подкатывали к горлу, и Юлия думала, как ей вытащить из этого котла человека, как ей казалось, не причастного к политическим событиям совсем другого государства. «Тяжелые веки, глаза покраснели. Он осунулся, почернел даже, — думала она. — И в этих нечеловеческих условиях... А если с ним здесь что-нибудь случится, вряд ли можно будет помочь. Надо же было додуматься до такого! В конце концов, он нужен своему сыну, внуку... И мне».

— Виктор спрашивает, когда ты хочешь уехать, он ответит тебя. — Мирослав слегка толкнул ее локтем, выводя из оцепенения. — Чем быстрее решишь, тем лучше для тебя.

— Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Хочу, — ответил человек размытого возраста с решительным взглядом.

— Ты дьявол! — она встала и направилась к выходу.

— Стой, сестра! — позвал он ее. — Останься još¹...

— Сестра? — она смотрела прямо в сердцевину его бессердечия.

— Пожалуйста, Юлия, давайте немного передохнем с дороги! — послышался за спиной голос Виктора.

— Я не собиралась уезжать так быстро, но, пожалуйста, поеду, чтобы никого не обременять.

— Пожалуйста, Юлия Васильевна! — еще раз попробовал Виктор.

— Нет, я хорошо понимаю: ты в коллективе, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями, — она вернулась, села к столу, забарабанила пальцами по коробке конфет.

— Мне сегодня приснилась шоколадка, — Виктор глазами показал на конфеты. — Откроем?

Юлия молча подвинула к нему коробку.

— Пойдем, Витек, — Николай первым решительно встал и направился к двери. — Будешь себя хорошо вести, приснится целая упаковка шоколада.

Мужчины, наконец, поняли, что этим двоим странникам по миру надо поговорить по душам.

Виктор выпрямился и одернул ремень:

— Як тильки, так зразу!² — щелкнул пальцами Николай и прихватил со стола кусочки суджука.

¹ Еще (сербск.).

² Как только, так сразу (укр.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Зачем ты пальцами щелкаешь? — раздражается Николай.

— Чтобы отогнать «укропов»¹.

— Так их нет в радиусе километра.

— Вот видишь, какое это эффективное средство! — щелкает Виктор.

Дверь захлопнулась. Юлия подняла глаза на Мирослава, выглядевшего внешне без чувств, ведь они мешали делу.

— Где твой письменный стол? — ее фраза царапнула слух.

— А! Там...

— Люди говорят, что перо сильнее меча. Значит, писателя уже нет?

— Я свободный от букв, слов, точек, запятых, — он почесал в бороде. — Не ломаю голову над происходящим. Живу и все.

— Ты решил, что война примет тебя? Тебя, вскормленного европейской мирной кашей? Тебя?

— Шта это — каша?

— Неважно, — негодовала она, глядя на то, как он расслабился. — Я схожу с ума, а ты смеешься надо мной!

Юлия уронила голову в ладони и заплакала.

Он взял ее за руку и прошептал на ухо:

— Ты носишь мое кольцо...

Она закивала, утирая слезы ладонью.

— Верёница!

— Да, — всхлипнула она.

Сжав ее лицо в ладонях, он заглянул ей в глаза.

¹ Так называют бойцов украинской армии (сленг).

— Куда же ты убежала от меня?

Она смотрела на него и слезы текли, текли неудержимо по ее щекам.

— Я думала, так будет лучше. Думала, буду лишней в твоей семье. Никогда не стану родной твоему сыну...

— Тогда тебе не надо думать, — прищурился он.

— Ты опять смеешься!

— Сейчас плачу. А сердце хочет петь.

— Петь? — переспросила она сквозь слезы.

Он кивнул:

— Но если я сейчас запою, ты покажешь так, — он покрутил пальцем у виска. — Да? «Боље је са паметним плакати, него са будалом певати»¹.

Она улыбнулась, погружаясь в его объятия:

— Кто это — будало? Дурак?

Он кивнул.

— А как ты думаешь, на свете много дураков?

— Двое точно!

— Тогда давай петь вместе!

Они стояли, покачиваясь в такт только им одной ведомой музыки. Ее голос влился в умиротворенность:

— Я так испугалась, когда не застала тебя дома.

— Думала, я умер?

— Нет, ну...

— Следуй моему совету: тебе не надо думать.

— Я говорю, что испугалась за тебя.

¹ «Лучше с умным плакать, чем с дураком петь». (сербск. поговорка)

Он обнял ее еще крепче и произнес, стараясь казаться беспечным:

— Видать, надо кому-то меня на земле попривержать. Должен я нашу историю сохранить, понимаешь? Нельзя вот так зарыть и забыть!

— Зарыть и забыть, — машинально повторила за ним Юлия. — Ты хочешь написать о нас?

— На бумагу? — скептически посмотрел Мирослав. — Сколько сейчас бумаги испорчено! А кто читать будет написанное? Нет, сначала жить надо.

Вдруг Мирослав заулыбался, глядя на дверь:

— Заходи, рода!¹

Юлия вздрогнула при мысли, что какая-то непрощенная гостья посягает на их жизненное пространство, но обернувшись, открыла рот от удивления — в дверях стояла большая белая птица.

— Это рода! — гордо представил его Мирослав.

— Журавлик? — Юлия настороженно уставилась на длинный птичий клюв. — Я никогда не видела его так близко. Он летает высоко в небе.

— А, ждрал!² Тот летает, у него руки свободные, — Мирослав сделал взмах и улыбнулся. — А это рода, она носит детей. И меня сюда принесла, видишь?

— Аист! — поняла Юлия. — А до Ростова, значит, птица не донесла тебя?

Мирослав осторожно погладил свесившееся крыло птицы:

¹ Аист (сербск.).

² Журавлик (сербск.).

□ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □ ■ □

— Болесна. Али биће светли тренутак, и она ће имати своју кућицу¹.

— Когда?

— А! Когда кончится тут всё!

— Тогда и мы с тобой будем вместе, да?

Он послушно кивнул:

— У кућицу на реки! И я сделаю јагњећи паприкаш².

— А я жульен.

— Ракии можно... не много³.

— Зажжем свечи, как тогда, помнишь?..

¹ Больна. Но настанет светлый промежуток времени, и у нее будет свой маленький домик. (сербск.)

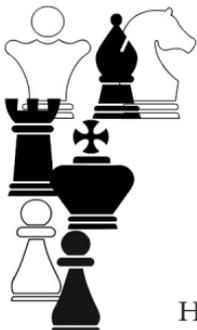
² Паприкаш из баранины (сербск.).

³ Немножно (сербск.).

ЭПИЛОГ.

Воплощение сна

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его избрали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Ф.И. Тютчев¹

Нагретый воздух спокойно остывал, сбрасывая с себя солнечный жар. Сумерки уносили африканское пекло. На глинистом пустыре остановились два путника. В мертвом безмолвии им хотелось услышать хоть какой-нибудь домашний звук — визг мальцов или коровье мычание, но простор, словно подстриженный под ноль, безответно оглох.

— Смотри, — прервал молчание Мирослав, — по всем расчетам мы должны были выйти к поселку, но он и не думает показываться. Сквозь землю провалился, как и все другие.

— Ты не ошибся в своих расчетах-то? Скорее всего, свернул не там, где надо, — предположила Юлия.— Свернул и не заметил.

— Ты стала замечать, что я ослеп? — занервничал он. — Мне ведь не приснился тот поселок! Его просто нет. Ничего больше нет на Земле и никого...

— Кто-кто, а ты-то знаешь, что люди и предметы могут попасть в некие трубы времени, а потом появиться опять, — произнесла она.

¹ Русский поэт (1803–1873).

Он напрягся еще больше, пошел вперед быстрыми шагами и по-стариковски забормотал:

— Знаю я. Но почему за свои шестьдесят лет жизни я второй раз попадаю в эту трубу?!

«Какая чудовищная нелепица!» — думала Юлия, но шла следом и сочувственно твердила:

— И я с тобой попадаю в ту же... историю. Но мы, как и тогда, обязательно найдем выход!

Со скорбной пристальностью посмотрел он на алеющий парус горизонта, где белел едва заметный столбик печного дыма:

— Идем!

Спустились они с пригорка, обогнули окаймленный рыжим лесом мысок реки, и увидели каким-то чудом уцелевшую деревянную баню. Рядом с ней трудились люди. Один колот чурбачки, другой складывал их в поленницу. Женщины штопали сеть, растянув ее прямо на стене. Дети наблюдали, как молодой парень рубит топориком ощипанную крякву и бросает куски в большую обгорелую консервную банку.

Рыжая собака сначала оцетинилась, но принявшись, дружелюбно улеглась под ноги: вся жизнь при человеке!

Поздоровавшись, путники опустили на траву возле костра.

— Дедушка, у вас соль есть?

— На, — Мирослав достал маленький пакетик из мешка и протянул девчуске, — там и немного перца.

— Вот здорово!

Дым сливался с ароматом похлебки, сворачивался в белый шлейф и паутиной путался в кроне склонен-

*Мне малым мало спалось,
Ой, да во сне привиделось...*

Мелодия убаюкивала, звала куда-то в прошлое.

Вдруг отдельные слова песни стали вырываться другими тембрами голосов. «Почему они выкрикивают совсем другие слова, а не поют вместе со всеми?» — молнией мелькнул вопрос в Юлиной голове.

Высокое звездное небо угрожающе снизилось до белой штукатурки потолка. Отчетливо зазвучали два незнакомых голоса.

— ...и включи вентиляцию, здесь дышать нечем, — распорядился мужчина.

— Сейчас уже не так жарко, я открою окно, — предложила женщина и тут же впустила в напряженную тишину поток живых восхитительных звуков природы.

Юлия поднесла руку к глазам. Часы показали: 19:07 — 07.07.2024.

— Лежите, вам пока лучше не двигаться! — белокурая перепудренная девушка заглянула ей в глаза и поправила капельницу. — Ваш муж еще спит.

— Значит, он жив?

— Конечно, жив, — медсестра высоко возвела брови. — Приборы контролируют его состояние!

Юлия повернула голову и заметила мерно поднимающуюся грудь Мирослава и его тихое сонное сопенье.

— А вы? — она пыталась подняться на локте. — Вы тоже выжили после ядерной войны?

Медичка хмыкнула.

— У нее опять бред, — сверкнул накрахмаленным халатом мосластый доктор. — *Nuphroloma sublateritium*, точно. Видно, этой дрянью будут травиться до самого Апокалипсиса.

— Это американцы на нас такую заразу сбросили, — с мрачной иронией произнесла Юлия.

— Это опята, ложные, — безмятежно рассмеялся токсиколог. — Одного хватит, чтобы четверых отравить. А на вас, пенсионеров... И где вы их только берете?

Юлия тут же вспомнила, как вчера они с Мирославом отмечали в ресторане десятилетие счастливого брака. Мягкий свет, романтически искрится в бокалах красное вино, в кокотницах ароматно благоухает грибной жульен... Официант улыбается: «Грибы настоящие, лесные!»

— Грибы, что ли? — осенило ее.

Врач кивнул:

— От Дона до Рязани все грибы с глазами. Их едят, а они глядят. — И тут же добавил: — Думаю, еще одно промывание сделать придется, и уж потом забирайте своего мужа и отправляйтесь домой!

Оглавление

Пролог. Инновационный урок	3
Глава I. Нечаянные впечатления	9
Глава II. Приговоренная к минувшей эпохе	55
Глава III. Летопись одного рода.....	141
Глава IV. О благополучном возвращении	203
Глава V. О чем не говорилось раньше из вековых завихрений	231
Глава VI. По принципу инерции	311
Эпилог. Воплощение сна	377

Марина Сычева

Когда король ходит пешкой

Роман

Редакторы: Н. Лучинкина, Г. Беленький
Верстка М. Курузьян

Подписано в печать 20.06.2015.

Формат 70x100 $\frac{1}{32}$.

Тираж 500 экз. Заказ №

«Издательство БАРА»

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Обороны, 16